

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 11 2022 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

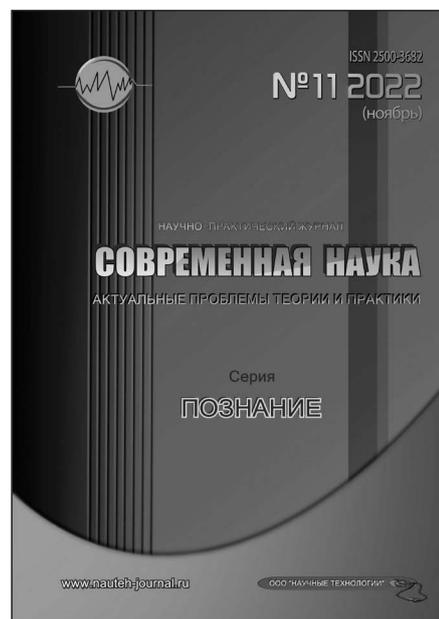
Подписано в печать 10.11.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №10 (октябрь) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Заболотская Е.А.** – Стилистический прием «гипербола» в живописи и графике
Zabolotskaya E. – Stylistic device "hyperbole" in painting and graphics 5

Психология

- Архангельская Н.В.** – Современное понимание феномена доверия в социологическом аспекте
Arkhangelskaya N. – Modern understanding of the phenomenon of trust in the sociological aspect 9

- Богданов В.В., Мажинский С.В., Ноздрачев К.Г.** – Развитие типологий личности
Bogdanov V., Mazhinsky S., Nozdrachev K. – Development of personality typologies 13

- Иванов Д.В., Хохрина А.А.** – Психологическая коррекция самоотношения студентов с нарушениями пищевого поведения
Ivanov D., Khokhrina A. – Psychological correction of student self-attachment with disorders of eating behavior 24

- Игнатов К.А.** – Нервно-психическая устойчивость у подростков с психическими расстройствами
Ignatov K. – Neuropsychiatric stability in adolescents with mental disorders 29

- Уланова А.О., Хаидов С.К.** – Развитие уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения
Ulanova A., Khaidov S. – Development of the aspiration level of older adolescents with visual impairment 32

- Фесенко С.Н.** – Телесные модификации: определение, виды, роль в развитии личности
Fesenko S. – Bodily modifications: definition, types, role in personality development 36

Философия

- Елдин М.А., Болмусов П.А.** – Моральный аспект философии религии в России и на западе - безрелигиозный протестантизм и православная традиция в современном обществе
Eldin M., Bolmusov P. – The moral aspect of the philosophy of religion in Russia and in the west is non-religious protestantism and the orthodox tradition in modern society 40

- Калинина В.О.** – Значимость экологической этики в формировании личности студентов на занятиях немецкого языка
Kalinina V. – Importance of ecological ethics in shaping the identity of students in German language classes 46

- Ковалева М.В., Телегин А.А.** – Кризис культуры сквозь призму проблемы атеистического сознания в русской религиозной философии конца XIX-начала XX в.
Kovaleva M., Telegin A. – Cultural crisis through the prism of atheistic consciousness problem in the Russian religious philosophy of the late XIX-early XX centuries 49

- Королева-Конопляная Г.И.** – Проблемы истины в философии
Koroleva-Konoplyanaya G. – Problems of truth in philosophy 53

- Петренко О.А.** – Основные проблемы и понятия аналитической философии языка
Petrenko O. – The main problems and concepts of analytical philosophy of language 58

- Свидерский А.А.** – Специфика ценностей техногенного общества
Svidersky A. – The specifics of the values of the technogenic society 62

- Тетенков Н.Б.** – Понятие субъективности в философии Фуко
Tetenkov N. – The concept of subjectivity in Foucault's philosophy 65

Токарев Д.А. – Модусность страдания в экзистенциализме Альбера Камю <i>Tokarev D.</i> – The modularity of suffering in the existentialism of Albert Camus 70	Шустов А.Ф. – Внутренние закономерности и социальные факторы развития технической деятельности <i>Shustov A.</i> – Internal patterns and social factors of technical activity development 79
Чижик П.И., Черных И.И., Макатов З.В. – Ценностные приоритеты гуманитарной культуры курсанта академии гражданской защиты МЧС России <i>Chizhik P., Chernih I., Makatov Z.</i> – Value priorities of the cadet's humanitarian culture Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia 74	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 83
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 84

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ «ГИПЕРБОЛА» В ЖИВОПИСИ И ГРАФИКЕ

Заболотская Евгения Александровна

кандидат технических наук, доцент, Институт
Искусств, РГУ им. А.Н. Косыгина (ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН.
ИСКУССТВО), г. Москва
evgeniya.art@mail.ru

STYLISTIC DEVICE "HYPERBOLE" IN PAINTING AND GRAPHICS

E. Zabolotskaya

Summary: This article is devoted to the study of the "hyperbole" stylistic trope in art, which has various forms of embodiment in many areas of spiritual, social and scientific activity of modern man. The study of hyperbole is of interest not only for the sciences that study language, but also for art history, which considers hyperbole as an artistic technique and a means of creating an expressive image in the fine and decorative arts.

Keywords: stylistic devices, hyperbola, exaggeration, painting, graphics, artistic language, graphic language, expressiveness of the image.

Аннотация: В статье рассматривается применение стилистического тропа «гипербола» в искусстве, который также имеет разнообразные формы воплощения во многих сферах духовной, социальной и научной деятельности современного человека. Изучение гиперболы представляет интерес не только для наук, изучающих язык, но и для искусствоведения, которое рассматривает гиперболу, как художественный прием и средство создания выразительного образа в изобразительном и декоративном искусстве.

Ключевые слова: стилистические приемы, гипербола, преувеличение, живопись, графика, художественный язык, графический язык, выразительность образа.

Для современного искусства характерно слияние познавательной и чисто художественной сторон творчества. Произведения искусства отражают культурный уровень народа той или иной эпохи. Они не только помогают ему жить, но и формируют их вкусы: обостряют художественное видение, воспитывают чувство цвета, ритма, учат понимать замысел произведения, его образность [1]. Общие законы изобразительного искусства имеет свою специфику, свои композиционные и стилистические особенности [2]. Стилизация - это совокупность художественных свойств, усиливающих эмоционально-выразительную и художественно - организующую роль произведений искусств в окружающей человека предметной среде

Актуальность данной темы заключается в широком применении, общедоступности и популярности стилистического приёма «гипербола» в разных видах искусства. Гипербола может решить проблему стилистического однообразия, расширить возможности художественного языка, особенно, относительно графического или живописного изображения.

Актуальность создания и применения гиперболы в произведениях искусства постоянно изменяется, потому что ее смысловая специфика напрямую зависит от потребностей и ожиданий социума в культурном пространстве отдельно взятой страны.

Таким образом, целью данной работы стал анализ гиперболизированных образов в интересующей области применения (искусство визуальное – живописное и графическое), не заостряя внимание на остальных

видах искусства, но затрагивая их, как опору для исследования. При этом объектом исследования является стилистический троп «гипербола», как форма создания художественного произведения, а предметом исследования – особенности его применения в искусстве. В исследовании были поставлены следующие задачи:

- провести параллели между литературной гиперболой (словесной) и гиперболой, переданной визуальными способами (живопись, графика);
- выделить несколько главных принципов создания, понятной для зрителя гиперболы;
- описать на анализе произведений способ внедрения найденных принципов в живопись и графику

Во всех сферах нашей жизни современный мир гиперболизирован. Преувеличение стало неотъемлемой частью жизни и существования общества. Гипербола определяется как приём, использующий намеренное усиление каких-либо качеств или свойств, явлений, предметов или процессов с целью создания яркого и впечатляющего образа. Слово по своему происхождению является греческим: «hyperbole» — буквально означает «преувеличение». Начальная часть «гипер» является приставкой во многих словах и переводится как «сверх», «над», «выше нормы» [3]. Она служит не только наименованием, она также сопровождает наше мышление и необходима автору не только для того, чтобы благодаря намеренному преувеличению, доступно передать идею для зрителя, но, и чтобы он сам мог полностью осознать свою собственную идею [4].

В искусстве существуют определенные правила для применения в художественном произведении приема

гиперболы; они нужны для того, чтобы визуально она узнавалась и давала возможность понять, что она “означает” или “что хочет сказать”. Именно поэтому она особенно интересна при создании образа в живописных и графических работах.

Ярким примером реализации такого стилистического приема, как гипербола в живописи, являются несколько знаковых полотен Б. Кустодиева – русского и советского художника. Уже с начала 1900-х годов он разработал своеобразный жанр портрета, вернее, портрета-картины, портрета-типа, в котором модель связана воедино с окружающим её пейзажем или интерьером. Одновременно - это обобщённый образ человека и его неповторимая индивидуальность, раскрытие её через окружающую модель мира. Все творчество Б. Кустодиева проникнуто любовью к русскому народу; он пытался выразить в своих полотнах целый социальный класс народа или собирательный образ определенного типажа народа и в этих целях использовал приемы гиперболы.

В картине «Портрет Ф.И. Шаляпина», Б. Кустодиев изобразил Шаляпина гиперболизировано большим по сравнению с людьми, деревьями и домами на фоне и выглядевшим, как гигант, великан – так Кустодиев с помощью гиперболы выразил свое отношение к Шаляпину, как к воплощению русского богатырства, духовного и физического. Аналогичную идею несет в себе акварельное полотно Б. Кустодиева «Купец в шубе» - огромный, громадный по сравнению с городским пейзажем на фоне, купец занимает почти все пространство картины, опять же отображая некий богатырский мотив. Однако если сравнивать картины «Купец в шубе» и «Портрет Ф.И. Шаляпина» можно отметить важную деталь, раскрывающую некий скрытый смысл данных полотен. Шаляпин изображен на фоне гуляющего народа, что подчеркивает его связь, как артиста, с простым людом, в то время, как купец на картине пребывает в гордом одиночестве – несмотря на то, что Кустодиев представляет купца таким же исполином и некоей опорой общественного строя, художник отмечает оторванность купеческого класса от народа. Апофеозом же применения гиперболы Б. Кустодиевым в своих картинах стала фигура большевика в одноименном полотне (рис.1). Если в двух предыдущих картинах художник играл с перспективой и их эмоциональный тон был более созерцающе-оптимистичным, то в данном полотне большевик представлен действительно исполинским, дотягивающимся до небес.

Гипербола находит свое применение и в графических образах. Из-за тесной связи образного мышления с преувеличением, творчество многих художников-графиков наполнено гиперболизацией, усиленное значение, которого необходимо увидеть и понять. Благодаря ей можно сделать рисунок более эмоциональным [5]. Пятно, линия, точка, штрих - основные выразительные средства

в графике. Как правило, равномерное распределение всех этих средств в работе, даёт четкую картинку. Но, в случае если применить гиперболу к одному из средств, например, к точке, можно создать по-настоящему выдающееся и оригинальное произведение.

Так, испанский художник Мигель Эндара, который создаёт картины из миллионов чернильных точек. Одна из самых известных его работ – «Портрет отца» (рис. 2). Автор потратил на эту работу почти 12 месяцев. Количество точек в работе приближенно к 3,5 миллионам. Благодаря преобладанию этого выразительного средства, картины художника выглядят гиперреалистично и, по-настоящему, уникально. Выразительность любой графике можно придать с помощью гиперболизации одного из составных её элементов, что ярко показывает вышеупомянутая работа.

В гиперболе, пожалуй, больше, нежели в иных приемах, имеет место быть разница меж чувственным значением и чувственной окраской. В гиперболе слова сохраняют свое предметно-логическое значение, но нелогичность присваивает всему выражению чувственный оттенок (окраску).

Следует разделять преувеличение и усиление. При усилении говорящий традиционно расценивает сообщаемый факт, пропуская его через собственные впечатления. При преувеличении, гиперболы человек дает обрисовываемому факту или сравнительную характеристику с иным фактом - и тогда появляется образно-искаженная черта первого, или говорит о очевидно преувеличенных, неправдоподобных свойствах предмета, выходящие за рамки настоящей реальности и т.п. [6].

В гиперболе происходит столкновение обычного естественного в отношениях между явлениями и предметами и невозможного, нереального, гротескного. Например, графические листы Ф. Мазереля «Vizioni», выполненные в Антверпене в 1921г., представлены графическими портретами мужчин и женщин, размеры лиц гипертрофированы, формы тела утрированы с целью большей художественной выразительности. В этом смысле также утрирована пластика центральной мужской фигуры в графическом произведении М. Шагала «Беженцы. На прогулке» – визуальная гипербола, зрительно передающая трагическое мироощущение сломленных жизнью людей, скитающихся вдали от родины (рис.3).

Концертный плакат О. Бондарь «Балбесиада» также является примером гиперболизации, как типа стилистического приема в графическом дизайне (рис. 4) [7].

На агитационном плакате Д. Мора «Помоги» в изображении одной фигуры крестьянина и одного сломан-

Рис. 1. Кустодиев Б.М., «Большевик», 1920.

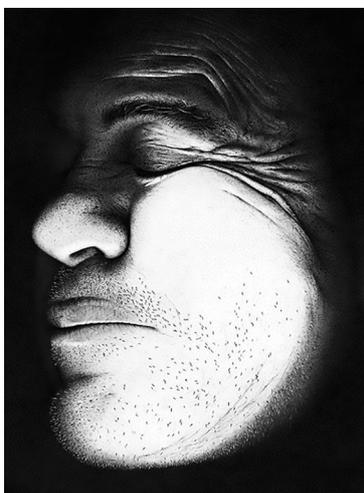

Рис. 2. Мигель Эндара, «Портрет отца», 2012.

Рис. 3. Шагал М.З., «Беженцы. На прогулке», 2018.

Рис. 4. Бондарь О. «Балбесиада», 2020.

ного колоска ржи применено три типа графического и смыслового стилиобразования – гиперболизация, символизация и метафора. Фигура крестьянина, означающая обнищавший народ (символизация), утрирована. Ноги и руки преувеличены, пластика выражает отчаяние (гиперболизация). Экспрессивная фигура крестьянина – изобразительная метафора, так как смысл изображения – катастрофические последствия голода на Руси в 1921г. лежит далеко за пределами изображения. По такому же принципу преувеличения форм тела и динамики движения, выражающим трагизм, построено изображение на иллюстрации Д. Моора «На приступ» к книге А.

Барбюса «В огне».

В заключение можно обозначить, что в качестве исследовательской задачи автором была предпринята попытка обобщить некоторые знания о стилистическом приеме «гипербола»: изучить и понять, почему именно преувеличение пользуется огромной популярностью не только в литературе и маркетинге, но и в искусстве графики, и в живописи. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о том, как внедрить гиперболу в живописные и графические произведения, сохраняя при этом авторский почерк художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова И.А. Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) - М.: ИФ РАН, 2008.- 248с.
2. Имшинецкая И. Сила визуальных образов. — М.: РИП-холдинг, 04.[Электронный ресурс] - Режим доступа к стр.: <http://evartist.narod.ru/text11/62.htm> (Дата обращения: 21.08.2022).
3. Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов, М.: ЛИЦЕЙ, 2006. – 272с.
4. Resoch.ru: свободная энциклопедия школьных сочинений: сайт. — [Москва], 2021., - URL: <https://resoch.ru/> (дата обращения: 04.06.2021). - Режим доступа: свободный.
5. Принципы визуализации в рекламе. [Электронный ресурс] - Режим доступа к стр.: <http://www.sostav.ru/articles/2003/06/19/rec190603/> (дата обращения: 28.10.2022).
6. Рекламный образ и приемы его создания. [Электронный ресурс] - Режим доступа к параграфу 15: <http://ref.by/refs/48/9806/1.html> (дата обращения: 28.10.2022).
7. Сиббет Д. Визуализируй это! Как использовать графику, стикеры и интеллект-карты для командной работы / Д. Сиббет // 2019. - 280 с.

© Заболотская Евгения Александровна (evgeniya.art@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА ДОВЕРИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Архангельская Наталия Владимировна

*Аспирант, Российский государственный социальный университет, г. Москва
natatambov00@mail.ru*

MODERN UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF TRUST IN THE SOCIOLOGICAL ASPECT

N. Arkhangelskaya

Summary: The article discusses the main conditions for the formation of trust. It is noted that in some cases, especially when considering Eastern society, the determinants of the emergence, development and maintenance of trust may differ from Western conditions. It is indicated that the value of trust also depends on the transparency of relations in the case of both interpersonal interaction and institutional form. It is concluded that trust may have a rationalistic basis in the perception of the subject with whom trusting relationships are built, or emotional coloring may prevail, the affective side may prevail. As a result, risks may be missed. Such a feature of interpersonal trust is indicated, which consists in the fact that it is always focused on the future. It is noted that democracy can be considered as one of the institutional determinants of trust.

Keywords: trust, social groups, society, Western mentality, conditions for the emergence of trust.

Аннотация: В статье рассматриваются основные условия для формирования доверия. Отмечается, что в ряде случаев, особенно, при рассмотрении восточного общества, детерминанты возникновения, развития и сохранения доверия могут отличаться от западных условий. Указывается, что значение доверия зависит также от прозрачности отношений в случае как межличностного взаимодействия, так и при институциональной форме. Делается вывод, что доверие может обладать рационалистической основой в восприятии субъекта, с которым выстраиваются доверительные отношения, либо могут превалировать эмоциональная окраска, преобладать аффективная сторона. Вследствие этого, могут быть пропущены риски. Обозначена такая особенность межличностного доверия, заключающаяся в том, что оно всегда ориентировано на будущее. Отмечается, что демократия может рассматриваться как одна из институциональных детерминант доверия.

Ключевые слова: доверие, социальные группы, общество, западный менталитет, условия возникновения доверия.

Растущее внимание к доверию в последние годы было воспринято как свидетельство нового осознания роли доверия в укреплении и эффективности социальных отношений во всей их иерархии. Действительно, в некоторых дискуссиях подразумевается, что доверие становится предметом интеллектуальной стратегической значимости только при определенных условиях, как, например, когда Н. Луманн [1] считает, что функция доверия состоит в том, чтобы уменьшить социальную сложность, последняя является исторически возникающим свойством социальных систем.

В то время, как теоретики опираются на различные словари в поиске оптимального определения феномена доверия, возможно, существует сходство идей и мнений, анализ которых предполагает, что в современный исторический отрезок времени доверие становится важным для поддержания социального порядка, определенного уровня в соответствии с деятельностью сложившихся институциональных образований.

То, что может быть описано как шаткая институциональная зрелость, которая обуславливает совокупность эмоционально окрашенных переживаний, которые выражаются через определение доверия, но где доверие

не обязательно является конструктивным условием для развития, совершенствования, либо удержания социальных отношений на определенном заданном уровне, как это принято считать. Прежде, чем предоставить аргумент об источнике так называемой «социологического капитала межличностного доверия» и его значения для понимания и наиболее полной трактовки понятия доверия, возможно отметить ряд **дополнительных факторов, которые относятся к особой природе межличностного доверия, способствуя** формированию на нем новизны социологической концентрации[2].

Идея о том, что доверие, как первоначально определено социологами, должно пониматься как свойство коллективных единиц (продолжающихся диад, групп и коллективов), а не изолированных индивидуумов, подкрепляется ассимиляцией доверия в социальный капитал, причем последний является коллективным, общественным явлением. Но даже в этом случае доверие в подобном понимании обязательно остается достоянием (неизолированных) индивидов, вступающих в доверительные отношения с другими.

Эта форма доверия действует в терминах диспозиций, убеждений (или гносеологического познания) и

чувств (аффектов и эмоций), которые всегда являются свойствами отдельных людей и отличаются в зависимости от их нервно-психического устройства. Человек, который доверяет другому и готов это продемонстрировать и осуществить, избегает изоляции в том понимании, что доверие обязательно распространяется между людьми[3].

Но межличностное доверие, в отличие от статуса или социального положения индивидуумов, уровня правовой защиты, принятой в обществе и иных социальных явлений, не может быть определено с точки зрения третьих сторон и, следовательно, коллективного участия, содействия или принуждения, даже если индивидуальное решение доверять имеет внешний и случайный контекст отношений. **Доверительные отношения, по своей природе, обладают диадностью между двумя индивидами**, даже если один из этих индивидуумов является абстрактной или коллективной сущностью в форме института, учреждения, организации или государства, в котором предполагается некоторая форма всеобщего доверия, как доверие к абстрактным системам или доверие к системе.

Аналогично, доверитель может являться отдельным лицом, социальной группой физических лиц, семьей, институтом. Таким образом, индивидуальный аспект доверия резонирует с зарождающимися социальными условиями, которые отражаются в социальных событиях. В общих чертах, растущий интерес исследователей к доверию совпадает с появлением теории рационального выбора, в которой **индивидуальный выбор, включая выбор доверия, рассматривается как определяющий формирование доверия фактор**. В то время, как социологи обычно избегают рассматривать доверие как нечто, поддающееся расчету и измерениям, исследования доверия в смежных дисциплинах поощряют подобный подход. Во многих случаях рациональные оценки решений относительно доверия принимаются отдельными людьми (например, руководителями организации, директором компании, топ-менеджером, советом директоров, инвесторами) [4,5].

Увеличение исследований доверия также существенно совпадает со снижением институционального участия, что делает социальную жизнь граждан все более персонализированной, приватизированной и индивидуализированной. Это является, одновременно с этим, и показателем улучшения демократического уровня, что позволяет говорить о связи доверия и демократии, их корреляционной зависимости. Таким образом, **демократия может рассматриваться как одна из институциональных детерминант доверия в обеих основных формах его проявления – межличностной и институциональной**[6].

Это обратная сторона повсеместного снижения социального доверия[7]. Эти тенденции сходятся с другой, по-разному связанной с ней, а именно, с неолиберализмом как формой политики позднего модерна. Таким образом, доверие как средство, с помощью которого люди сотрудничают, общаются, обмениваются мнениями с другими, совпадает с этими другими методологически, эпистемологическими и идеологическими тенденциями позднего Нового времени.

Несмотря на утверждение о том, что доверие «должно пониматься как свойство коллективных единиц», как цитировалось выше, понятие социального доверия относится к отношениям, в которых индивид, благодаря своему решению доверять, является стержнем и якорем подразумеваемой связи. Только лица, как индивидуальные субъекты, могут оказывать доверие или отвечать взаимностью, или быть объектами доверия при условии, что «искусственные лица» включены в рамки этого термина [8].

Встроенное доверие имеет обратную сторону.

Если предоставление и взаимное доверие, а также его объект ограничены людьми как отдельными акторами, то характеристика доверия требует описания свойств доверия, поскольку они относятся к действиям отдельных лиц. Чтобы кто-то доверял другому (включая «искусственных лиц» в форме профессии, государства или какого-либо другого коллектива), необходимо, чтобы доверитель ожидал, что на человека, которому он доверяет, можно положиться в удовлетворении своих потребностей или обслуживании своих интересов.

Это является большим, чем ожидание благожелательных намерений, и, в большинстве случаев, включает в себя представления, что зависимость от способностей или действий другого человека через доверие принесет некоторую пользу доверителю (например, визит пациента к врачу). Внутренним по отношению к этому утверждению является второй атрибут межличностного доверия, а именно идея о том, что **доверие — это убеждение или чувство**.

Суть здесь не в том, чтобы рассматривать эти альтернативы относительно субъективного состава доверия, как познания (убеждения) или аффекта (чувств или эмоций), а в том, чтобы понимать, что **доверие основывается не всегда только на знаниях или уверенности**. Доверие может обладать рационалистической основой в восприятии субъекта, с которым выстраиваются доверительные отношения, либо могут превалировать эмоциональная окраска, преобладать аффективная сторона. Вследствие этого, могут быть пропущены риски.

Это связано с третьей характеристикой межличностного доверия, а именно, с тем, что оно всег-

да ориентировано на будущее. Доверие — это не просто убеждение или чувство в отношении другого человека, но особенно в отношении того, что этот человек может сделать в будущем.

Если доверие облегчает отношения между людьми, обеспечивая чувство эмоционального комфорта, гарантированного ожидания того, что никто не подвергнется некомпетентной поддержке или предательству, существует коррелятивное ожидание того, что отсутствие доверия поставит под угрозу сотрудничество между вовлеченными людьми и их отношения. Данной концепции соответствует более положительное предположение, что при преобладании общественных отношений допустимо рассчитывать, что доверие самоподкрепляется, что в обеспечении доверия в отношениях между людьми есть факторы, тормозящие нарушения доверия. Эти идеи стали центральными в социологическом понимании доверия благодаря аргументу укорененности, ранняя версия которого утверждает, что укорененность в отношениях социального обмена порождает и поддерживает межличностное доверие.

Это понятие происходит от того, что можно считать элементарным качеством доверия, а именно, его склонности к самопринуждению. Поскольку нет способа гарантировать надлежащее вознаграждение за услугу, социальный обмен требует доверия другим в выполнении их обязательств и, хотя социальный обмен может исходить из чистого личного интереса, он порождает доверие к социальным отношениям через их повторяющееся и постепенно расширяющееся действие [9]. В этом случае доверие эго к альтеру проистекает из демонстрации альтером своей благонадежности в момент возвращения полученной услуги. Таким образом, **в этом случае доверие как возникает из социального обмена, как и требуется для него.**

Аргумент относительно самоусиливающейся природы доверия допустимо представить в укорененности доверия в социальных отношениях: посредством повторяющихся обменов участники социальных отношений получают информацию друг о друге [10]. Так что в случае

возникновения оппортунистического поведения оно окажется разоблаченным, порождая у других просоциальное поведение из-за боязни приобрести репутацию ненадежного человека с последующей потерей возможностей будущих взаимодействий, контактов, сделок. Таким образом, доверие возникает из социально укоренившихся отношений, и эти отношения, в свою очередь, поощряются доверием.

Однако недоверие, оппортунизм и беспорядок отнюдь не отсутствуют, и, хотя социальные отношения и институциональные рамки действительно часто могут быть необходимым условием для доверия и заслуживающего доверия поведения, их недостаточно, чтобы гарантировать соблюдение, оправдание доверия, они могут даже дать повод для злоупотреблений и конфликтов в большем масштабе, чем при их отсутствии.

В доказательство этого возможно привести правовую казуистику, налоговые нарушения, коррупцию и злоупотребление властью. Признание того, что, хотя **социальные отношения могут быть необходимым условием доверия**, они являются недостаточными для его гарантии и могут быть источником злоупотреблений, побуждает к критическому осмыслению аргумента, лежащего в основе значительной части дискуссий о доверии в литературе по социальным и психологическим наукам. В самом деле, мошенничество с доверием представляет собой серьезную категорию злоупотреблений, требующих проявления именно межличностного доверия – его зарождения, принятия различных фактов, усиливающих его.

Даже в современном пространстве, состоящем из повседневных взаимодействий не только доверие может быть более ненадежным, чем это обычно предполагается в литературе, но и запреты на предательство доверия, которые являются внутренними для социальных отношений и надежнее, чем предполагается. Кроме того, и это еще более показательно, потеря доверия из-за предательства менее значима для затронутых отношений, чем обычно считается. Предоставление доверия, как и все виды инвестиционной деятельности, изначально влечет за собой элемент риска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luhmann, N. (2017) Trust and Power. Cambridge: Polity.— 224 p.
2. Gissur Ó. Erlingsson (2021) A stranger thing? Sweden as the upside down of multilevel trust, Journal of Trust Research, 11:1, 22-41, DOI: 10.1080/21515581.2021.2014337
3. Edward C. Tomlinson & Andrew Schnackenberg (2022) The effects of transparency perceptions on trustworthiness perceptions and trust, Journal of Trust Research, 12:1, 1-23, DOI: 10.1080/21515581.2022.2060245
4. Пилипенко А.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В РОССИИ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ // Вестник науки. 2019. №5 (14). С. 196-199.
5. Chen, Xingwen; Zhu, Zheng; Liu, Jun, 2021 Does a trusted leader always behave better? The relationship between leader feeling trusted by employees and

- benevolent and laissez-faire leadership behaviors.
6. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Измерение политического доверия в условиях современной демократии // Управленческое консультирование. 2021. No 10. С. 22–34.
 7. Citrin J, Stoker L (2018) Political trust in a cynical age. *Annual Review of Political Science* 21: 49–70.
 8. Umair Majid, Aghna Wasim, Judy Truong & Simran Bakshi (2021) Public trust in governments, health care providers, and the media during pandemics: A systematic review, *Journal of Trust Research*, 11:2, 119-141, DOI: 10.1080/21515581.2022.2029742
 9. Blau P.M. (2017) *Exchange and Power in Social Life, new edn. Abingdon: Routledge.*
 10. Barbalet J. (2019). Trust: Condition of action or condition of appraisal. *International Sociology*, 34(1), 83–98. <https://doi.org/10.1177/0268580918812268>.

© Архангельская Наталья Владимировна (natatambov00@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DEVELOPMENT
OF PERSONALITY TYPOLOGIES

V. Bogdanov
S. Mazhinsky
K. Nozdrachev

Summary: The article examines the evolution of views on the typology of personality in a historical context. Previous research has shown that it is possible to distinguish the following groups of typologies: humoral, constitutional, neurophysiological, behavioral and astrological-numerological. The study adopted integral typology (approach). The findings of the research illustrate how to talk about the typology of a person, without dividing his integrity into personal, bodily, neurological, behavioral and social characteristics. In general, such features can be separate criteria that characterize the versatility of a person.

Keywords: typology, personality, physique, temperament, socionics, enneagram, eniostyle.

Введение

Типологией личности занимались с древности такие исследователи, как Гиппократ, К. Гален, И. Кант, Э. Шпрангер, Э. Кречмер, У. Шелдон, И.П. Павлов, К.Г. Юнг, К. Бриггс, И. Бриггс Майерс, А. Аугустинавичутте, А.А. Кроник, А.Л. Панченко, Т.Г. Панченко и многие другие, но до сих пор не создано единой общепризнанной типологии [35, 3].

Типологические исследования шли в двух основных направлениях: одно из них имеет целью построение типологии (по тем или иным априорным основаниям) и другое – теоретико-феноменологическое выявление и обобщение существующих в реальности типов» [35, 42, 3]. Ключевыми проблемами в каждом случае являются выдвижение и описание и обоснование выбора типологических признаков, лежащих в основе типологической

РАЗВИТИЕ ТИПОЛОГИЙ ЛИЧНОСТИ

Богданов Вячеслав Владимирович

кандидат фармацевтических наук, доцент,
Красноярский государственный медицинский
университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого;
директор Общества с ограниченной ответственностью
«Управление качеством жизни» (г. Красноярск)
www.bogdanov@gmail.com

Мажинский Станислав Витальевич

кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник,
Тюменский Государственный Университет»
(Подразделение: Школа исследований окружающей среды и
общества),
mazhinsky@yandex.ru

Ноздрачев Константин Геннадьевич

доктор медицинских наук, доцент,
руководитель образовательного центра Общества
с ограниченной ответственностью «Управление
качеством жизни» (г. Красноярск),
konnoz@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается эволюция взглядов на типологию личности в историческом контексте. Предыдущие исследования показали, что можно выделить следующие группы типологий: гуморальную, конституциональную, нейрофизиологическую, поведенческую и астрологически-номерологическую. В исследовании использовалась интегральная типология (подход). Результаты исследования иллюстрируют, как можно говорить о типологии человека, не разделяя его целостность на личностные, телесные, неврологические, поведенческие и социальные характеристики. В целом, такие особенности могут быть отдельными критериями, характеризующими разносторонность человека.

Ключевые слова: типология, личность, телосложение, темперамент, соционика, enneagram, эниостиль.

классификации [19, 35].

Представления о типологии неразрывно связаны с понятием «классификация» [8]. Основная методологическая функция классификации – систематизация предметной области. Более того, развитые классификации представляют собой сложное многокомпонентное построение, подобное научной теории. Они способны задавать общее развитие целенаправленного исследования предметной области вплоть до создания новых научных дисциплин [3].

По мнению А.П. Огурцова границы между типологией и классификацией носят условный характер [38]. Применение той или иной формы систематизации зависит, прежде всего, от исторических традиций, сложившихся в той или иной науке. Вместе с тем, в философии и методологии науки существует и другая точка зрения [12,

48]. Согласно ей, типология является одним из способов классификации таких предметных областей, где есть много объектов, занимающих промежуточное положение в систематике. В рамках данного подхода понятия «типология» и «классификация» – связаны отношением подчинения [3].

На процесс типологизации методологически возможно посмотреть с точки зрения теории нечетких множеств А. Кофмана [25]. Основное методологическое допущение теории заключается в том, что «человек, помимо способности логически рассуждать и логически мыслить, обладает, как все живые существа, способностью принимать в расчет параллельно соображения как общего, так и сопутствующего характера. Эти общие или приводящие соображения в противоположность логическому рассуждению являются нечеткими и должны быть нечеткими». Центральное понятие теории – понятие «нечеткие множества». Они определяются как «классы с нечеткими границами, когда переход от принадлежности к классу к непринадлежности происходит постепенно, не резко» [25, 20, 13, 3]. Кроме того сложность в научном подходе к типологиям заключается в проблематике измерений. Существуют разница в концептуальных (описательных, мировоззренческих) и прикладных (количественных, математических) теориях, которые представляют собой независимые, самостоятельные науки, разные системы знаний, поскольку они имеют: разные системы понятий, разные объекты исследования и разные методы исследования истинность концептуальных теорий не может быть доказана или опровергнута прикладными, количественными теориями, а они не могут быть доказаны или опровергнуты концептуальными теориями. Количественные теории никогда не являются концептуальными, мировоззренческими, т.е. всеобщими, универсальными, поскольку построены на основе уравнений, в которых учтена только сравнительно небольшая только «видимая», регистрируемая часть [22].

Обсуждение

Разработка системы типов личности начинается с античности – Древней Греции и Древнего Рима. Уже тогда было замечено, что люди отличаются друг от друга своим поведением: по-разному выражают свои чувства, неодинаково реагируют на раздражители внешней среды [14, 35, 47].

Создателем учения о темпераменте считается древнегреческий врач Гиппократ (ок. 460-377 гг. до н.э.). Он утверждал, что люди различаются соотношением четырех основных «соков организма» – крови, флегмы, желтой желчи и черной желчи. Каждая жидкость имеет свое свойство и назначение. Свойство крови – теплота, ее назначение – согреть организм. Свойство флегмы – холод, назначение – охлаждать организм. Свойство желтой желчи – сухость, назначение – поддерживать сухость в

организме. Свойство черной желчи – сырость, назначение – поддерживать сырость, влагу в организме. Однако Гиппократ ещё не утверждал связи между этими «соками» и их соотношением в организме и определёнными психологическими свойствами человека и со строением тела – конституцией. [36, 50]. Гиппократ выделял пять конституций: крепкую, слабую, плотную, вялую и влажную. Конституция, согласно его учению, связана с темпераментом: сангвиник имеет «прекрасное тело», а телосложение флегматика рыхлое, он склонен к полноте. От конституции, как полагал Гиппократ, зависит предрасположение к тем или иным заболеваниям, то или иное течение болезни [44].

Древнегреческий философ Платон (427-347 г. до н.э.) в своём философском трактате «Республика» также описал четыре темперамента людей. Он использовал знание о темпераментах для того, чтобы с большой точностью распределить социальные роли между представителями разных типов. Основным критерием, которым Платон воспользовался для разделения людей на типы, были их основные «добродетели» или природные таланты. Он разделил всех людей на «мастеров», «хранителей», «идеалистов» и «рационалистов». По определению Платона, «мастера» одарены от природы тонким чувством прекрасного и способностью к ремёслам, что и является тем основным качеством, которое определяет их роль в обществах. «Хранители» в большей степени, чем другие типы людей, одарены здравым смыслом и поэтому должны исполнять роль хранителей традиций и защитников общества. Основная добродетель «идеалистов», по мнению Платона, их хорошо развитая интуиция и стремление к идеалам, что делает их лучшими хранителями морали и образцами поведения для других. И, наконец «рационалисты» одарены удивительным талантом к мышлению и рассуждению и должны выполнять в обществе роль учёных мыслителей [47, 36].

Другой знаменитый врач, Клавдий Гален (ок. 130 – ок. 200 гг. н.э.), опираясь на учение Гиппократа, разработал типологию темпераментов. По латыни темперамент – соразмерность, правильная мера. Из девяти выделенных и детально описанных им темпераментов четыре, непосредственно зависящие от преобладания в организме одного из «соков», и в наше время пользуется широкой известностью. Эти темпераменты: сангвиник (от лат. сангвис – кровь), флегматик (от греч. флегма – слизь), холерик (от греч. холе – желчь) и меланхолик (от греч. меланс холе – чёрная желчь) [19, 35].

В конце XVIII века И. Кант (1724-1804) делит темпераменты на две группы – темпераменты чувств и деятельности. Темпераменты чувств: сангвинистический – темперамент человека веселого нрава, меланхолический – темперамент человека мрачного нрава. Темпераменты деятельности: холерический – темперамент

человека вспыльчивого, флегматический – темперамент хладнокровного человека [36]. Рассмотренные выше теории называются гуморальными (от лат. humor (umor) «влажность, влага»), их специфика состоит в том, что они связывают тип личности со свойствами тех или иных жидких сред организма.

Одна из интересных типологий личности была создана Э. Шпрангером (1882-1963). Это направление получило название «понимающей психологии». Шпрангер выделял 6 основных типов человеческой жизни и соотносил их с основными направлениями культурной деятельности общества и их мотивации [17, 36, 53].

1. Теоретический человек. Воплощает в себе стремление к познанию истины, закономерностей существующего мира, взаимоотношений между людьми. В своём идеальном варианте это ученый-теоретик.
2. Эстетический человек. Воплощает в себе стремление познать окружающий мир через эстетические образы. Эстетический человек воспринимает всё окружающее его либо как гармоничное и красивое, либо как негармоничное и безобразное.
3. Экономический человек. Воплощает в себе стремление к максимальному извлечению пользы. При этом, как подчёркивает Э. Шпрангер, польза не обязательно должна пониматься сугубо эгоистически. Люди этого типа прирождённые прагматики.
4. Политический человек. Воплощает в себе стремление к власти, к способности всецело предопределять поведение других людей.
5. Религиозный человек. Воплощает стремление к поиску смысла жизни. Этот человек верит в существование высшей духовной силы, определяющей справедливость. Шпрангер отмечал, что в бытовом смысле религиозный человек не обязательно должен быть набожным, регулярно посещать церковь и т.п.
6. Социальный человек. Воплощает в себе специфическую потребность найти себя в другом человеке, стремление к всеобщей любви и единению. Люди социального типа парадоксально сочетают в себе противоположные начала: патриархальность и анархизм. Они стремятся радикальным образом изменить общественный порядок, организовать жизнь людей на простых, естественных и вследствие этого единственно правильных, по их мнению, основаниях. В идеале эти люди стремятся вообще упразднить социальные институты цивилизованного общества и вернуть людей в состояние первозданной любви, всеобщего равенства и братства [53, 36].

Выделяют конституционные типологии – это значит,

что свойства темперамента понимались как наследственные или врожденные и связывались с индивидуальными различиями в особенностях телосложения. Нет однозначного определения конституции, но она связана и с генетически обусловленным типом телосложения и с его фенотипической реализацией и относится как к соматическому, так и психическому компоненту [44].

Наибольшее распространение получила типология немецкого психиатра Эрнста Кречмера (1888-1964) главная идея которого заключается в том, что люди с определенным типом телосложения имеют определенные психические особенности. Он сфокусировал свое внимание на выявлении типов строения тела больных, страдающих психозами и по итогам этих исследований Э. Кречмер писал: «Если на основании этих психиатрических типов мы разработаем соответствующие типы строения тела, то увидим, что они не только соответствуют обоим психиатрическим типам, но и имеют тесные взаимоотношения с более обширными нормальными психологическими типами темпераментов, которые, со своей стороны, обнаруживают тесную психологическую и наследственную биологическую связь с психиатрическими типами, из которых мы исходим» [26, 3, 44]. Э. Кречмер провел множество исследований, что позволило ему выделить четыре конституциональных типа: лептосоматик, пикник, атлетик, диспластик [33, 35, 44].

Лептосоматик – характеризуется хрупким телосложением, узкими плечами, плоской грудной клеткой, высоким ростом, длинными и худыми нижними конечностями. Пикник – человек с выраженной жировой тканью, чрезмерно тучный, характеризуется малым или средним ростом, расплывшимся туловищем с большим животом и круглой головой на короткой шее. Атлетик – человек с развитой мускулатурой, крепким телосложением, характерны высокий или средний рост, широкие плечи, узкие бедра. Диспластик – человек с бесформенным, неправильным строением.

С названными типами строения тела Э. Кречмер соотносит три выделенных им типа темперамента, которые он называет: шизотимик, иксотимик и циклотимик. Связь между телосложением и темпераментом он видел в обусловленности этих параметров химическим составом крови, влияющим на особенности гормональной системы [35, 44, 52].

В 40-х гг. XX в. большую популярность приобрела концепция темперамента Уильяма Шелдона (1898-1977). В основе его концепции лежит предположение о том, что тело и темперамент – это два взаимосвязанных между собой параметра человека. По его мнению, структура тела определяет темперамент, который является его функцией. У. Шелдон исходил из гипотезы о существовании основных типов телосложения или соматотипов. Он

создал трехкомпонентную систему исходя из преобладания в теле структур, развивающихся из трех зародышевых листков: экто-, мезо- и эндодермы. И есть предположение не о трех типах, а о промежуточных их формах [44].

У. Шелдон выделил три соматотипа: 1) эндоморфный – слабое телосложение с избытком жировой ткани; 2) мезоморфный – стройное и крепкое тело; 3) эктоморфный – хрупкое телосложение, тонкие конечности со слабой мускулатурой, плоская грудная клетка. Этим типам телосложений соответствуют определенные типы темпераментов, названные им в зависимости от функции определенных органов тела: 1) висцеротония (внутренности) – люди склонны к релаксации, к физическому комфорту, к получению удовольствия от еды, к социальным контактам, 2) соматотония (тело) – люди склонны к настойчивости, энергичный, ценящий силу, 3) церебротония (мозг) – люди склонны к сдержанности, к интроверсии, к уединению. Людей с преобладанием определенного типа телосложения Шелдон называет висцеротониками, соматотониками и церебротониками. [35, 44]. Это направление продолжалось в трудах Вильгельма Райха Райха и Александра Лоуэна, которое А. Лоуэн продемонстрировал в работе «Физическая динамика структуры характера».

Одной из самых молодых типологий, основанной на подходах Э. Кречмера и У. Шелдона является соматипология – разработка российского врача Константина Шадрина. Она связывает телосложение, и поведение человека с преобладанием эффектов того или иного гормона. То есть имея форму конституциональной эта типология по сути может относиться и гуморальными и конституциональным типологиям. Согласно соматипологии выделяет семь соматипов: соматотропный (высокий и жилистый, с вытянутым лицом, хорошо составляет планы и контролирует других), тиреоидный (невысокий субтильный человек – профессиональный переговорщик), инсулиновый (пластичная и мягкая фигура – дипломат), мелатониновый (грушевидная фигура с плохой осанкой – хороший помощник и исполнитель), окситоциновый (мощный с широкой грудной клеткой и большой головой – идеальный руководитель высшего звена), адреналиновый (коренастый человек с головой средних размеров – руководитель-контролер) и соматип меланоцитостимулирующего гормона (стройный человек с правильными чертами лица. Эффективен в публичных сферах и PR). Смешанных типов эта типология не выделяет. Наряду с другими методиками и типологиями популярна в подборе персонала в организациях [16, 40, 51, 52].

В исследовании типов личности развивались концепции, рассматривающие особенности функционирования нервной системы, выполняющей доминирующую и управляющую роль в организме. Нервная система связана с гуморальной, однако нервная система приобретает

важнейшее значение для психологии, так как открывает путь к пониманию физиологических основ индивидуальных различий между людьми. Природа «индивидуальности» не получит полного научного объяснения, а изучение индивидуальных различий не сможет подняться над уровнем описательности, если не будет изучена физиологическая природа основных свойств нервной системы [35, 49].

Здесь можно выделить русского и советского ученого, лауреата нобелевской премии Ивана Петровича Павлова (1849-1936), который предложил теорию связи некоторых общих свойств нервных процессов с типами темперамента. Он выделял силу возбуждения и силу торможения, считая их независимыми свойствами нервной системы. Сила возбуждения отражает работоспособность нервной клетки. Она проявляется в способности нервной системы выдерживать длительное (или кратковременное, но сильное) возбуждение, не переходя при этом в противоположное состояние торможения. Сила торможения понимается как работоспособность нервной системы при реализации торможения и проявляется в способности к образованию различных тормозных реакций, таких как угасание и дифференцировка [33].

Выделенные автором типы нервной системы соответствуют четырем классическим типам темперамента: сильный, уравновешенный, подвижный тип – сангвиник; сильный, неуравновешенный тип с преобладанием возбуждения – холерик; сильный, уравновешенный, инертный тип – флегматик; слабый тип – меланхолик. Эти свойства нервной системы образуют физиологическую основу темперамента, который является психическим проявлением общего типа нервной системы.

И.П. Павловым была предложена типология личности человека в которой он выделял:

1. мыслительный тип (доминирование 2-й сигнальной системы, т. е. опора во взаимодействии со средой преимущественно на понятийное мышление и речь);
2. художественный тип (доминирование 1-й сигнальной системы, т. е. опора во взаимодействии со средой преимущественно на восприятие и образное мышление);
3. средний (промежуточный) тип [37].

Типология русского врача и психолога Александра Федоровича Лазурского (1874-1917) названная характерология – психологическая концепция индивидуальных различий, рассматривавшихся в тесной связи с деятельностью нервных центров. В основе данной типологии положен принцип активного приспособления личности к окружающей среде. А.Ф. Лазурский выделял эндосихику – нервно-психическую организацию человека, представляющую собой ядро личности, состоящую из

её индивидуально-своеобразных свойств и экзопсихику – отношение личности к внешним объектам, к среде, которое связано со всей сферой того, что противостоит личности и к чему личность может, так или иначе, относиться. Он выделял три уровня и типа адаптации личности к внешней среде:

1. Низший уровень (неприспособленные личности) – люди этого уровня подчиняются влияниям среды и с большим трудом приспосабливаются к её требованиям.
2. Средний уровень (приспособленные личности) – к этому уровню относятся люди, основной характеристикой которых является способность к получению образования, а в дальнейшем – к ведению успешной деятельности в условиях любой среды.
3. Высший уровень (приспосабливающие) – эти люди способны приспосабливать среду к своим запросам, которые обычно превышают круг запросов представителей низших уровней и имеют большое социальное значение [3, 28, 29, 30].

Новая страница в понимании психологических типов личности была открыта известным швейцарским психологом К.Г. Юнгом (1875-1961) в его одноимённой работе «Психологические типы» (1923). Он ввел две установки личности: экстраверсию и интроверсию. Затем он провел разделение двух типов на группы по критерию преобладающих базовых психических функций: мышления, чувства, ощущения, интуиции. По преобладающей функции Юнг определял типы: мыслительный, чувствующий, интуитивный и ощущающий. Автор разделил все психологические функции на два класса: рациональные (мышление и чувство) и иррациональные (интуиция и ощущение). С точки зрения типологии К. Юнга каждый человек не только индивидуальность, но и представитель определенного типа [35, 36, 41]. Г. Айзенк, проводя исследования на совершенно других методологических основаниях подтвердил гипотезу о существовании типов экстраверта и интроверта [3].

На основе нейрофизиологических направлений типологии были разработаны поведенческие типологии, описывающие поведение и устремления людей. Когда перед человеком встаёт проблема самостоятельной формулировки значимых жизненных целей, от сталкивается с рядом сложных задач. Этот процесс достаточно подробно проанализирован в работах А. Кроника [27, 36]. Личность, берущая на себя ответственность за целеполагание, должна оценить как минимум свои способности, свои потребности, сложность поставленной цели с точки зрения собственных способностей, полезность поставленной цели с точки зрения своих потребностей.

Конкретная личность может руководствоваться при выборе целей несколькими или всеми четырьмя принципами. Однако в силу конкретных способностей, по-

требностей и внешних обстоятельств каждый человек обнаруживает свой, достаточно устойчивый стиль целеполагания. А. Кроник выделяет 12 основных типов людей в соответствии с доминирующим стилем их жизненного целеполагания:

1. Гедонист – чистый тип, ориентированный на повышение полезности окружающего мира.
2. Гедонистически-деятельный – промежуточный тип, ориентированный не только на повышение полезности мира, но и на увеличение своих способностей.
3. Деятельно-гедонистический – промежуточный тип, ориентированный не столько на повышение полезности мира, сколько на увеличение своих способностей.
4. Деятельный – чистый тип, ориентированный на увеличение своих способностей.
5. Деятельно-аскетический – промежуточный тип, ориентированный не только на увеличение своих способностей, но и на снижение своих потребностей.
6. Аскетически-деятельный – промежуточный тип, ориентированный не столько на увеличение своих способностей, сколько на снижение своих потребностей.
7. Аскетичный – чистый тип, ориентированный на снижение своих потребностей.
8. Аскетически-созерцательный – промежуточный тип, ориентированный не только на снижение своих потребностей, но и на снижение сложности окружающего мира.
9. Созерцательно-аскетический – промежуточный тип, ориентированный не столько на снижение своих потребностей, сколько на снижение сложности окружающего мира.
10. Созерцательный – чистый тип, ориентированный на снижение сложности окружающего мира.
11. Созерцательно-гедонистический – промежуточный тип, ориентированный не только на снижение сложности окружающего мира, но и на повышение полезности.
12. Гедонистически-созерцательный – промежуточный тип, ориентированный не столько на снижение сложности окружающего мира, сколько на повышение его полезности.

Таким образом, концепция предложенная А. Кроником позволяет выделить 12 типов личности [26, 36].

Советский психиатр Андрей Евгеньевич Личко (1926-1994) анализируя различные методики построения типологий психопатий Э. Крепелина, Э. Кречмера, О.В. Кербилова и др. и опираясь на труды П. Ганнушкина и К. Леонгарда разрабатывает типологию акцентуаций характера и психопатий у подростков. Он предлагает уникальный алгоритм построения типологии, основанный на психодиагностике типов по самооценке подростками

своего отношения к личностным проблемам и создает специальный инструмент – диагностическую методику [2, 3, 31].

Впоследствии две женщины – мать и дочь Кэтрин Бриггс и Изабель Бриггс Майерс, ни одна из которых не была психологом по профессии, заинтересовались работами К.Г. Юнга в области типов. Результатом их десятилетнего труда и гигантского количества данных о типах личностей, которые они собрали и обработали, в 40-х гг. XX в. явился созданный ими тест определения 16 типов личности. Идентификатор Майерс-Бриггс широко применяется для подбора кадров и работы с персоналом, а также в бизнесе. Также идентификатор Майерс-Бриггс используется для профессиональной ориентации. Так, в США порядка двух третей выпускников средних школ проходят определение типа личности с помощью теста Майерс-Бриггс для целей выбора будущей профессии. [18, 36].

Соционика – концепция типов личности и взаимоотношений между ними. Была сформулирована в начале 1970-х гг. литовским экономистом и социологом Аушрой Аугустинавичюте в результате творческого прочтения работы К.Г. Юнга «Психологические типы». Так, А. Аугустинавичюте интегрировала психологические типы Юнга с теорией информационного метаболизма А. Кемпинского [4, 18, 21]. Из восьмитипной типологии Юнга соционика выводит 16 соционических типов. 16 типов социона разделяются на 4 группы, составляя соционические квадраты – четыре группы по четыре типа. Межличностные отношения в квадратах и между квадратами развиваются в соответствии с закономерностями социона. А социон – это модель общества в миниатюре включающая все 16 типов и способы их взаимодействия между собой [15]. Открытие и разработка сменяемости квадратов позволяет анализировать ход исторических и политических процессов, психологию стран и этносов [10, 11].

Эниостиль – стиль энергоинформационного обмена разработан русскими учёными Анатолием Леонидовичем Панченко и Тамарой Григорьевной Панченко в конце 20го века. Эниостиль является интегративной типологией в которой выделяют семь критериев отнесения человека к тому или иному типу [5].

Тип телесной защиты показывает тело, его пропорции и диспропорции, мышечные каркасы и жировые отложения. Критерий эго-состояние показывает позицию человека по отношению к себе и к другим людям, особенности поведения и речи. Критерий реакция на стресс показывает особенности реакций человека в нестандартных для него ситуациях, в тех ситуациях к которым человек оказался не готов. Критерий ведущая чакра – показывает, что человек – это не только материальное тело, но и имеет тонкую структуру, которая не рассматривается глубоко западными традициями, но является

реальной для большей части человечества – восточной медицины и философии и определяет ценности, движения тела и миссию, устремления человека. Ведущая модальность показывает предпочитаемый способ получения и передачи информации человеком, тот канал, которому он доверяет. Тип мышления как критерий показывает то, как человек мыслит, а следовательно, как он излагает свои мысли, как говорит и про что говорит. А стиль-образ жизни, определяемый психогометрией показывает то, как человек организует свой быт, семью, труд и отдых и то, как он видит общество и свои отношения в нём [5, 7].

В эниостиле выделяют 16 типов исходя из стиля энерго-информационного обмена человека с самим собой и другими людьми. В отдельных моментах эти типы соответствуют соционическим, но их описание отличается от соционических. Эниостиль описывает стили энергоинформационной коммуникации, названные сторонами света – Север, Юг, Запад и Восток. Северные типы логичные, рациональные, ориентированные на материальное, работу. Южные типы – чувственно-эмоциональные, ориентированные на семью, отношения, коллектив. Западные типы – конкретные, ориентированы на иерархии, волю, комфорт. Восточные типы – ориентированы на время, идеи, тенденции, духовное.

В эниостиле сформулированы такие характеристики типов, как «вертикальность» и «горизонтальность», которые показывают отношения типов ко времени, изменениям и стабильности, режиму труда и отдыха. Отличительной особенностью эниостиля является наличие возможности «доказать» тип, опираясь на совокупность критериев. И важным моментом эниостиля является то, что определить тип можно не только у личности человека. Возможно определить тип эниостиля предприятия, этноса, страны, городов, что позволяет прогнозировать взаимоотношения (интертипные отношения) человека с коллективом, городом, страной [5, 6, 7].

Эннаграмма (от греч. эннеа – «девять» и грамма – «модель, образ, письмо») – современная типология личности. Модель эннаграммы описывает девять типов личности, для каждого из которых характерны свой способ восприятия окружающей действительности и адаптации к ней, свой стиль работы, своя социальная и командная роль. Модель построена на древнем символе дервишей Хакима (северный Афганистан). Эннаграмма широко используется в США, в Азии и Европе в школах подготовки спортсменов, руководителей, бизнесменов и представителей власти: в политехнологиях, в работе правоохранительных органов, государственных и общественных организаций, а также для профессионального и личностного роста. Типы называются по номерам от 1 до 9.

Структура этой типологии базируется на активности

трёх центров человека: интеллектуального, эмоционального и физического (три части мозга) и трёх характерных им базовых эмоций: страха, печали и гнева. У каждого эннеатипа описывается его устремления, базовая эмоция, страх и мотивация. Типология построена на детализации кратной трём: три центра, девять типов в каждом из которых по три подтипа различающихся согласно доминирующему «инстинкту»: социальном, сексуальном и самосохранения. То есть 9 типов, имеющих по три подтипа выделяют в типологии эннеаграммы всего 18 типов [9, 15, 18, 43].

Эту типологию можно назвать поведенческой, поскольку критерии отнесения к тому или иному эннеатипу является наблюдение за поведением и опрос человека на тему его отношения, целей, мотивации и шаблонов поведения в различных ситуациях. Она больше отражает внутренние и мотивационные характеристики человека. В схеме эннеаграммы показаны способы улучшения своего типа путём наращивания характеристик последующего по схеме эннеатипа и пути его деградации через наращивание характеристик предыдущего эннеатипа. По этой типологии у человека может быть смешение и сочетания нескольких эннеатипов при преобладании одного. Эннеатипы могут меняться в течение жизни [15, 18, 24, 32].

Ограничениями использования эннеаграммы, как типологии, в том, что в ней не разработан и не унифицирован терминологический аппарат, нет четкого инструментария по определению эннеатипа человека, история происхождения эннеаграммы имеет хоть и древние, но в определённой степени оккультные корни [18].

Отдельно в развитии типологической мысли стоит выделить астролого-нумерологические типологии в основе которых лежит дата, место и время рождения (зачатия) человека. Эти типологии носят описательный характер и прогнозируют жизнь человека, позволяя дать рекомендации по ее улучшению или изменению. Их особенностью является то, что они описываются вне научной метафоры, не имеют количественных характеристик, позволяющих вести статистические исследования и характеристика астрологических и нумерологических прогнозов зависит от опыта специалиста, делающего прогноз. Но, поскольку их популярность среди людей остаётся высокой, можно предположить, что совпадения прогнозов достаточное, чтобы интерес к такой группе типологий поддерживался.

В астрологических типологиях используют метафору влияния планет на характер, тело и здоровье человека в момент его рождения (зачатия).

В нумерологических типологиях, основателем которых считается Пифагор, используются математические

вычисления исходя из даты и времени рождения, имени человек. А также описание символического ряда, который стоит за числом, сочетанием чисел или цифрой [39, 45].

Одной из самых современных астролого-нумерологических типологий является Дизайн человека (Human Design), созданный Аланом Робертом Краквером, который так же рассчитывается исходя из астролого-нумерологических характеристик и основывается на астрологии, Каббале и Книге Перемен. Дизайн человека позволяет определить персональную стратегию решения ключевых задач человека в его жизни. В дизайне в зависимости от типа ауры выделяют четыре типа людей: манифестор, проектор, генератор и рефлектор. У манифесторов аура – закрытая и «отталкивающая», у проекторов – аура «проникающая» и сфокусированная на другом, у генераторов аура открытая и «обнимающая» и у рефлекторов аура «берущая пробы» [34].

К таким типологиям относят и традиционный китайский Ба Цзы – это древний китайский метод рассмотрения человеческой судьбы, исходя из сочетания и взаимодействия пяти первоэлементов – дерева, огня, почвы, металла (золота), воды – показывает их недостаток или избыток в формировании особенностей человека [23, 46].

Попытки построить типологию людей очевидно возникли одновременно с попытками человека познать самого себя и окружающих. Встречая схожих по своему поведению и взглядам людей, мы неизбежно создаём те или иные житейские классификации. Как известно, психологи пытались различать типы по различным основаниям. По преобладающему «жизненному соку» (четыре классических темперамента Гиппократ-Галлена), по внешним физическим данным (типологии У. Кречмера и Э. Шелдона), по специфике нервной активности (типология И.П. Павлова) и так далее (К.Г. Юнг, Майерс-Бриггс). В современной психологии существует масса разных типологий, которые пытались и пытаются классифицировать психологические особенности людей. Одной из популярных в клинической психологии является типология психопатических характеров Ганнушкина, в психологии личности типология акцентуаций К. Леонгарда и А. Личко [36].

В основе типологии кладётся определённый признак или совокупность признаков, и люди классифицируются по ним. При этом существует (по крайней мере, должно существовать) чёткое понимание того, что за рамками типологии остаётся много других психологических характеристик людей. По крайней мере, эти характеристики признаются менее существенными, чем те, что положены в основу некоторой типологии.

Существует ещё одна важная проблема. Как правило, не существует чётких границ между психотипами и они

плавно пересекают друг друга, смешиваются, создают новые сочетания. Чем более гармоничен и сложен конкретный человек, тем труднее поместить его в рамки какой-то одной классификации. В этом смысле задача существенно упрощается, если речь идёт о явной и очевидной патологии [36].

Основными методами, позволяющими выявить сущность типологии личности, являются метод рефлексии, с помощью которого исследуется появление типологии человека; метод анализа явлений, применение которого даёт возможность описать объективные проявления типологии во всех сферах общественной жизни; метод индукции, заключающийся в движении познания исследуемого явления от частных случаев к общим формам существования типов; а также конкретно-исторический метод [35].

По способу построения различают эмпирическую и теоретическую типологию. Эмпирическая типология подразумевает количественную обработку опытных данных, фиксацию устойчивых признаков сходства и различия. Основным методом исследования выступает индукция. В отличие от эмпирической типологии, теоретическая опирается на понимание множества изучаемых объектов как системы. Главное здесь – вычленив системообразующие связи и построить представления о структурных уровнях объекта. Для этого исследователь должен построить идеальный объект, некое обобщенное выражение принципов таксономического описания множества изучаемых объектов. Основным методом исследования выступает дедукция, но применяется также и индуктивный метод. Последний применяется, прежде всего, для наращивания информации об объектах. Теоретически развитая типология стремится отобразить строение исследуемой системы, выявить ее закономерности, позволяющие предсказать существование пока еще неизвестных объектов [3].

Идея типологий возникла в древности. Типологией личности занимались разные исследователи в разные времена с разными целями. Каждый разрабатывал свою типологию. На сегодняшний день общепризнанной типологии не разработано. Вместе с тем построение типологий видимо не прекратится никогда, поскольку этот процесс выполняет ряд важных задач. Приведем перечень задач, которые решают типологии для людей по мнению А.С. Некрасова:

- Типология облегчает восприятие самого себя и других людей, позволяет экономить время и энергию для принятия поведенческих решений в повседневной жизни.
- Типология устраняет значительную часть тревоги и напряжения, которые возникают при общении с незнакомыми людьми.
- Типология создаёт ощущение собственной психо-

логической проницательности.

- Типология содействует процессу самопознания и личностного роста.
- Типология позволяет сделать более эффективным процесс профессионального консультирования, профессиональной ориентации и содействовать карьерному росту.
- Типология может успешно использоваться для решения задач семейного консультирования.
- Типология позволяет сделать более эффективными тренинги управления и группового лидерства.
- Типология позволяет решать практические задачи в области образования и воспитания, а также коррекции нежелательного поведения.
- Типология может иметь ценность для процесса научного познания [35].

По мнению К.А. Абульхановой-Славской, основная задача при построении типологии личности в психологии состоит в том, чтобы выявить движущие силы активности развития личности и соотносить их с общественными тенденциями. Характеристика типа должна быть дана через выявление условий его становления, через указание на то, какие тенденции он представляет, осуществляет [1].

Другое мнение высказывает Б.Г. Ананьев, считая, что основная проблема при построении общей типологии состоит в том, чтобы выявить, с какими социально-психологическими тенденциями связаны те или иные комплексы личностных черт и качеств. Автор считает, что в основу типологии должен быть положен принцип анализа личности через способ ее жизни. Необходимо перейти от абстрактного формирования типов из отдельных качеств и свойств личности к исследованию типов соотношения личности с социально-психологическими тенденциями [35].

Выводы

На основе рассмотрения известных нам типологий, принципов их построения и критериев, лежащих в их основе, можно сделать несколько выводов.

Вопрос типологий и классификации типов людей интересовал человечество с древности и интерес существует и в настоящее время. Вопрос типологии интересен и самим людям и институциональным потребителям, например, работодателям, спортивным федерациям, медицинским организациям с точки зрения прогнозирования их деятельности по отношению к конкретному человеку. Основные цели применения типологий - это профориентация, подбор кадров, формирование команд, улучшение качества жизни, личностного и духовного роста, проведение психологического консультирования, коучинга, построения отношений.

Типологии формировались принципиально двумя взаимосвязанными способами: обобщением эмпирических наблюдений и выявлением типов на основе теоретических исследований. Третий способ - формирование типологий на основе анализа сходств и отличий уже существующих типологий.

Нет общепризнанных критериев для формирования единой типологии и классификации. Большая часть существующих классификаций и типологий людей подразумевают качественное описание. Количественные измерения в типологиях личности и классификациях затруднены наличием постепенного плавного перехода одного признака в другой, описываемого теорией нечётких множеств.

Для отдельных целей таких как диагностика состояний, выявления уровня развития психических функций, сформированности навыков не требуется типологии целостной личности. Для этих целей достаточно формирование диагностических измерительных инструментов. Тогда разрабатываются опросники и другие количественные измерительные инструменты.

Существующие типологии построены по одному или нескольким критериям. Обобщив, изученные материалы мы выделяем следующие группы типологий, отличающиеся по основным критериям выделения типов личности:

1. гуморальные - построенные на основе метафоры преобладания той или иной жидкости в организме, преобладания эффектов того или иного гормона;
2. конституциональные - построенные на строении тела, его пропорций, пропорций частей тела, степени выраженности жировой и (или) мышечной тканей;
3. нейрофизиологические - построенные на особенностях функционирования центральной и периферической нервных систем;
4. поведенческие - построенные на особенностях поведения людей, их целях и устремлениях, осо-

бенностях поведения в социуме;

5. астролого-нумерологические - построенные на дате и месте зачатия и рождения и факторах, влияющих в эти моменты.

Общая тенденция типологических подходов направлена на интеграцию типологических признаков и формировании типологии, в которой бы человек был представлен наиболее целостно. Для интегральных типологий сложно говорить о типах личности человека, поскольку некоторые типологии выходят за рамки описания личности. Поэтому на наш взгляд, в случае интегральной типологии целесообразно говорить о типологии человека, не разделяя его целостность на личностные, телесные, неврологические, поведенческие и социальные характеристики. Такие характеристики могут быть отдельными критериями, характеризующими многогранность человека.

В этом направлении, на наш взгляд наиболее продвинулись Т.Г Панченко и А.Л. Панченко, заложив в основу типологии эниостиля конституциональные, нейрофизиологические критерии, критерии традиционной восточной медицины и поведенческие критерии, включая социальное поведение.

Завершить эту статью нам хотелось бы фразой создателя соционики А. Аугустинавичуте: «Люди всегда мечтали жить в хороших отношениях, мечтали быть понятыми и хотели понимать других. Хотели видеть кругом доброжелательство и самим быть доброжелательными. Мечтали все, удавалось немногим. Сегодня мы знаем, что нельзя мечтать по-настоящему о гармоничной, мирной и творческой жизни общества и отдельного человека, пока люди не поняли своей разнотипной природы и скрытых за своими типами закономерностей общения. Совершенно новым этапом в жизни общества будет такая его реорганизация, которая каждому человеку предоставит возможность для достаточного количества контактов с нужными для его психического здоровья людьми. Трудно сказать, когда сбудется эта мечта, но другой дороги нет» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4, № 1. С. 14-29.
2. Акименко М.А., Вид В.Д., Коцюбинский А.П., Попов Ю.В. Ведущие ученые Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева: антология / под общей ред. Н.Г. Незнанова. СПб. : Санкт-Петербургский науч.-исслед. психоневрологический ин-т им. В. М. Бехтерева, 2007. 425 с.
3. Асланян В.Ю. Типология личности: методика типологизации в психологии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 2 - (27). С. 285-290. DOI: 10.26140/anip-2019-0802-0066
4. Аугустинавичуте А. О дуальной природе человека. Киев: Из-во Международного института соционики, 1997. 40 с.
5. Богданов В.В. Качество жизни. Типология на каждый день. [Б. м.]: Издательские решения, 2019. 274 с.
6. Богданов В.В. Коды доступа к людям. [Б. м.]: Издательские решения, 2021. 184 с.
7. Богданов В.В., Мажинский С.В. Сила и слабости людей. [Б. м.]: Издательские решения, 2022. 366 с.
8. Бочаров В.А. Классификация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 255-256.

9. Бувечич С.Ю., Мико М.М. Использование типологии личности по методу эннеграммы для подбора эффективной проектной команды // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. 2, № 1. С. 710-715.
10. Букалов А.В. Эволюция общества и закон сменяемости кадров // Менеджмент и кадры: психология управления, соционика и социология. 2015. № 6(150). С. 23-27.
11. Букалов А.В. Этнопсихология и этносоционика // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. 2016. Т. 3, № 1. С. 25-29.
12. Горский Д.П. Логические аспекты методологии обществознания // Вопросы философии. 1984. № 6. С. 99-108.
13. Горский Д.П. Понятие о реальных и идеальных типах // Вопросы философии. 1986. № 10. С. 25-34.
14. Губин В., Некрасова Е. Философская антропология. М.: ПЕР СЭ, 2000. 235 с.
15. Железная А.Б. Социотипы и эннеатипы в психодиагностике // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 10(136). С. 116-120.
16. Захарова Е.А. Применение соматипологии при подборе персонала // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2019. № 13. С. 106-107.
17. Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. М.: МГУ, 1982. 128 с.
18. Иванцов С.В. Типы личности через призму эннеграммы // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2018. № 18-2. С. 160-169.
19. Карпов А.В. Общая психология. М.: Гардарики, 2004. 232 с.
20. Катасев А.С. Методы формирования нечетких моделей оценки состояния объектов в условиях неопределенности // Математические методы в технике и технологиях - ММТТ. 2019. Т. 2. С. 111-118.
21. Кемпинский А. Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство; СПб.: Унив. кн., 1998. 316 с.
22. Клименко А.В. Эгоидология. Концепция интеллектуальной природы. Эгоидная теория самоорганизации природы. Основы естественного интеллекта. 2021. URL: <http://egokreyt.ru/data/uploads/Egoidologiya-5.1.4.pdf> (дата обращения: 27.09.2022).
23. Ключников А. Искусство Ба Цзы: древние методы предсказания судьбы по восьми иероглифам. Пенза: Золотое сечение, 2007. 189 с.
24. Колин д'Обре, Франс де Буа Санти, Идрис Лаор. Эннеграмма. Освободите лучшее в себе. М.: Свет, 2019. 288 с.
25. Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств: пер. с фр. В.Б. Кузьмина / под ред. С.И. Травкина. М.: Радио и связь, 1982. 432 с.
26. Кречмер Э. Строение тела и характер: пер. с нем. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с.
27. Кроник А.А. Психологические основания типологии индивидуальных стилей жизни // Стиль жизни личности. Киев: Наукова думка, 1982. С. 165-199.
28. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997. 445 с.
29. Лазурский А.Ф. Классификация личностей: С ст. проф. М.Я. Басова «Новые идеи в учении о личности» / Под ред. М.Я. Басова, В.Н. Мясичева. 3-е изд. перераб. Л.: Государственное издательство, 1924. 290 с.
30. Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995. 271 с.
31. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М.: Апрель пресс; ЭКСМО-пресс, 1999. 406 с.
32. Макани Х.К. Эннеграмма: Ваш путь личностного развития, пересмотренное и дополненное: пер. с англ. И. Каропы. М.: Ганга, 2012. 288 с.
33. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. 592 с.
34. Маршенкулова М.Б. Дизайн человека. Революционная система, раскрывающая тайны вашей ДНК. М.: Эксмо, 2022. 386 с.
35. Методология выявления сущности типологии личности / А.С. Некрасов, С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова, И.А. Жаворонкова // Инновации в гражданской авиации. 2017. Т. 2, № 4. С. 69-77.
36. Немцов А.А. Психологический подход к проблеме построения типологии личности // Актуальные вопросы науки и практики XXI в.: материалы 5-ой международной научно-практической конференции, Нижневартовск, 05–08 апреля 2017 года. Нижневартовск: Наука и практика, 2017. С. 5-29. DOI: 10.5281/zenodo.495158
37. Никандров В.В. Психология: учебник для вузов. М.: Велби: Проспект, 2007. 911 с.
38. Огурцов А.П. Типология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 69-72.
39. Польша Р.Н., Гумерова Г.А. Священные числа (христианская нумерология) // Культура как вид человеческого бытия и познания: сб. материалов Всероссийской науч. конф. с международ. участием. Ишим, 2013. С. 195-200.
40. Попенко А.А. Технология рекрутинга персонала в организации // Управление человеческими ресурсами: теория, практика и перспективы. Материалы международной молодежной научно-практической конференции. Белгород, 2020. С. 247-254.
41. Прокофьева Т.Н. Соционика. Алгебра и геометрия человеческих взаимоотношений. М.: Гном-Пресс, 1999. 46 с.
42. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. М.: ИПРАН, 1997. 574 с.
43. Рисо Д.Р., Хадсон Р. Мудрость эннеграммы: полное руководство по психологическому и духовному росту для девяти типов личности. М.: Открытый Мир, 2010. 533 с.
44. Рожков О.И. Теоретические подходы отечественных и зарубежных ученых к понятию «Соматотип» // Психология образования в поликультурном пространстве. 2011. Т. 3, № 15. С. 19-27.
45. Сергеев В.И. Нумерология и символика чисел в жизни людей и судьбе человечества (этнолингвистический этюд) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 275-280.
46. Сердюков Ю.М. Формирование научного и паранаучного знания в классической китайской культуре // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (52). С. 22-40.
47. Стреляу Я. Роль темперамента в психическом развитии. М.: Прогресс, 1982. 231 с.
48. Субботин А.Л. Классификация. М.: ИФ РАН, 2001. 102 с.

49. Теплов Б.М., Небылицин В.Д. Изучение основных свойств нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 38-47.
50. Тулякова А.М. Результаты выделения типов темперамента в поведении личности // Психологические и биологические особенности нарушенного поведения: материалы всероссийского научно-практического круглого стола с международным участием. Москва, 21 мая 2020 года, 25 марта 2021 года. М., 2021. С. 131-136.
51. Шадрин К.А. Выбор дела по душе. Кто я? М.: Delibri, 2019. 147 с.
52. Шарикова П.С. Влияние группы гормонов на личностные характеристики людей // Colloquium-journal. 2019. № 12-1(36). С. 59-66.
53. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности: Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 288 с.

© Богданов Вячеслав Владимирович (www.bogdanov@gmail.com), Мажинский Станислав Витальевич (mazhinsky@yandex.ru), Ноздрачев Константин Геннадьевич (konnoz@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ САОМОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF STUDENT SELF-ATTACHMENT WITH DISORDERS OF EATING BEHAVIOR

*D. Ivanov
A. Khokhrina*

Summary: The article provides an analysis of domestic and foreign literature, summarizes scientific ideas about violations of food behavior, about connection of these violations with self-relationship at the student age. As a result of the analysis of domestic and foreign studies, it was revealed that the main causes of disorders of eating behavior at the student age are dissatisfaction with oneself and one's appearance, as well as a low level of self-attitude and self-esteem. The authors describe the course of experimental work on the approbation of the program of psychological correction of self-attitude of students with a tendency to eating disorders. The aim of the program is to develop positive self-attitude and increase the level of self-esteem among students. It has been empirically established that students of «risk groups» are characterized by a low level of claims, an exaggerated or underestimated level of self-esteem, a low level of self-attitude on scales «self-incrimination», «self-acceptance», «self-confidence», «self-sympathy», «attitude of others» and «self-interest». The program of psychological correction of self-attitude allowed to reduce the severity of eating disorders of students.

Keywords: student age, deviant behavior, eating behavior, perception of one's own appearance, self-esteem, self-attitude.

Иванов Дмитрий Викторович

кандидат психологических наук, доцент,
Самарский государственный социально-педагогический
университет
avatory@yandex.ru

Хохрина Алина Александровна

Магистрант, Самарский государственный социально-
педагогический университет
khokhrina.a@psga.ru

Аннотация: В статье дан анализ отечественной и зарубежной литературы, обобщены научные представления о нарушениях пищевого поведения, о связи этих нарушений с самоотношением в студенческом возрасте. В результате анализа отечественных и зарубежных исследований было выявлено, что основными причинами возникновения расстройств пищевого поведения в студенческом возрасте являются неудовлетворенность собой и своим внешним видом, а также низкий уровень самоотношения и самооценки. Авторы излагают ход экспериментальной работы по апробации программы психологической коррекции самоотношения у студентов со склонностью к нарушению пищевого поведения. Целью программы является развитие позитивного самоотношения и повышение уровня самооценки у студентов. Эмпирически установлено, что студенты «группы риска» характеризуются низким уровнем притязаний, завышенным либо заниженным уровнем самооценки, низким уровнем самоотношения по шкалам «самообвинение», «самопринятие», «самоуверенность», «аутосимпатия», «отношение других» и «самоинтерес». Программа психологической коррекции самоотношения позволила снизить выраженность нарушений пищевого поведения у студентов.

Ключевые слова: студенческий возраст, девиантное поведение, пищевое поведение, восприятие собственной внешности, самооценка, самоотношение.

Психологическая проблема восприятия себя, самоотношения и самооценки студентов с нарушениями пищевого поведения сегодня приобретает всё большую актуальность. Для подросткового и юношеского возрастов характерно обостренное внимание к своим недостаткам, в особенности к недостаткам во внешности. Отклонение от нормы во внешности (даже мнимое) достаточно часто приводит к болезненному самоотношению и дисморфофобии, вызывает чувства беспокойства, неуверенности, заниженной самооценки. Недостаток научных сведений о причинах и факторах риска нарушений пищевого поведения среди студентов обуславливает актуальность изучения данной проблемы. Актуальность проблемы подтверждается в исследованиях российских авторов А.В. Ермолаевой, М.Ю. Келиной, О.А. Скугаревского и др. [1-3]. Авторы указывают, что риск расстройств пищевого поведения во многом обусловлен некоторыми чертами личности.

Сегодня существует противоречие между недоста-

точностью научных сведений о личностных особенностях юношей и подростков, обуславливающих нарушения их пищевого поведения и необходимостью разработки программ психологической коррекции личностных особенностей подростков и юношей с нарушениями пищевого поведения. В нашем исследовании мы исходим из предположения о том, что самоотношение в студенческом возрасте является чертой личности, обуславливающей риск возникновения нарушений пищевого поведения. На данный момент в психологии не существует единого подхода к определению самоотношения.

Систему самооценки связывают с самоотношением ряд исследователей, к которым относят К. Роджерса, Л. Уельса, Дж. Марвела, С. Куперсмитта и М. Розенберга. С.Р. Пантелеев, как и многие зарубежные исследователи рассматривал самоотношение как возможную форму «общего самоуважения» [4]. С.Р. Пантелеев пришел к заключению о том, что большинство зарубежных авторов

рассматривают самоотношение через самоуважение и самооценку. Таким образом из индивидуальных самооценок формируется самоотношение, которое характеризуется степенью принятия себя индивидуумом и считается универсальным и целостным. Самоотношение — это компонент самосознания человека, который включает в себя знания человека о себе, восприятие себя, самооценку и оценку своих поступков, способностей и физических характеристик.

В результате сотрудничества исследователей В.В. Столина и С.Р. Пантелеева был создан тест для оценки самоотношения, который мы будем использовать как один из методов измерения в нашей работе [5].

Студенческий возраст включает в себя множество внутриличностных конфликтов и беспокойств. В результате теоретического анализа было выявлено, что чаще всего встречается обеспокоенность собственной внешностью и восприятием себя. Молодые люди заикливаются на своей внешности, что в свою очередь провоцирует возникновение расстройств пищевого поведения. Это оказывает негативное влияние на физическое и психологическое состояние студентов.

Студенты постоянно озабочены своим внешним видом, весом, находят все больше недостатков в себе. Они боятся не соответствовать веяниям моды. В итоге у студентов снижается самооценка, они становятся неуверенными в себе, что приводит к повышению уровня тревожности и чувства беспокойства. Постоянная обеспокоенность своим весом побуждает юношей и девушек категорично относиться к своему питанию, исключать различные продукты питания из рациона, прибегать к жестким диетам.

На молодых людей оказывают мощное влияние средства массовой информации (реклама, телевидение и в особенности большое влияние исходит от интернет-ресурсов). Это влияние может оказывать вредоносное воздействие. Особенно сильно подвержены этому воздействию девушки и юноши, которые сравнивают себя с идеальной иллюстрацией красоты, понимая, что образ транслируемой внешности не соответствует их образу [6]. Идеальная внешность, худоба и определенный статус являются причинами формирования тревожности, сомнений в привлекательности, неудовлетворенности собственным внешним видом. Это все приводит к тому, что у многих юношей и девушек меняется самоотношение, отношение к своему телу, а также возникают проблемы в пищевом поведении. В большинстве случаев у подростков и студентов нарушения в восприятии себя приводят к расстройству пищевого поведения, которое сопровождается страхом набрать вес или потерять контроль над потреблением пищи. Это приводит молодого человека к использованию форм избавления от пищи

(прием слабительных средств и очищение желудка). Их основной целью является снижение массы тела или поддержание текущего веса.

М.Ю. Дурнева, А.Б. Холмогорова и Е.В. Каменецкая говорят о том, что за последние годы значительно увеличилось распространение такого расстройства, как нарушение пищевого поведения, при этом причины такого роста еще исследуются [7, 8].

Как мы указали выше, одной из причин роста количества расстройств пищевого поведения среди молодежи может являться влияние средств массовой информации. Однако, на появление нарушений пищевого поведения влияют не только средства массовой информации. Также имеют влияние взаимоотношения со сверстниками и стиль родительно-детских отношений. Подшучивания, негативные оценки внешности (в особенности на тему фигуры и веса) могут привести к деформации восприятия своего телесного Я, что может стать причиной формирования отклоняющегося поведения. Родители сознательно или неосознанно оказывают колоссальное влияние на формирование личности своего ребенка. Родители своим поведением навязывают ребенку свои собственные тревоги и поведенческие установки, связанные с внешним видом и уходом за телом, а также отношение к собственной внешности, что в будущем может стать основой самоотношения и повлиять на восприятие образа собственного тела.

М.Ю. Келина, Е.В. Маренова и Т.А. Мешкова показывают существование тесной взаимосвязи между тем, что индивид испытывает по отношению к своему телу, и тем, как он относится к себе, к своей личности в целом [9]. А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян, А.А. Дадеко и Т.Ю. Юдеева рассматривают перфекционизм как психологический фактор, который может оказать влияние на появление расстройств поведения [10]. А.А. Дадеко с позиций многофакторной модели расстройств аффективного спектра А.Б. Холмогоровой и Н.Г. Гаранян исследует стандарты веса, уровень удовлетворенности собственным весом, уровень физического перфекционизма и симптомов депрессии и тревоги у девушек, занимающихся фитнесом и юношей, занимающихся бодибилдингом [11].

Расстройства пищевого поведения тесно сопряжены с самооценкой. Лица с неадекватной самооценкой сильнее предрасположены к расстройствам пищевого поведения, чем лица с адекватной самооценкой. Анализ научной литературы показывает необходимость изучения взаимосвязи видов нарушений пищевого поведения у студентов с особенностями восприятия себя, самооценки и самоотношения.

Нами было проведено эмпирическое исследование самоотношения студентов с нарушениями пищевого

поведения. Исследование было проведено на базе Самарского государственного социально-педагогического университета. Исследование проводилось в 2021/2022 учебном году. В исследовании приняли участие 46 студентов в возрасте от 18 до 21. Нашу выборку составили студенты факультетов психологии и специального образования, истории, иностранных языков, математики, физики и информатики.

Для изучения самоотношения и нарушений пищевого поведения у студентов нами были использованы следующие психодиагностические методики: 1) методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан) [12], 2) методика «Опросник самоотношения (ОСО)» (В.В. Столина и С.Р. Пантилеев) [13], 3) методика «EAT-26» (David M.Garner) [14], 4) методика «Шкала оценки пищевого поведения (ШОПП)» (О.А. Ильчик, С.В. Сивуха, О.А. Скугаревский, С. Суихи) [2].

Результаты исследования пищевого поведения с использованием шкалы оценки пищевого поведения (ШОПП) показали, что 39 % студентов свойственно нормальное пищевое поведение. Однако большинство (61 %) молодых людей имеют склонность к различным отклонениям в пищевом поведении. Среди этих студентов у 39 % выявлены признаки анорексии, выраженной в дискомфорте и излишнем беспокойстве о своем весе, стремлении к похудению. 22% студентов наоборот склонны к булимии, понимаемой в контексте нашего исследования как склонность к перееданию. Таким образом, пищевые нарушения в той или иной степени свойственны большинству лиц в студенческом юношеском возрасте.

Результаты по методике Eating Attitudes Test («EAT-26») показывают у 17% студентов высокий уровень склонности к нарушению пищевого поведения. У 61% студентов средний уровень, а 22% - имеют низкий уровень склонности к нарушениям пищевого поведения. Таким образом, результаты исследования нарушений пищевого поведения у студентов с помощью двух методик (ШОПП и EAT-26) показали высокую долю студентов (около 2/3 студентов), характеризующихся склонностью к различным нарушениям пищевого поведения.

Данные, полученные в результате применения методики «Опросник самоотношения (ОСО)» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева показали, что у 26% студентов высокий уровень самоотношения, свидетельствующий о недифференцированном чувстве «за» и «против» самого себя. У 52% студентов средний уровень самоотношения. Низкий уровень у 22% студентов, что свидетельствует о таком отношении к себе, как раздражение, презрение, издевка, вынесение самоприговоров.

По интегральной шкале (Шкала S – измеряет инте-

гральное чувство «за» или «против» собственно «Я» испытуемого) получены следующие результаты: у 46% наблюдается низкий уровень выраженности, что характеризуется недифференцированным чувством «за» в отношении собственного «Я», которое заключается в выраженном критическом взгляде на себя. У 35% - средний уровень и у 19% студентов выявлен низкий уровень.

По шкале «самоуважение» для 28% студентов характерно восприятие себя через самокритику, для 28% студентов наоборот это не характерно, они могут оценивать себя с адекватной точки зрения, у них выявлен высокий уровень самоуважения. У 20% средний уровень самоуважения.

Аутосимпатия на высоком уровне обнаружена у 24% студентов. У 30% студентов наблюдается низкий уровень аутосимпатии, для них характерна заниженная самооценка, они видят в себе преимущественно недостатки, часто испытывают к себе раздражение, презрение, склонны к вынесению самоприговоров. На среднем уровне по шкале «аутосимпатия» находятся 46% студентов, что говорит об их адекватном самоотношении.

Ожидание положительного отношения от других на высоком уровне выявлено у 26% студентов, на среднем уровне у 57% и у 17% на низком уровне (по шкале «ожидаемое отношение от других»). Таким образом, студенты, показавшие средний и высокий уровни, ждут от других поддержку и социальное одобрение.

У 43% студентов выявлен средний уровень по шкале «самоинтерес», а у 37% студентов высокий уровень. Это говорит о проявлении интереса данными студентами к своим чувствам и мыслям. Средние и высокие показатели по этой шкале отражают близость юноши к самому себе, интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой «на равных». У 20% студентов обнаружен низкий уровень по шкале «самоинтерес» - отсутствие интереса к самому себе, студенты не уверены в своей интересности для других.

Также были получены результаты по шкалам, направленным на измерение выраженности установки на те или иные внутренние действия в адрес «Я».

Высокий уровень самоуверенности выражен у 15% студентов, средний уровень у 61%, а низкий у 24% испытуемых студентов. По шкале «отношение других» высокий уровень выявлен у 65% студентов, средний уровень у 22% и низкий уровень у 13%. Установка на самопринятие у 11% на высоком уровне, у 48% студентов средний уровень, а низкий наблюдается у 41%. Высокий уровень по шкале «саморуководство, самопоследовательность» выявлен у 30% студентов, средний уровень у 46% и низкий уровень у 24%. По шкале «са-

мообвинение» у 50% студентов высокий уровень, у 22% средний уровень, и у 28% наблюдается низкий уровень. По шкале «самоинтерес» у 35% студентов выявлен высокий уровень, у 45% средний уровень и у 20% студентов выявлен низкий уровень самоинтереса. Установка на самопонимание на низком уровне наблюдается у 24%, на среднем уровне выражена у 57% и на высоком выявлена у 19% респондентов.

Таким образом, низкий уровень самооотношения в большей степени виден по шкалам «самообвинение», «самопринятие», «самоуверенность», «аутосимпатия» и «отношение других».

Результаты исследования по методике диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан) показали, что низкая самооценка выражена у 43% испытуемых. Это говорит о чрезмерном преуменьшении и недооценке своих внутренних качеств и собственного потенциала самим испытуемым. Средний уровень самооценки выявлен у 26% испытуемых, что говорит об адекватной самооценке. Высокий и очень высокий обнаружен у 31% студентов. Как правило, студенты, имеющие завышенный либо заниженный уровни самооценки, составляют «группу риска» появления нарушений в пищевом поведении.

По результатам исследования уровня притязаний выявлено, что 60% студентов обладают средним и низким уровнем притязаний. Обладание притязаниями на среднем уровне позволяет человеку реалистично оценивать свои возможности. Низкий уровень притязаний может свидетельствовать о неблагоприятном развитии личности и являться фактором риска возникновения нарушений в пищевом поведении. 40% испытуемых имеют очень высокий и высокий уровень притязаний. Высокий уровень позволяет оптимально оценивать свои возможности, и благоприятствует личностному развитию.

Таким образом, результаты исследования показали высокую долю студентов (около 2/3 студентов), характеризующихся склонностью к различным нарушениям пищевого поведения. Сопоставление склонностей к нарушениям пищевого поведения с особенностями восприятия себя, самооценки и самооотношения показало наличие определенных особенностей у таких студентов. Студенты «группы риска» возникновения пищевых нарушений могут характеризоваться низким уровнем притязаний, завышенным либо заниженным уровнем самооценки, низким уровнем самооотношения по шкалам «самообвинение», «самопринятие», «самоуверенность», «аутосимпатия», «отношение других» и «самоинтерес». Таким образом, проведенное эмпирическое исследование обусловило необходимость разработки программы психологической коррекции самооотношения студентов с нарушениями пищевого поведения. Целью программы

является развитие позитивного самооотношения и повышение уровня самооценки у студентов. Для дальнейшей работы с испытуемыми нами была разработана и реализована психологическая коррекционная программа. Особенностью программы психологической коррекции является акцентирование внимание в большей степени на развитие самооотношения студентов. Так как у юношей и девушек самооотношение является важнейшим компонентом самосознания и сочетает в себе когнитивный и эмоционально-ценностный компоненты.

Структура программы психологической коррекции самооотношения студентов с нарушениями пищевого поведения. Программа психологической коррекции состоит из 8 занятий. Длительность одного занятия 45-60 минут. Занятия проводятся 1 раз в неделю. Тематическое планирование психологической коррекционной программы включает в себя следующие темы:

Занятие 1. Актуализация знаний и представлений студентов о себе.

Занятия 2 и 3. Расширение системы знаний и представлений студентов о самом себе

Занятие 4. Формирование умения адекватно оценивать себя

Занятие 5. Зеркальное я: осознание представления о себе в глазах других людей.

Занятие 6. Формирование способности к безусловному принятию себя; осознание личностных ресурсов, возможностей; овладение навыками саморегуляции; формирование навыков самораскрытия и самопрезентации.

Занятие 7. Формирование стремления к росту и саморазвитию

Занятие 8. Формирование мотивации к саморазвитию и самосовершенствованию; подведение итогов.

После проведения программы психологической коррекции самооотношения студентов нами было проведено итоговое тестирование, в ходе которого были получены результаты, демонстрирующие динамику повышения уровня самооотношения у студентов с нарушениями пищевого поведения.

По результатам исследования пищевого поведения с использованием шкалы оценки пищевого поведения (ШОПП) можно сказать о том, что после участия студентов «группы риска» в коррекционной программе нормальное пищевое поведение наблюдается у 78% студентов (до участия в программе 39% студентов было свойственно нормальное пищевое поведение).

Результаты по методике Eating Attitudes Test («EAT-26») показывают, что после проведения коррекционной программы стал преобладать низкий уровень склонности к нарушениям пищевого поведения (у 56% испытуемых вместо 22% на первом этапе исследования), что говорит

об уменьшении числа студентов «группы риска» возникновения пищевых нарушений. Средний и высокий уровни склонности к нарушениям пищевого поведения снизились по сравнению с первым этапом исследования (38% и 6% соответственно).

Данные, полученные в результате применения методики «Опросник самоотношения (ОСО)» В.В. Столина и С.Р. Панталева показали, что значения сырых баллов по показателю среднего уровня самоотношения увеличились на 9% и стали составлять 61% (52% до участия в программе), по показателю высокого уровня значения увеличились на 13% (26% до участия в программе, 39% по результатам участия в программе), а низкий уровень самоотношения не был выявлен (до участия в программе был выявлен у 22%).

Результаты исследования по методике диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан) показали, что количественная разница между

диагностикой до и после участия в программе по низкому уровню самооценки оптимизировалось (с 43% испытуемых снизилось до 26%), что говорит о стабилизации адекватной самооценки, средний уровень самооценки составляет 48% (вместо 26% на первом этапе), а высокий уровень выявлен у 26% (вместо 31% на первом этапе).

Таким образом, разработанная нами коррекционная программа позволила изменить самоотношение студентов с нарушениями пищевого поведения, развить позитивное самоотношение и повысить уровень самооценки у студентов. Программа психологической коррекции самоотношения позволила снизить выраженность нарушений пищевого поведения у студентов. Благодаря участию в программе уменьшилось число студентов «группы риска» возникновения пищевых нарушений. Результатом нашего исследования стала разработанная и апробированная, готовая к применению программа психологической коррекции самоотношения студентов с нарушениями пищевого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолаева А.В. Восприятие собственной внешности в формировании личности: Автореф. дисс. канд. психол. наук. – М.: 2004. – 28 с.
2. Ильчик О.А., Сивуха С.В., Скугаревский О.А., Суихи С. Русскоязычная адаптация методики «Шкала оценки пищевого поведения» // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2011. – № 1. – С. 39-50.
3. Келина М.Ю., Маренова Е.В. Неудовлетворенность телом как риск-фактор возникновения нарушений пищевого поведения у девушек подросткового и юношеского возраста // Молодые ученые – нашей новой школе. Материалы X юбилейной научно-практической межвузовской конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. – М.: МГППУ. – 2014. – С. 211-212.
4. Панталева С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 108 с.
5. Панталева С.Р. Методика исследования самоотношения. – М.: «СМЫСЛ». 1993. – 32 с.
6. Гавриленко А.А. Образ физического Я как структурная составляющая Я-концепции: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – М., 2009. – 22 с.
7. Макушкина О.А., Березкин А.С., Дурнева М.Ю., Авдонина С.М. Апробация и внедрение методики структурированной оценки риска опасного поведения у лиц с психическими расстройствами // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. Т. 27. № 4. С. 18-24.
8. Каменецкая Е.В., Ребеко Т.А. Репрезентация телесного я и защита эго при нарушении пищевого поведения // Экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8. – № 3. – С. 118-128.
9. Келина М.Ю., Маренова Е.В., Мешкова Т.А. Неудовлетворенность телом и влияние родителей и сверстников как факторы риска нарушений пищевого поведения среди девушек подросткового и юношеского возраста // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 44-51.
10. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 4(31). – С. 18-48.
11. Холмогорова А.Б., Дадеко А.А. Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре // Медицинская психология в России. – 2010. – № 3. – С. 13.
12. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 448 с.
13. Глуханюк Н.С. Практикум по психодиагностике: учеб. пособие. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. – 216 с.
14. David M. Garner. The EAT-26 has been reproduced with permission. Garner et al. (1982). The Eating Attitudes Test: Psychometric features and clinical correlates. *Psychological Medicine*, 12, 871-878. <https://doi.org/10.1017/S0033291700049163>.

© Иванов Дмитрий Викторович (avatary@yandex.ru), Хохрина Алина Александровна (khokhrina.a@psga.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ У ПОДРОСТКОВ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Игнатов Константин Александрович

Аспирант,

Московский городской педагогический университет

Институт специального образования и психологии

etrianwwq@gmail.com

NEUROPSYCHIATRIC STABILITY IN ADOLESCENTS WITH MENTAL DISORDERS

K. Ignatov

Summary: The article is devoted to the issue of neuropsychiatric stability in adolescents with mental disorders. The work is a generalization of theoretical experience on the problem of research and confirmation of conclusions by the results of their own scientific research. The article presents the main methods and techniques used to study the features of neuropsychiatric stability in adolescents. In addition, a description of the contingent of participants in the experiment is given, which is represented by two groups of adolescents: adolescents with mental disorders and normotypic adolescents. The article describes the data of a study aimed at studying neuropsychiatric stability and resilience in adolescents with mental disorders. Based on the results of the work, conclusions were formulated, which are presented in the text of the article.

The article can be useful for students of psychological and pedagogical directions, practicing teachers, psychologists.

Keywords: neuropsychiatric stability, adolescence, mental disorders, resilience, psychological crisis.

Аннотация: Статья посвящена вопросу нервно-психической устойчивости у подростков, имеющих психические расстройства. Работа представляет собой обобщение теоретического опыта по проблеме исследования и подтверждение выводов результатами собственного научного исследования. В статье представлены основные методы и методики, использованные для изучения особенностей нервно-психической устойчивости у подростков. Помимо этого, дается описание контингента участников эксперимента, который представлен двумя группами подростков: подростки с психическими расстройствами и нормотипичные подростки. В статье описаны данные исследования, направленного на изучение нервно-психической устойчивости и жизнестойкости у подростков с психическими расстройствами. По результатам работы были сформулированы выводы, которые представлены в тексте статьи.

Статья может быть полезна обучающимся психологических и педагогических направлений, практикующим педагогам, психологам.

Ключевые слова: нервно-психическая устойчивость, подростковый возраст, психические расстройства, жизнестойкость, психологический кризис.

Проблема нервно-психической устойчивости у лиц с психическими расстройствами является одной из актуальных в настоящее время. Расхожим мнением, которого придерживаются даже некоторые специалисты, является мнение о том, что психические расстройства всегда лишают человека способности воспринимать себя, добиваться успехов в различных сферах и выстраивать социальные отношения. Такое восприятие со стороны окружающих приводит к различным проблемам в личности человека, страдающего психическими расстройствами, в еще большей степени нарушает его нервно-психическую устойчивость. [4]

Наиболее заметны указанные проблемы в подростковом возрасте. Мнение о том, что подростковый возраст является одним из самых трудных возрастных периодов, является обоснованным. Это связано с тем, что подросток переживает один из самых значимых кризисов, который оказывает большое влияние на его дальнейшее развитие. [3]

Тот факт, что подросткам приходится переживать большой спектр эмоций, чувств и изменений физиологического и психологического характера, очень часто сказывается на их моральном состоянии и может ока-

зать влияние на показатели жизнестойкости подростков и их нервно-психической устойчивости.

Исследованию нервно-психической устойчивости подростков посвящены работы таких авторов, как: Л.А. Александрова, С.В. Книжникова, Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова, изучающие феномен жизнестойкости; Н.Г. Шотт, рассматривающий проблему нервно-психической устойчивости личности; С.П. Амиридзе, О.А. Степанова, С.Ю. Дёмина, Г.В. Макоедова, Д.А. Желтова, изучающие проблемы развития и особенности адаптации детей и подростков.

В настоящее время проблема нервно-психической устойчивости подростков с психическими нарушениями остается актуальной и должна быть изучена в большей степени.

Для расширения имеющихся сведений по проблеме нервно-психической устойчивости подростков нами была проведена исследовательская работа, которая включала в себя два основных этапа:

1. Теоретический этап. Направлен на обобщение и систематизацию уже имеющихся теоретических положений по проблеме исследования.

2. Практический этап. Направлен на проведение собственного исследования, целью которого является изучение особенностей нервно-психической устойчивости у подростков с психическими расстройствами.

На теоретическом этапе были проанализированы литературные и иные источники информации, которые позволили сформулировать положения, значимые для организации практического исследования. Рассмотрим эти положения подробнее.

Нервно-психическая устойчивость представляет собой динамическую связь наследственных и приобретенных сущностных универсальностей, мобилизационных потенциалов и психофизиологических способностей организма, обеспечивающих оптимальное развитие индивида в отрицательных условиях высококвалифицированной среды. [4]

Нервно-психическую устойчивость следует рассматривать в сочетании с нервно-психической неустойчивостью, поскольку эти явления представляют собой обратные составляющие одного и того же феномена. [4]

С явлением нервно-психической устойчивости связано понятие жизнестойкости, которое представляет собой возможность человека противостоять влиянию отрицательных стимуляторов окружающей среды. Отличительным фактором является то, что понятие устойчивости имеет более обширный контекст.

Жизнестойкость имеет большое значение в жизни человека, поскольку именно она оказывает влияние на взаимодействие с отрицательными стимуляторами. Проблемой является то, что при наличии психического расстройства показатели жизнестойкости могут значительно снижаться, что приводит к дополнительным нарушениям в личностном развитии.

Ограниченные возможности здоровья и наличие психических расстройств оказывают неблагоприятное влияние на личностное и психическое развитие подростков. Помимо этого, они оказывают влияние на жизнестойкость, поскольку выступают дестабилизирующим фактором ее развития и формирования. [2]

На показатели жизнестойкости подростков, имеющих ограниченные возможности здоровья и психические расстройства могут оказывать влияние различные факторы. К таким факторам можно отнести время наступления нарушения в психическом и физиологическом развитии, характер основных проявлений нарушения, степень его выраженности. Помимо этого, значительное влияние на жизнестойкость и нервно-психическую устойчивость подростков с ограниченными возмож-

ностями здоровья и психическими расстройства оказывает та социальная среда, в которой они находятся. Исследователи подчеркивают особое значение семьи и ближайшего окружения в формировании личностных особенностей таких подростков. [5, 6]

Таким образом, в результате анализа теоретической литературы по проблеме исследования нами были сформулированы выводы, значимые для организации дальнейшего практического исследования.

Обобщая полученные данные, можно сформулировать следующие положения:

1. Ограниченные возможности здоровья подростка имеют дестабилизирующее значение и снижают его способность к адаптации.
2. Нервно-психическая устойчивость и жизнестойкость — категории, имеющие сходное значение, но последняя имеет более широкий контекст.
3. Психические расстройства – дезадаптивный фактор для подростков.

Вторая часть проведенной исследовательской работы была посвящена проведению практического исследования.

Перед началом исследования нами была сформулирована гипотеза: исследования выдвигается предположение о том, что у подростков с ментальными нарушениями показатель нервно-психического напряжения будут отличаться от жизнестойкости и нервно-психического напряжения здоровых детей.

Помимо этого, на начальном этапе работы были отобраны методы методики, которые были использованы в ходе реализации исследования. Нами были выбраны следующие методики: Методика С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева, методика определения нервно-психической устойчивости, риска, инволюции в неврозе «Прогноз», анализ «Личностная и ситуационная тревожность» Спилбергера-Ханина, саморегуляции поведения», методика «Q-сортировка», многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина.

Для обработки данных были применены статистические методы: U критерий Манна-Уитни с учетом изменчивости признака (СКО) и χ^2 Пирсона.

Исследование было реализовано в период с 01.03.2021 по 20.11.2021 года. Базой исследования является ГБОУ «МИГ».

В исследовании приняли участие 30 подростков с ментальными нарушениями и 24 подростка с нормотипичным развитием.

Большинство из участников эксперимента получают образование в соответствии с требованиями адаптированной основной общеобразовательной программы (вариант 8.1.).

Исследование показателей тревожности позволило сформулировать вывод о том, что наиболее высокие показатели тревожности и ситуативной напряженности свойственны для подростком, имеющих определенные психические расстройства.

Большинство участников эксперимента, для которых свойственны высокие показатели тревожности, продемонстрировали низкий уровень жизнестойкости и нервно-психической устойчивости.

Помимо этого, исследование позволило сформулировать вывод о том, что подростки с ментальными нарушениями имеют сниженный уровень самокритичности, что тоже негативно сказывается на показателях уровня нервно-психической устойчивости.

Исследование показывает, что показатели нервно-психической устойчивости в группе подростков с психическими нарушениями заметно ниже, чем в группе подростков с нормотипичным развитием.

Корреляционный анализ позволил прийти к выводу о том, что чем выше уровень жизнестойкости, тем выше и уровень нервно-психической устойчивости. Стоит отметить, что такой вывод удалось сформулировать, опи-

раясь на данные, которые были получены в группе подростков с ментальными нарушениями.

Помимо этого, в результате анализа было установлено, что низкий уровень жизнестойкости и нервно-психической устойчивости у подростков с ментальными нарушениями сочетается с низкими показателями самоорганизации и автономии, но отмечается высокий уровень показателя сущностной напряженности.

Таким образом, в результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы об особенностях жизнестойкости и нервно-психической устойчивости подростков с психическими расстройствами:

1. Подростки с психическими расстройствами значительно отличаются от нормотипичных подростков по показателям нервно-психической устойчивости. Можно отметить, что нервно-психическая устойчивость и приспособляемость к изменяющимся условиям внешней среды у подростков с ментальными нарушениями ниже, в то время, как показатели ситуативной и субъективной напряженности являются высокими.
2. Подростки с психическими расстройствами проявляют определенные личностные особенности, которые проявляются в меньшей самокритичности, способности обращаться за помощью и низкими показателями самостоятельности.
3. Доказана взаимосвязь между показателями жизнестойкости и нервно-психической устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батуева С.В. Социализация младших подростков с задержкой психического развития арт-терапевтическими средствами социокультурной деятельности // Вестник СМУС74. 2014. №5.
2. Владельщикова Д.Н., Обухова О.А. Проблема социально-психологической адаптации детей-инвалидов // Вестник СМУС74. 2016. №1 (12).
3. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. - 4-е изд., стереотип. - М.: Издательский центр «Академия», 1999 - 456 с.
4. Никитина Е.В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy. 2017. №4 (19).
5. Саратова Л.М. Психолого-педагогическое сопровождение подростков с ограниченными возможностями здоровья в условиях интеграции / Л.М. Саратова. // Современная психология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, июль 2014 г.). — Т. 0. — Пермь: Меркурий, 2014. — С. 59-63.
6. Саратова Л.М. Характеристики личностных особенностей подростков с ОВЗ по тесту Кеттелла в условиях разной среды обучения / Л.М. Саратова. // Современная психология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). — Казань: Бук, 2014. — С. 89-91.

© Игнатов Константин Александрович (ettrionwwq@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

Уланова Анастасия Олеговна

Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
nastaulanova2000god@gmail.com

Хаидов Сергей Курбанович

канд. психол. наук, доцент, Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
haidov@bk.ru

DEVELOPMENT OF THE ASPIRATION LEVEL OF OLDER ADOLESCENTS WITH VISUAL IMPAIRMENT

**A. Ulanova
S. Khaidov**

Summary: The article presents the results of the study of the developmental characteristics of older adolescents' level of aspiration with visual impairment. It has been revealed that the level of aspiration of such adolescents is characterized by the inadequate manifestation (underestimated and overestimated levels). The results of the empirical research enabled to determine the aim and objectives of correction-developmental work focused on the development of an adequate level of aspiration. There are the results of realization of the corrective-developmental program presented and general conclusions about the dynamics of development of the aspiration level of older adolescents with visual impairment made.

Keywords: level of aspiration, older adolescents, visual impairment, corrective-developmental program.

Аннотация: В статье приведены результаты исследования особенностей развития уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения. Выявлено, что уровень притязаний таких подростков характеризуется неадекватностью проявлений (заниженный и завышенный уровни). Полученные результаты эмпирического исследования позволили определить цель и задачи проведения коррекционно-развивающей работы, направленной на развитие адекватного уровня притязаний. Представлены результаты реализации коррекционно-развивающей программы и сделаны общие выводы о динамике развития уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения.

Ключевые слова: уровень притязаний, старшие подростки, нарушение зрения, коррекционно-развивающая программа.

Введение

В общей психологии понятие «уровень притязаний» обозначает степень трудности задач и целей, которые человек ставит перед собой и стремится к их достижению.

Подростковый возраст рассматривается как ключевой этап в развитии уровня притязаний, поскольку подростки становятся более сосредоточенными на своем будущем и проявляют повышенную избирательность в выборе личностных целей и планов. Согласно многочисленным психолого-педагогическим исследованиям, уровень притязаний и связанная с ним самооценка наиболее неадекватны в подростковом возрасте.

Подростки в своих стремлениях и притязаниях не будут ставить высокие цели в тех областях, где они ранее потерпели неудачу. Так отмечаемая школьная неуспеваемость и учебные неудачи будут препятствовать будущим образовательным стремлениям для многих учащихся. Эта тенденция может распространяться на любую другую сферу жизни [6]. В связи с этим данный возрастной период является чувствительным и продуктивным для оказания коррекционно-развивающего воздействия.

Для подростков с нарушением зрения становление и развитие уровня притязаний проходит более специфично в силу качественного своеобразия их личностных свойств. Исходя из этого, изучение данного концепта в рамках развития мотивационно-потребностной сферы таких подростков имеет большое значение для выявления факторов их социальной дезадаптации и разработки направлений психологической поддержки. Неадекватные притязания и стремления подростков с нарушением зрения приводят к трудностям процесса целедостижения, снижению продуктивности их деятельности, внутриличностным конфликтам, связанным с невозможностью удовлетворения своих желаний.

Несмотря на пристальный интерес к исследованию личности подростков с различными зрительными патологиями, проблема развития и коррекции уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения изучена недостаточно. В связи с этим возрастает потребность в практической разработке данной проблемы, что обуславливает актуальность нашей темы.

Правильно сформированный уровень притязаний у детей данной категории будет способствовать выбору реалистичных жизненных планов и влиять на успешность самореализации как в отдельных сферах жиз-

недеятельности (учебной, учебно-профессиональной, межличностной), так и личности в целом. Адекватный уровень притязаний будет обеспечивать успешную социализацию и интеграцию в общество старших подростков с нарушением зрения.

Таким образом, целью нашего исследования явилась разработка программы коррекционно-развивающих занятий, содержание которых направлено на развитие адекватного уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения.

Литературный обзор

Проблемам развития мотивационно-потребностной сферы и уровня притязаний подростков с нарушением зрения посвящены работы А.Г. Литвака, Р.А. Курбанова, А.М. Виленской, Л.И. Солнцева [1, 2, 3, 4].

Дефект зрения усложняет взаимодействие детей с окружающей средой, провоцирует возникновение своеобразных социальных установок и ориентиров, приводит к развитию неадекватной самооценки и установлению неадекватных притязаний. В исследованиях А.Г. Литвака отмечается, что формирование личностных характеристик детей с нарушением зрения зависит от времени возникновения, степени и характера зрительной патологии [3].

В тифлопсихологии существуют две противоположные позиции: одни считают негативным влияние зрительного дефекта на развитие волевых и мотивационных качеств, которое заключается в отсутствии притязаний к улучшению и достижению; позиция других состоит в убеждении, что необходимость преодоления трудностей формирует у детей с нарушением зрения сильное стремление добиться лучших результатов и достичь желаемой цели [4].

Подростки с нарушением зрения для формирования положительного отношения к себе и развития процессов целеполагания часто нуждаются в положительной оценке окружающих, в здоровой симпатии в свой адрес. У них отмечаются трудности установления временной перспективы. Подростки начинают планировать своё будущее, но часто эта деятельность носит несистематический характер и осуществляется неосознанно [7].

Дети данной категории склонны недооценивать свои способности, ставить цели среднего уровня сложности или наоборот завышать имеющиеся возможности, выбирая нереалистично высокие цели. У них наблюдается большой диапазон колебаний уровня притязаний и меньшая устойчивость. Такие подростки часто практически не соотносят уровень притязаний с уровнем достижений, они не могут объективно оценить свой потен-

циал и выбрать задания, соответствующие их реальным возможностям [1, 2].

Вышеизложенные особенности проявлений уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения обуславливают необходимость проведения психолого-педагогических мероприятий по развитию и коррекции данного процесса.

Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает, что коррекция и развитие уровня притязаний происходит в неразрывной связи с коррекцией самооценки, развитием мотивации достижения и формированием интернального локуса контроля. Основная часть коррекционно-развивающей работы должна быть направлена на установление контакта с подростком, на развитие правильного отношения к себе и своим способностям, на развитие навыков постановки реалистичных целей, определение перспектив и трудностей достижения цели, осознание своего влияния и активности на достижение целей. Важно привлекать подростков к самоанализу и определению своих сильных сторон личности и возможностей развития.

Материалы и методы

На констатирующем этапе исследования нами была реализована диагностическая программа, в состав которой вошли следующие методики: «Шкала Дембо-Рубинштейн» (модификация А.М. Прихожан), «Моторная проба Шварцландера» (модификация Л.В. Бороздиной), «Оценка уровня притязаний» В.К. Гербачевского, «Диагностика уровня субъективного контроля» Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда).

По результатам проведённого диагностического исследования был сделан общий вывод об особенностях развития уровня притязаний старших подростков с нарушением зрения, заключающийся в неадекватности его проявлений. Он не соответствует реальной оценке своих возможностей, имеет завышенные или заниженные значения. Отмечается тенденция выбора более сложных целей при отсутствии достижений и выбора более лёгких целей при достигнутых высоких результатах. Уровень притязаний не подкрепляется развитием мотивационных качеств и способностью взять ответственность на себя за результаты выполняемой деятельности [5].

Приняв во внимание результаты диагностического исследования, нами была разработана и реализована коррекционно-развивающая программа, направленная на развитие адекватного уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения. Теоретической основой разработки программы явились работы Галеевой Г.В., Стишенок И.В., Анн Л.Ф., Прихожан А.М., Дубровиной И.В.

Задачи коррекционно-развивающей программы: развитие адекватной самооценки и уровня притязаний к развитости личностных качеств; оптимизация динамической стороны уровня притязаний; развитие компонентов мотивационной структуры: волевого усилия, инициативности, навыков соотнесения своих возможностей с желаемым результатом и умения использовать имеющиеся ресурсы; развитие интернального локуса контроля.

Программа состоит из 14 занятий. Длительность проведения каждого занятия 45 минут с периодичностью 2 раза в неделю. Форма коррекционно-развивающих занятий: групповая.

Для коррекционно-развивающей программы были выбраны следующие приемы и методы: беседа, ролевая игра, групповая дискуссия, обыгрывание проблемных ситуаций и обучение выходам из них; упражнения, ориентированные на умение планировать свою деятельность, принимать решения, на выработку эффективных средств достижения цели.

Так например, на занятии № 1 «Мы разные» были проведены упражнения «Дерево моего «Я»», «Уникальность каждого», направленные на активизацию представлений о себе, умение выявлять свои значимые качества и сильные стороны путём оценки своих характеристик в разных сферах жизни (семья, учёба, хобби).

Занятие № 2 «Мои возможности и стремления» было направлено на распознавание личностных ресурсов и возможностей для достижения целей («Я могу»), развитие умения определять способы достижения цели («Мой идеал успешного человека»), определение своих жизненных целей и ценностей («Это важно для меня»).

На занятии № 3 «Могу, хочу и делаю» были реализованы упражнения на осознание путей преодоления трудностей и развитие волевых качеств («Преодоление»), на соотнесение имеющихся возможностей и уровня притязаний («Хочу и могу»), на развитие навыков самораскрытия и инициативности («Потому что я...»).

Результаты исследования

Реализация коррекционно-развивающей программы показала, что у большинства исследуемых подростков

произошли позитивные количественные и качественные изменения уровня притязаний в сторону его адекватных, реалистичных проявлений.

Общий уровень самооценки и уровень притязаний к развитости личностных качеств имеет тенденции к адекватным проявлениям – на контрольном этапе количество очень высоких уровней сократилось, низкие уровни развития приобрели средние значения. Расхождения между самооценкой и уровнем притязаний имеют умеренные значения у большинства исследуемых.

Динамическая сторона уровня притязаний имеет тенденции к увеличению значений – на контрольном этапе нереалистично низкий и низкий уровни не отмечаются, преобладают умеренный и высокий уровни.

Компоненты мотивационной структуры имеют тенденцию в сторону оптимальных проявлений – динамика в сторону качественного повышения низких и средних уровней развития компонентов, количественного снижения неадекватно высоких уровней развития компонентов.

При изучении локуса контроля отмечается тенденция к повышению общей интернальности – в отдельных сферах жизни подростки опираются на собственные силы и выбирают принятие личной ответственности за совершаемые действия.

Выводы

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют нам сделать вывод, что разработанная коррекционно-развивающая программа, направленная на развитие адекватного уровня притязаний у старших подростков с нарушением зрения, будет продуктивна при работе с детьми данной категории. Для достижения большего положительного эффекта рекомендуется продолжительная коррекционно-развивающая работа и комплексный подход специалистов к решению рассматриваемой проблемы.

Использование данных о развитии уровня притязаний представляет возможным организацию эффективной психолого-педагогической помощи, способствующей интеграции старших подростков с нарушением зрения в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виленская А.М. Некоторые особенности личности старших классов школ для слепых детей // X научная сессия по дефектологии. М., 1990. С. 12–13.
2. Курбанов Р.А. Особенности общения слепых детей в условиях совместной деятельности // Современные исследования по проблемам учебной и трудовой деятельности аномальных детей: тезисы доклада. X научная сессия по дефектологии. М., 1990. С. 38.
3. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб. пособие / А.Г. Литвак; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. - СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. - 271 с.

4. Солнцева Л.И. Тифлопсихология детства. М.: Полиграф сервис, 2000. 250 с.
5. Уланова А.О., Хаидов С.К. Особенности развития уровня притязаний старших подростков с нарушением зрения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. -2021. -№06. -С. 90-93 DOI 10.37882/2500-3682.2021.06.21
6. Halpin G., Halpin G. Factors Related to Adolescents' // Psychological Reports, vol. 56 (1), 1985: P. 203-209.
7. Pfeiffer J.P.; Pinquart M. Control strivings in attaining peer-group membership and forming romantic relationships among adolescents with and without visual impairment. British Journal of Visual Impairment, 29(2), 2011: P. 113–129.

© Уланова Анастасия Олеговна (nastaulanova2000god@gmail.com), Хаидов Сергей Курбанович (haidov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ТЕЛЕСНЫЕ МОДИФИКАЦИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ВИДЫ, РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Фесенко Светлана Николаевна

Студент, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж
diona-7@mail.ru

BODILY MODIFICATIONS: DEFINITION, TYPES, ROLE IN PERSONALITY DEVELOPMENT

S. Fesenko

Summary: At the moment, dissatisfaction with one's own appearance and body has become increasingly observed in society. The high degree of concern about appearance among people is evidenced by the increased interest in sports, the fashion of proper nutrition and diets, the desire of healthy people to take unjustified risks associated with aesthetic and plastic surgery, a wide range of opportunities to get a tattoo and piercing in the salon or at home. The paradox of dissatisfaction with your body has taken on a massive character. The author clarifies the concept of body modification, describes its most popular types, introduces the history of the occurrence of this phenomenon and the psychological prerequisites for making changes to one's own body.

Keywords: body modifications, piercing, tattooing, scarring, microdermal, split tongue.

Аннотация: В настоящий момент в обществе все чаще стала наблюдаться неудовлетворенность собственной внешностью и телом. О высокой степени озабоченности внешним видом среди людей свидетельствует возросший интерес к занятиям спортом, мода правильного питания и диет, желание здоровых людей идти на неоправданный риск, сопряженный с эстетической и пластической хирургией, широкий спектр возможностей сделать татуировку и пирсинг в салоне или на дому. Парадокс неудовлетворенности своим телом принял массовый характер. Автор уточняет понятие модификации тела, описывает ее наиболее популярные виды, знакомит с историей возникновения данного явления и психологическими предпосылками к внесению изменений в собственное тело.

Ключевые слова: модификации тела, пирсинг, татуировка, шрамирование, микродермал, сплит языка.

Под модификацией тела понимается физическое видоизменение тела человека или его отдельного участка, нарушающее структуру тела и кожного покрова, путём хирургической или пластической коррекции. К таким изменениям относят татуировку, шрамирование, клеймение, прокалывание, имплантации, ампутации и другие вмешательства. Модификации вносятся добровольно, при помощи специалистов или самостоятельно, для достижения эстетических, идеологических, духовных и психологических целей.

Общеизвестно, что практика внесения изменений в собственное тело существует с древнейших времен. В первобытном обществе предки совершали перфорации разнообразных участков тела, участвуя в обрядах инициации. Например, юношам необходимо было делать надрезы, иссечения, обрезания, чтоб доказать свою стойкость и мужественность, готовность вступить во взрослую жизнь.

Самая популярная модификация – пирсинг. Это прокол мягких тканей тела с последующим украшением прокола. Проколы ушей (современные тоннели) и губ отмечены еще у представителей племени масаи, а древнеегипетские жрицы фараона подчеркивали свой высокий статус пирсингом пупка. Римские центурионы пирсингом сосков обозначали мужество, доблесть и отвагу. Древние

ацтеки делали прокол языка и таким способом устанавливали контакт с богами. Сегодня люди, носящие пирсинг, подчеркивают свою индивидуальность, заявляют о своей сексуальности, доказывают, что способны выдержать испытание и болевые ощущения. Прокол мочек ушей в нашем исследовании учитываться не будет, так как является социально одобряемым и в большинстве случаев делается в юном возрасте с одобрения родителей.

Н.В. Морозова утверждает, что татуировка является не менее популярным и, вместе с тем, древнейшим видом декоративного изменения тела [9]. Татуировка - процесс создания перманентного (стойкого) изображения на кожном покрове человека, путем внесения в подкожную клетчатку красящего пигмента. Отличительной особенностью татуирования является то, что рисунок остается с человеком навсегда, поскольку на данный момент нет способа полностью убрать следы татуировки. В.А. Резанова отмечает, что на данный момент выделяются три основных мотива нанесения татуировки – декоративно-эстетический, магико-религиозный и информационный. Натальную роспись использовали повсеместно с древнейших времен и связывали это с инициацией [11]. По мнению В.Ю. Чепига, пройдя длительный процесс трансформаций, сейчас татуировка среди молодежи воспринимается как вид искусства и способ индивидуализации [13]. А.М. Исакова считает, что татуировка является так

же частью невербального общения [7]. На основе опроса Dalia, проводимом в апреле 2018 года, Россия находится на 13-м месте (33%) среди стран, принимающих участие в исследовании - больше трети населения страны имеет хотя бы одну татуировку (около 49 миллионов человек). А стабильный рост тату-салонов свидетельствует о высоком спросе на услугу.

Все большую популярность набирает такой вид скарификации, как шрамирование. А.С. Дорожкин полагает, что художественные шрамы не стоит относить к одной из разновидностей татуировок, поскольку изображение данной модификации формируется в результате из келоидных рубцов. История шрамирования началась с нанесения шрамов на тело представителями древних африканских племен, т. к. на темной коже шрам был более заметен, чем татуировка. В салонах на данный момент используют четыре варианта создания рисунка на коже: вырезание, выжигание (клеймение), «холодное выжигание» при помощи жидкого азота и шрамирование при помощи лазерного луча для создания поджигающего эффекта. Любители наиболее экстремальных способов нанесения нательных изображений практикуют химическое («chemical scarification») и пороховое («gunpowder scarification») шрамирование, соответственно – с использованием химических реактивов и поджиганием твердого в рану пороха. Часто предполагают смешение способов нанесения рисунков на тело. Так, набирающая популярность техника «прокраска чернилами» («ink rubbing») предполагает нанесение татуировочного пигмента в порезы на кожном покрове [6].

Н.Н. Телепова и М.Н. Телепов отмечают, что существуют так же виды искусственного изменения тела, относящиеся к экстремальным или калечащим способам - тоннели (в мочках ушей, щеках, носу, губе и пр.), микродермалы, сплит языка, изменения зубов [12], удаление частей тела или, наоборот, имплантация.

Микродермал – это разновидность плоскостного пирсинга, отличающегося большим диаметром при котором прокол любой части тела, кроме ушной раковины, совершается точно, а не насквозь. Такая модификация часто сопровождается аллергией, гнойным воспалением, микробным инфицированием, отторжением подкожной часть украшения.

Тоннели - это разновидность украшения для пирсинга. Чаще такое украшение вставляют в мочку уха, реже в губу, нос, щеки или даже язык. Процедура увеличения диаметра отверстия сопряжена с очень сильными болями ощущениями. Ношение тоннелей имеет негативные последствия, такие как наросты на коже вокруг бортов тоннеля, келоидные рубцы, разрывы мягких тканей, атрофия тканей вокруг прокола, аллергические реакции на материал расширителя и украшение, инфицирование.

Сплит языка – центральное рассечение языка. Корнями такая модификация применялась еще в древние времена в племенах майя для священных ритуалов. Это очень болезненная и опасная процедура, в результате которой высоки риски инфицирования разреза, большой потери крови, изменения дикции. Если разрез заживает, некоторые индивиды разрезают язык повторно.

Редкие, но все же используемые в наши дни боди-модификации: обрезание (удаление крайней плоти у мужчин), субинцизия (продольный разрез на нижней части пениса с нарушением целостности мочеиспускательного канала), моделирование «эльфийских ушей» (хирургическая операция, в ходе которой рассекается ушной хрящ, затем сворачивается, моделируется в соответствии с желаемой формой и фиксируется швами).

Решение идти на риск, сопутствующий эстетическим и хирургическим вмешательствам в тело, в том числе путем нанесения на тело перманентного узора или пирсинга, связано с сильной озабоченностью внешним обликом. Анализ возможных факторов и причин телесных модификаций и предпосылок неудовлетворенности своей внешностью выявил их взаимосвязь. При исследовании факторов неудовлетворенности собственным телом были выделены такие факторы, как личностный, социокультурный и семейный. Причем основной причиной желаний модифицировать свое тело является неудовлетворенность.

Ю.В. Батлук и Я.П. Пойлова выявили взаимосвязь систематического самоповреждения с нанесением татуировки-надписи [2].

Д.А. Брызгаловым была рассмотрена татуировка, как способ конструирования тела, соответствующего социальным нормам, как продукт общественного потребления. Им было установлено, что татуировка в настоящее время является услугой и используется как универсальный метод выражения внутреннего мира человека, его желаний, как метод борьбы с закомплексованностью, способ самоутвердиться и самореализоваться в обществе [4].

Тема соответствия внешнего телесного облика социальным нормам, популярность желаний выглядеть можно дольше изучены Н.Л. Антоновой. Основным инструментом исследования выступил спрос среди различных социальных слоев на услуги хирургической пластики, которая является одной из форм искусственной модификации тела. Автор утверждает, что сейчас тело наделяется особым значением, вследствие того, что подвергается различным видам конструирования, которые позволяют в полной мере реализовать огромный спектр желаний и потребностей: начиная с эстетических и заканчивая смысложизненными. Блефаропластика занимает по популярности первое место наравне

с маммопластикой и ринопластикой. По результатам опроса специалистов, проведенного в 2018 году, чья деятельность заключается в хирургическом конструировании человеческого тела в г. Екатеринбурге, выявлено, что пластическая хирургия – это практика конструирования с самым высоким показателем риска. При этом доступность услуг эстетической модификации телесности становится все более высокой практически всем слоям общества. Чаще всего к подобным услугам прибегают здоровые люди. В отличие от больных людей, обращающихся к пластической хирургии для решения реальных физиологических и медицинских проблем, здоровые люди обращаются к хирургическому конструированию ради самоутверждения, а так же ради повышения социального статуса [1].

П.В. Цыганкова и Л.Р. Цамерян изучили роль модификаций тела в совокупности со значением личной самоидентичности человека в рамках текущей социокультурной ситуации. Выявлены различия мотивов совершения телесных модификаций между женщинами практикующими и не практикующими их. Женщины с бодимодификациями, намного чаще отмечают желание самовыражения, в то время, как женщины, без бодимодификаций, чаще отмечают желание привлечь внимание. Женщины, независимо от наличия бодимодификаций, с одинаковой частотой отмечают желание протеста против общепринятых норм телесности, желание продемонстрировать право распоряжаться собственным телом, стремятся подчеркнуть свою уникальность. У женщин с модификациями тела при наличии внутренней конфликтности ценностей, при сниженной эмпатии к женщинам феминной внешности отмечен сниженный уровень желания соответствовать ориентированному на других и социально предписанному эталону. Исследование показало, что желание самовыражения тесно связано с желанием самоконструирования. Авторы пришли к заключению, что желание внести искусственные модификации в свое тело имеет крайне сложный характер, подчинено стремлению принадлежать к какой-либо группе и, вместе с тем, быть автономными [5].

Л.И. Подгайская изучила психофизический критерий человеческого здоровья и возможность улучшения качества жизни путем внесения изменений в тело человека. Автор считает, что построение образа тела осуществляется за счет различных фрагментов – отдельных проявлений осознания телесности в разнообразных ситуациях, как частности, при помощи искусственных изменений тела. В культуре постмодерна в городской среде возможности воздействия на человеческое тело явились особенным компенсаторным фактором, который ассоциируется со свободой и противостоянием рациональной обыденности и эксплицированным поведенческим нормам. Модификации тела воспринимаются как изящные методы роста личностных качеств для при-

вилегированных людей. Большая часть украшений для тела заимствованы из разных древнейших культур. По мнению Л.И. Подгайской, нанесение перманентных узоров на тело, проколы мягких кожных покровов и иные модификации тела являются социальным фактором выражения современной социальной идеологии [10].

Немаловажна современная проблема зависимости людей от модификаций собственного тела. Существуют названия для подобных зависимостей, используемые в узких кругах, например, «черная болезнь» для любителей татуировок или «дырявая болезнь» для ценителей пирсинга. Е.А. Бровкиной выявлено, что такая зависимость взаимосвязана с изменением сознания и отношения к себе. При подобной зависимости выявляются отклонения во всех составляющих самоотношения: когнитивном, эмоциональном, поведенческом. У бодимодификаторов действие мнимой компенсации определяет патологическое смещение самоотношения, обнаруживаются корреляционные связи отрицательного отношения к себе и желания изменить свою внешность [3].

М.Б. Медникова рассматривает татуировку как отголоски архаического прошлого, напоминающие нам, как недалеко мы ушли от каменного века. Желание делать татуировки объясняется влиянием первобытного мышления, которое до сих пор не покинуло нас безвозвратно. Древние люди верили, что меняя свое тело, можно влиять на изменения внешнего мира. При определенных условиях тяга к изменению себя проявляется под воздействием задействованных древнейших механизмов нашего сознания. Если на рубеже 20-21 вв. люди рабочего класса стремились с помощью татуировок вызвать ужас у городской элиты, то сейчас доминирует желание вызвать восхищение окружающих перед красотой нанесенного на тело рисунка. Также актуален один из древних мотивов обозначения принадлежности к определенному обществу. Тяга человека к манипуляциям с собственным телом рассматривается как инстинктивное действие, как желание испытать всю гамму эмоций первобытного человека, заложенное в человека нынешнего долгими поколениями естественного отбора, но являющееся не востребованным теперь. Так же М.Б. Медникова считает, что в основе желания изменить тело лежит очень много бессознательного, общечеловеческого [8].

Чукуров А.Ю. утверждает, что желание конструировать свое тело, путем внесения в него различных модификаций – это новая реальность, не обусловленная модными веяниями и субкультурными трендами, а желание самореализации власти через телесные практики. Основным методологическим принципом телесных модификаций выделяется принцип самособственности. Другими словами, тело является собственностью самого человека, а возможность контролировать и распоряжаться этой собственностью так, как человек посчитает

нужным, подтверждает это естественное право. Тело воспринимается как ресурс для достижения различных целей и человек может достраивать этот ресурс, меняя, обращаясь к практике хирургических и других бодимодификаций, совершать добровольные повреждения, соответствующие его представлениям о защите и само-

контроле и даже уничтожать. Суицид и эвтаназия рассматриваются как радикальные телесные практики при условии последовательной реализации принципа самособственности. В итоге, актуальные бодимодификации – это связанные механизмы обозначения личных границ и ускользания от внешнего контроля [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Н.Л. Пластическая хирургия как способ модификации человеческого тела / Н.Л. Антонова // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, Екатеринбург, 21–23 марта 2019 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. – С. 1496-1501.
2. Батлук, Ю.В. Суицидальные тенденции у людей с татуировкой / Ю.В. Батлук, Я.П. Пойлова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 338-352.
3. Бровкина, Е.А. К вопросу изучения самоотношения у зависимых от модификаций тела лиц в процессе психологического консультирования / Е.А. Бровкина // Проблемы теории и практики современной психологии: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 23–24 апреля 2020 года / Редколлегия: И.А. Конопак [и др.]. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – С. 264-266.
4. Брызгалов, Д.А. Конструирование тела с помощью татуировок / Д.А. Брызгалов // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, Екатеринбург, 21–23 марта 2019 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. – С. 197-200.
5. Гарагашева, Е.П. Самоповреждения: вопросы классификации / Е.П. Гарагашева // Университетская медицина Урала. – 2021. – Т. 7. – № 3(26). – С. 21-22.
6. Дорожкин, А.С. Телесные модификации: к вопросу терминологии / А.С. Дорожкин // Искусство и культура. – 2018. – № 2(30). – С. 77-80. – EDN YLZTZR.
7. Исакова, А.М. Татуировки как средство невербального общения / А.М. Исакова // Потенциал Российской экономики и инновационные пути его реализации: Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов: в 2 частях, Омск, 19 апреля 2018 года. – Омск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2018. – С. 116-118. – EDN UWDOUB.
8. Медникова, М.Б. Неизгладимые знаки : Татуировка как исторический источник / М.Б. Медникова. – Москва: Издательство «Языки славянских культур», 2007. – 216 с. – (Studia naturalia). – ISBN 5-9551-0211-6. – EDN QZTKYP.
9. Морозова Н.В. История татуировки длиною более 3 тысяч лет [Электронный ресурс] // Дилетант: электрон. культ.-просветит.журн.- 14.03.2020-№3. URL:<https://diletant.media/articles/45281286/#> (дата обращения: 23.03.2020).
10. Подгайская, Л.И. Социокультурный феномен модификаций тела / Л.И. Подгайская // Социальные коммуникации в современном мире: Сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса, Минск, 18–20 октября 2017 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 247-249.
11. Резанова, В.А. Трансформация восприятия феномена татуировки в истории культуры / В.А. Резанова // Всероссийская конференция молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации» (Социальный инженер-2020): Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 07–10 декабря 2020 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2020. – С. 61-64. – EDN TLPXPZ.
12. Телепова, Н.Н. Особенности проявления субъективного благополучия у молодых людей, склонных к необратимой бодимодификации как виду самоповреждающего поведения / Н.Н. Телепова, М.Н. Телепов // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России, Рязань, 08–09 апреля 2021 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 181-186. – EDN KYUGNW.
13. Чепига, В.Ю. Анализ и определение социального значения татуировки / В.Ю. Чепига // Инновационная парадигма развития современных гуманитарных и общественных наук: сборник статей международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 27 апреля 2020 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – С. 99-102. – EDN KSULCU.
14. Чукуров, А.Ю. «НОМО LEGO»: человек эпохи постгуманизма. Стратегии формирования идентичности в XXI в / А.Ю. Чукуров. – Санкт-Петербург : Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – 340 с. – ISBN 978-5-00188-082-0. – EDN TMOQNT.

© Фесенко Светлана Николаевна (diona-7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ - БЕЗРЕЛИГИОЗНЫЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

THE MORAL ASPECT OF THE PHILOSOPHY OF RELIGION IN RUSSIA AND IN THE WEST IS NON-RELIGIOUS PROTESTANTISM AND THE ORTHODOX TRADITION IN MODERN SOCIETY

**M. Eldin
P. Bolmusov**

Summary: In the XX century the Christian religion is gradually becoming the dominant official cult in almost all European countries. At its core, Christianity was a cosmopolitan force, a non-national confession of faith, but in the end it turned out to be adapted to the national characteristics of certain societies. It is no coincidence that in the early period there were already several national organizations. Analyzing the characteristic features of the Western European idea of humanism, the author notes that the main feature in them is their focus on the individuality of a person, its protection and development. The article also discusses the «Instruction» by Vladimir Monomakh, the work of Joseph Volotsky. The influence of the orientation towards active philanthropy can also be traced in the secular areas of humanistic thought in the first half of the 19th century. The experience of experiencing the facets of the sensual nature of this orientation is presented in the aesthetic humanism of the Russian romantics N.M. Karamzin and V.A. Zhukovsky. An analysis of the main modern challenges to man - the growing role of the masses and the associated threats of totalitarianism, the surge of violence and terrorism, the trend towards the formation of a global political system that suppresses the individual, and the spiritual crisis - shows that in order to effectively counter them, the morality of humanism must combine both historical type of the idea of humanism. To unite them, it is necessary to ensure the unity of their moral requirements.

According to the author, in this case one can speak about the possibility and necessity to consider the spiritual and moral heritage of the leaders of Russian society, and more broadly, of the entire Orthodox humanity as effective arguments for a new impetus for the development of national moral life.

Keywords: religion, tradition, humanism, denomination, Protestantism.

Елдин Михаил Александрович

доктор философских наук, доцент,
Национальный Исследовательский Мордовский
Государственный Университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск
eldin1974@yandex.ru,

Болмусов Павел Алексеевич

аспирант, Национальный Исследовательский
Мордовский Государственный Университет
им. Н.П. Огарева, г. Саранск
pabolmusov436@yandex.ru

Аннотация: В XX вв. христианская религия постепенно становится господствующим официальным культом практически во всех европейских странах. по своей сути христианство было космополитической силой, вненациональным исповеданием веры, но в итоге оказалось приспособленным к национальным особенностям тех или иных обществ. неслучайно в ранний уже период существовало несколько национальных организаций. анализируя характерные особенности западноевропейской идеи гуманизма автор отмечает, что главной чертой в них является направленность на индивидуальность человека, ее защиту и развитие. в статье также рассматривается «Почтение» Владимира Мономаха, работы Иосифа Волоцкого. влияние ориентации на деятельное человеколюбие прослеживается и в светских направлениях гуманистической мысли первой половине XIX в. Опыт переживания граней чувственной природы этой ориентации представлен в эстетическом гуманизме русских романтиков Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского. анализ основных современных вызовов человеку – возрастания роли масс и связанных с этим угроз тоталитаризма, всплеска насилия и терроризма, тенденции к формированию глобальной политической системы, подавляющей личность, и духовного кризиса – показывает, что для эффективного противодействия им, мораль гуманизма должна сочетать в себе оба исторических типа идеи гуманизма. для их объединения необходимо обеспечить единство их нравственных требований.

По мнению автора, можно говорить в этом случае о возможности и необходимости рассматривать духовно-нравственное наследие деятелей российского общества, а шире – и всего православного человечества в качестве действенных аргументов для нового импульса развития отечественной моральной жизни.

Ключевые слова: религия, традиция, гуманизм, конфессия, протестантизм.

В западноевропейской этике идея человека как высшей ценности начала формироваться еще в античности, продолжила свое развитие в средние века и приобрела значительное влияние как основа мировоззрения, начиная с эпохи Возрождения. Она получила свое выражение в ренессансном гуманизме, включая гражданский гуманизм, флорентийский неоплатонизм, северный

гуманизм, скептицизм, в рационалистических гуманистических идеях начала Нового времени, в гуманизме эпохи Просвещения, в этических учениях отдельных ярких мыслителей (Кант, Фейербах), в концепции прав человека, в светском гуманизме, экзистенциализме, постмодернизме.

Большое значение западноевропейской этической

мысли для теоретического осмысления гуманизма заключается во всесторонней проработке в ней вопроса о конкретных основаниях высшей ценности человека. К числу таких оснований были отнесены человеческий разум, свобода (свободная воля) и способность совершенствоваться. Их установление сформировало основной характер нравственных требований, предъявлявшихся западноевропейскими формами гуманизма человеку. Они призывали его стремиться к раскрытию потенциала всего того, что образует его высшую ценность, – к развитию его разума, к освобождению разума и духа от всего, что их подавляет, к самосовершенствованию и самореализации.

Общей чертой западноевропейского форм идеи гуманизма является их направленность на индивидуальность человека, ее защиту и развитие.

3. Идеи человека как высшей ценности всегда была неотъемлемой частью российской этической мысли. Утвердившись с принятием христианства, она проявилась в нравственных поучениях мыслителей Средневековой Руси, в светских направлениях гуманистической мысли XVIII - первой половины XIX вв., в христианских, метафизических и идеалистических учениях о нравственности второй половины XIX – начала XX вв., в неортодоксальной советской этической мысли, в этике русского зарубежья и в современном светском гуманизме.

Значительным вкладом российской этической мысли в теоретическую разработку проблемы гуманизма явился глубокий анализ путей практического воплощения идеи человека как высшей ценности в отношении человека к другим людям. К числу основных рассматривавшихся форм ее выражения на этом уровне были любовь, добродетельность, милосердие, обращенность человека к миру, его нацеленность на благо каждого человека и всего общества (общее благо). Особое внимание уделялось разработке форм ее выражения в системе общественных отношений и мира в целом – соборности, всеединству. Основным содержанием нравственных требований, устанавливавшихся российскими формами гуманизма для человека, была сама идея высшей ценности человека, выступавшая в роли принципа отношения к людям.

Общей чертой российских форм идеи гуманизма является их направленность на установление положительных взаимоотношений людей, на развитие человечества как единого целого.

Основной формой выражения идеи гуманизма в этической мысли Средневековой Руси стало представление о христианской добродетели как принципе, требующем активной заботы о благе другого человека, деятельного человеколюбия. В этой форме она ярко проявляется

в «Поучении» Владимира Мономаха, призывавшего помогать сиротам, вдовам, нищим, странникам, защищать человека от притеснения «сильных», чтить старых «как отца, а молодых, как братьев» и т.д.[1] Деятельное человеколюбие средневековый русский человек рассматривал как основу благочестия: «благочестивым он считал не того, кто проводит время в постах и молитвах, но того, кто добродетелен в жизни» [2].

Непосредственной основой признания высшей ценности человека выступала христианская идея о подобии человека Богу, что нашло яркое отражение в работах Иосифа Волоцкого [3]. Особая значимость придавалась также человеческому разуму (Даниил Заточник). Рассматривалась и проблема совершенствования человека, его ума (Владимир Мономах) и духа (Нил Сорский). Но при этом во всех этих идеях сохраняется присутствие основной гуманистической традиции – ориентации на деятельную заботу о людях.

Со временем эта традиция только укрепляется. Как показывает анализ русских проповедей XVII в. любовь в них предстает не только главной добродетелью христианина, но и основой других его добродетелей. Причем, если в католических проповедях этого периода любовь к ближнему рассматривалась как уважение его интересов, непричинение ему вреда, то в православных проповедях она понималась именно в ее деятельном аспекте, как сострадание, милостыня, бескорыстная помощь [4]. Рассматривая эту особенность русской гуманистической мысли на примере подвижничества, Котельников В.А. называет ее харитативной обращенностью к миру (*χαρις*), любовным служением миру [5].

В XVIII в. направленность на заботу о благе человека прослеживается в формирующихся в русской этике под влиянием Запада светских формах идеи гуманизма (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев). Она выражается в отмечаемом исследователями [6] придании основной значимости морали, в установлении приоритета нравственности (духовности) над разумом.

Влияние ориентации на деятельное человеколюбие прослеживается и в светских направлениях гуманистической мысли первой половине XIX в. Опыт переживания граней чувственной природы этой ориентации представлен в эстетическом гуманизме русских романтиков Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского. Она выражается и в призывах В.Г. Белинского к практической деятельности, как сущности нравственности, в его конкретном гуманизме.

В то же время, не найдя достаточных оснований для деятельного человеколюбия в светских идеях российской гуманистической мысли в поисках его глубинной природы в XIX в. обращается к религиозной и метафизи-

ческой тематике. При этом выделились два основных направления. Первое сосредоточилось на исследовании предельных форм выражения этого принципа. Оно было представлено этикой непротivления злoму Л.Н. Толстого и этикой абсолютного добра Ф.М. Достоевского. Второе направление сконцентрировалось на выявлении особой природы взаимосвязи людей как источника и пространства реализации этого принципа. К нему относится учение о едином христианском человечестве и всеобщем нравственном законе П.Я. Чаадаева и этика соборного добра В.С. Соловьева. Это направление, ставшее особенно популярным, получило свое развитие и в первой половине XX в. (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, С.А. Левицкий, Б.П. Вышеславцев). В этот же период формируется еще одно, третье самостоятельное направление, связанное с исследованием метафизического статуса человека как основы его подлинной морали, нацеленной на заботу о благе людей. Сюда можно отнести эсхатологическую этику творчества Н.А. Бердяева и богочеловеческую этику С.Н. Булгакова.

В советское время в официальной этике произошел отход от российской гуманистической традиции. В 60-х годах вводится понятие социалистического гуманизма как воплотившейся в советском государстве промежуточной стадии между буржуазным гуманизмом и коммунизмом. Рассматривая в качестве идеологии пролетариата, он выражал высшую ценность не человека, а этого класса, поскольку именно этот класс должен был путем борьбы с эксплуататорскими классами привести общество к коммунизму. Идея гуманизма в ее традиционном российском понимании ярко проявилась в неортодоксальной этической мысли. Диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предлагает новое осмысление пространства практической реализации принципа направленности на деятельную заботу о благе человека. Эволюционная этика В.П. Эфроимсона предлагает естественнонаучное обоснование этого этического принципа.

Для этической мысли современной России характерно возрождение интереса к светскому гуманизму (В.А. Кувакин).

Идея гуманизма была одним из основных объектов рассмотрения в этической мысли России, как и на Западе. Отличительной особенностью российской гуманистической традиции, одновременно составившей и ее важнейшее достижение, является осуществленный ею глубокий анализ путей практического воплощения идеи человека как высшей ценности в отношении человека к другим людям. К числу основных рассматривавшихся форм ее выражения на этом уровне были любовь, добродетельность, милосердие, обращенность человека к миру, его нацеленность на благо каждого человека и всего общества (общее благо). Не ограничиваясь уров-

нем анализа индивидуального отношения человека к людям, российская этическая мысль разрабатывает проблему выражения идеи гуманизма на уровне всей системы человеческих взаимоотношений, исследуя такие связанные с ней феномены, как соборность, всеединство. Основным содержанием нравственных требований к человеку, определявшихся российской гуманистической традицией, была сама идея гуманизма, представавшая в роли принципа должного отношения к людям.

Общей чертой российских форм идеи гуманизма является их направленность на взаимоотношения людей, на человечество как единое целое, что позволяет говорить о выраженном в них особом глобалистическом типе этой идеи.

Гуманизм, утверждающий высшую ценность человека, является одной из величайших этических идей человечества, ориентирующих его на развитие, совершенствование. Вместе с тем, он выражен только в форме особого мировоззрения и не образует собственной системы морали. Это лишает его возможности оказывать комплексное влияние на человека и общество и утвердить себя в жизни людей. Чтобы сформировать полноценную мораль, ему необходимо непротivоречиво, последовательно раскрыть содержание своей главной идеи на всех уровнях морали, от морального представления до морального языка.

Главная идея гуманизма – идея человека как высшей ценности – развивалась в западноевропейской и русской этике по двум разным направлениям – индивидуалистическом (на Западе) и глобалистическом (в России), – сформировав два ее особых типа. Индивидуалистический тип идеи гуманизма сосредоточен на осмыслении конкретных оснований высшей ценности человека – его разума, свободы (свободной воли), способности совершенствоваться. Глобалистический тип – на ее практическом выражении в поведении человека (на утверждении необходимости положительного отношения к людям).

Анализ основных современных вызовов человеку – возрастания роли масс и связанных с этим угроз тоталитаризма, всплеска насилия и терроризма, тенденции к формированию глобальной политической системы, подавляющей личность, и духовного кризиса – показывает, что для эффективного противодействия им, мораль гуманизма должна сочетать в себе оба исторических типа идеи гуманизма. Для их объединения необходимо обеспечить единство их нравственных требований. Подобный синтез можно осуществить, допустив, что признание необходимости положительного отношения к людям (требование глобалистического типа идеи гуманизма) каким-то образом способствует развитию человеческого разума, реализации его свободы и способности совершенствоваться (требование индивидуалистического

типа идеи гуманизма).

Возможность реализации этого сценария открывает изучение собственных условий глобального общества и требований, предъявляемых ими к психологическим способностям человека. Оно позволяет сформулировать этическую концепцию гуманизма, как особой модели восприятия людей и отношения к ним, основанной на признании их высшей ценности и способствующей развитию у человека эмпатии и, с ее помощью, культурного интеллекта. Развитие этой, последней способности представляется высшим благом для человека и общества в условиях глобальности, поскольку позволяет человеку эффективно ориентироваться и действовать в них, настраивает его на конструктивные отношения с другими людьми и, тем самым, может способствовать сохранению внутренней стабильности самого глобального общества.

Предлагаемая этическая концепция гуманизма не только объединяет в себе индивидуалистический и глобалистический тип идеи гуманизма, но и позволяет непротиворечиво раскрыть свое содержание на всех необходимых уровнях морали. Тем самым, она представляет собой перспективную основу, прототип морали гуманизма. Указывая возможное направление построения этой морали, она также очерчивает круг задач для дальнейших научных исследований в этом направлении. К ним следует отнести, прежде всего, детальную теоретическую разработку содержания всех необходимых структурных уровней морали гуманизма, а также междисциплинарные исследования на стыке этики, нейробиологии, социальной и когнитивной психологии вопросов о взаимосвязи гуманизма, эмпатии и культурного интеллекта.

В заключение необходимо отметить, что для окончательных выводов о возможности создания системы морали гуманизма на основе предложенной автором концепции необходимо проведение дополнительных научных исследований по указанным направлениям. Тем не менее, полученные в ходе диссертационного исследования результаты позволяют с некоторой долей уверенности говорить о том, что такая перспектива существует.

Первое, о чем следует упомянуть – это проблема оптимизации общего (в том числе, историко-философского, общепсихологического, общегуманитарного, культурологического) контекста как типа знания и частного, специального конкретного исследуемого материала (например, искусствоведческого, политологического и так далее). И, как следствие, здесь встает вопрос о локализации включаемого в окончательный текст соответствующего материала. Веками люди обращались к религии, жили ею. Столетиями складывалось религиозное созна-

ние, основанное на отстоявшейся мудрости поколений, явленной прежде всего в слове. С разных точек зрения можно истолковать великие книги бытия, пришедшие к нам из глубины тысячелетий, однако живучесть и бессмертие этих книг говорят, прежде всего, о бессмертии народной мудрости, жизненной высокой философии, нравственных основ бытия. Это не просто культурное явление. Это сама сердцевина культуры, сердцевина мира, ибо затрагивает вопросы жизни и смерти, судьбы человека.

Реформы Петра I затронули практически все сферы общественной жизни, в том числе и религиозную. Основным содержанием большинства преобразований было укрепление и возвышение государства, усиление крепостного гнета интересам которого тогда, как и в древнем Риме, было подчинено все в народе и конкретной личности. Предпринимались попытки изменить сам нравственный идеал общества, где основным принципом является «естественный закон» (*jus naturale*)- и его задача общее благо поданных. Христианская доминанта «Ищите же прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. VI, 33) оказалась отброшенной. Если сравнивать нечто подобное с римской аналогией, то можно обнаружить некое сходство петровских преобразований с иконоборческой эпохой, когда интересам империи было подчинено все.

Дискредитация авторитета духовной власти достигалась уничижительными пародиями на иерархию Русской церкви: Петром I был учрежден «Всешутейший сумасброднейший и всепьянейший собор князя Иоанникия, патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кукуя» с конклавом из 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор [1, с. 86]. Ситуация в Русской церкви осложнилась настолько, что за первое десятилетие после ликвидации патриаршества большая часть епископата побывала в тюрьмах, была расстригаема, бита кнутом, чего не наблюдалось даже в истории константинопольской церкви в эпоху турецких завоеваний. По словам Г.В. Флоровского, «В системе петровских преобразований церковная реформа не была случайным эпизодом... В общей экономике эпохи эта реформа была вряд ли не самой последовательной и принципиальной. Это был властный и резкий опыт государственной секуляризации» [1, с. 82].

И если петровская реформа вестернизации действительно оказала влияние, прежде всего, на дворянскую элиту и культурный климат в стране, то далеко идущие последствия усиления секуляризации церкви при Екатерине II и закрепощение крестьян, имели для истории общественной жизни России характер фрагментирующего импульса.

В моменты значительных потрясений и переломов, периодически возникающих в процессе развития любо-

го общества и связанных с существенными деформациями условий и образа жизни людей, внезапно образующимся вакуумом ценностей, изменением материальных показателей, неясностью жизненных перспектив и неизбежным обострением противоречий, экстремизм становится одной из трудно изживаемых и наиболее опасных характеристик общественного бытия.

Сегодня редкая российская семья не сталкивалась с этой информацией. Многие могли прочувствовать это на примере своих близких, попавших в сети улыбочивых эмиссаров, предлагающих счастье. Общеизвестно, что в России насчитывается около 5000 организаций нетрадиционной культовой направленности, в которых состоит около 2,5 млн. чел., в то время как в США их 3000, а в Германии – 700.

Лидеры сектантских организаций пользуются психологической и духовной неустойчивостью, неопытностью прежде всего молодых людей, стремясь к незаконному обогащению и незаконной власти. Участникам встречи были даны практические рекомендации по разрешению таких ситуаций; указано куда и к кому следует обратиться за помощью. Это тоже является острой проблемой, т. к. специалистов, которые профессионально занимаются возвращением адептов тоталитарных сект к нормальной жизни в республике крайне мало.

Несмотря на локальный характер, обсуждение, состоявшееся в рамках деятельности просветительских организаций среди россиян является весьма показательным проявлением таких социокультурных и этноконфессиональных процессов, как растущее общественное недовольство прозелитической деятельностью сектантских религиозных течений, межкультурный диалог православного христианства и ислама, социальное партнерство государственных структур с традиционными конфессиями, которые интенсивно развиваются в России со второй половины 1990-х гг.

На сегодняшний день конфессиональная и национальная нетерпимость в нашем отечестве усиливается. Среди молодого поколения 16-17летних она более чем в 2-3 раза выше, чем у старших поколений. Сейчас стало модным повторять «А в США дело обстоит так»- такой и подобные этому парадигмальные определения в не подходят в принципе, поскольку у нас свои культурные традиции и свои судьбы, если мы не желаем превратить свою страну в новый штат США. Мировые стандарты- положительное явление, но лишь до того предела, когда они становятся разрушительными для национальной культуры и не изгоняют сограждан на чужбину. И лишь реальное отношение к возможностям дальнейшего развития российского общества может быть критерием для осознания сложившейся религиозной ситуации.

Социологами проводилось исследование, социологический опрос, анкетирование населения разных возрастов с целью выявления знания тоталитарных и восточных культов, а также христианских движений. Большинство респондентов высказались однозначно за то, чтобы в срочном порядке были предприняты меры на государственном уровне по закрытию всех тоталитарных и даже протестантских религиозных общин. Мотивировано такое настроение опрошенных, прежде всего тем, что они не однократно уже попадали под «обработку» различных сект. Все религиозные культы чувствуют себя хозяевами и считают своим святым долгом обращать население России в своих последователей. Эта ситуация ставит Россиян в положение непросвещённых людей и нам необходимо противопоставить этому определённые поправки в законе Российской Федерации. Пока не будет официального разрешения для преподавания Основ Православной культуры или этики в общеобразовательных школах сектантские движения по-прежнему будут разрастаться, и иметь колоссальный успех в деле своей миссии.

Безусловно, государственная религия в такой поликонфессиональной стране как Россия неприемлема. А вот какие традиции религий в России отделять и каким образом их признавать в качестве традиционных для российского общества вопрос сложный. Необходимо учитывать то обстоятельство, какое место занимает в истории отечественной культуры и не провозглашать религией любое объединение, которое апеллирует к Богу. Аналогично можно сказать про атеизм, который скорее не религия, а антирелигия.

Главное в обеспечении равенства социальных и культурных традиций религий российских народов- подъем общенациональной культуры. Здесь нельзя ограничиваться совершенствованием правовой культуры, как часто нам пытаются это представить обществу. Сейчас много споров о том, как проводить практику воспитания новых поколений и особенно о преподавании религии в школе.

Безусловно, каждый гражданин имеет право верить во что желает. Однако это не означает, что богатые должны скупать все и вся в области культуры и заниматься прозелитизмом. Есть понятие государственного протекционизма в том числе и в странах, где православие имеет важнейшее присутствие в истории общества Греция, Кипр, отчасти Финляндия. Он осуществляется не только в религиозной сфере жизнедеятельности общества, но и в экономике и в политической практике. Особенно интересен в этом плане опыт Греции, где православное население составляет 80 %. Речь идет не о навязывании какой-либо веры, но о многосторонней поддержке традиции олицетворяющей национальную культуру России.

Усложнение общественного сознания и социальных институтов, связанное также с усложнением религиозного сознания и культовой деятельности, привело к тому, что последние уже не могут функционировать в рамках прежних синтетических отношений и институтов. Постепенно вместе с самоопределением других надстроечных систем происходит самоопределение религиозной системы. Этот процесс связан с конституированием религиозных отношений.

В развитой форме религиозные организации представляют собой сложный социальный институт. Внутренняя структура такого института представляет собой организационно оформленное взаимодействие различных систем, функционирование каждой из которых связано с формированием социальных организаций, также имеющих статус социальных институтов. В частности, на уровне церкви уже четко разделяются управляющая и

управляемая подсистемы. Первая подсистема включает в себя группу людей, занимающихся выработкой и переработкой социальных ценностей.

Верить, жить по вере, свидетельствовать о вере – таковы основные обязанности религиозного человека. Отмеченная особенность религиозной веры продолжала свое бытие как в общероссийской, так и в русской традиции духовных деятелей. Согласно российской духовной традиции, имеющей своими истоками в наследие древней Руси, трезвение – необходимое условие доброкачественной общественной жизни. Правомочно говорить в этом случае о возможности и необходимости рассматривать духовно-нравственное наследие деятелей российского общества, а шире – и всего православного человечества в качестве действенных аргументов для нового импульса развития отечественной моральной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. В 4-х т. М.: «Мысль», 1969. Т. 1 (2). С. 700.
2. Замалева А.Ф. Философская мысль в Средневековой Руси (XI-XVI вв.). Л.: «Наука», 1987.
3. Иосиф Волоцкий Провосветитель. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 68.
4. Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М.: ИФРАН, 1999. С. 153.
5. Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М.: Прогресс-плекса, 2002. С. 54-55.
6. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С.93.
7. Флоровский Г.В. Пути русского богословия.- Вильнюс.: Тип. «Вильтис», 1991.- 602 с.
8. Бродель Фернан. Время мира. Материальная экономика и капитализм, XV- XVIII вв. том 3. Пер с фр. Л.Е. Куббеля.- М.: Прогресс, 1992. - 679с., с.477.
9. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Республика, 1995. С. 239.
10. Столович Л.Н. Философия. Эстетика. Смех.- СПб.: Тарту., 1999.- 384 с.С. 93
11. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры./ Пер. с греч.- М.: Лодья, 1998.- С.285-286.
12. Шердаков В.Н. Иллюзии добра: Моральные ценности и религиозная вера.- М.: Политиздат, 1982.-С. 174-175.
13. Юнг К.Г. Божественный ребенок: аналитическая психология и воспитание/Сб.-М.: Олимп, 1997.- С. 191.

© Елдин Михаил Александрович (eldin1974@yandex.ru), Болмусов Павел Алексеевич (pabolmusov436@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧИМОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

IMPORTANCE OF ECOLOGICAL ETHICS IN SHAPING THE IDENTITY OF STUDENTS IN GERMAN LANGUAGE CLASSES

V. Kalinina

Summary: The article is devoted to the analysis of the content of ecological ethics, which affects the formation of the personality of students thanks to the classes of the German language. The moral significance of ecological ethics is shown. In addition, the relationship between ecological ethics and the German language as a teaching discipline is stated.

Keywords: ecological ethics, personality formation, German language.

Калинина Виктория Олеговна

Преподаватель, Пензенский государственный аграрный университет
kalinina.v.o@pgau.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу содержания экологической этики, которая влияет на формирование личности студентов благодаря занятиям немецким языком. Показывается нравственная значимость экологической этики. Кроме того, констатируется взаимосвязь экологической этики и немецкого языка как учебной дисциплины.

Ключевые слова: экологическая этика, формирование личности, немецкий язык.

В 21 веке – веке глобального развития IT-технологий, а также веке, стирающем интернациональные границы – актуальной остается проблема экологии, а точнее отношения к ней. Давно доказано, что антропоцентрический подход в экологической этике потерял свое значение. Потребительское отношение к природе привело человечество к глобальным экологическим кризисам, причинами которого являются, по нашему мнению, недостаточное обращение внимания на экологическое обучение на занятиях не только профильного направления, но и таких предметах как иностранный язык. Именно этот предмет позволяет нам сравнить уровень развития экологического воспитания в других странах, например в Германии.

В настоящее время экологическое воспитание занимает значимое место в учебном процессе, практически, каждого предмета. Не удивительно, что в содержание тематического планирования внесены экологические темы, направленные на гармоничное развитие личности, на осознанное отношение к природе, ее сохранению, а также на рациональное использование природных ресурсов.

Неудивительно, что потребительское отношение человека к природе может привести к необратимым процессам. В современном мире стали об этом задумываться, поэтому сейчас СМИ прогрессивно освещают эту тему. К чему же может привести такое иррациональное поведение человека?

Химическое загрязнение среды может привести, как утверждают экологи, к повышению температуры на Земле. Кроме этого, загрязнение Мирового океана в на-

стоящее время тревожит все человечество, которое и является виновником этого происшествия. И еще один важный момент, который ощущают на себе абсолютно все, это изменение климата, к чему человек тоже приложил свои усилия.

Исходя из всего вышеизложенного, мы пришли к выводу, что экологическая этика, как никакая другая наука может поспособствовать воспитать в человеке этические принципы отношения к природе. В данной статье мы хотим доказать, что такая дисциплина, как иностранный язык, в частности, немецкий, имеет большой потенциал для формирования экоэтических норм студентов.

Стоит отметить тот факт, что «вторым основателем или вторым отцом» экологической этики по праву считается выдающийся немецкий мыслитель А. Швейцер [8].

Многие мыслители-исследователи в сфере экоэтического направления рассматривают «благоговение перед жизнью» как принцип современной экологической этики. Так в своей статье С.С. Горбунов обращает наше внимание на данный принцип А. Швейцера, который является «основой отношения общества к окружающей его природной среде и в частности для таких видов человеческой деятельности, как природопользование и охрана окружающей среды» [3, С. 113].

Экологическая культура будущего специалиста во многом зависит от умения индивида к интеграции знаний, умений и навыков экологической этики, которая является синтезом теории и практики. Несмотря на огромный вклад СМИ, государства в развитии экологического направления, требуется непрерывное экологическое

образование с целью формирования и развития гармоничной личности [1].

Иностранный язык, по праву, имеет большое педагогическое влияние на формирование экологических и этических принципов обучающихся. Речь идет не только о школьном образовании, но и о средне-специальном и высшем образованиях, на протяжении которых продолжается изучение иностранного языка.

В процессе формирования личностного роста студентов с точки зрения экологии должны решаться следующие задачи:

- создание реальных экологических представлений (в данной ситуации ученик самостоятельно обдумывает все возможные взаимосвязи между человеком и природой, а также принимает во внимание необходимые меры рационального использования природных ресурсов);
- формирование бережного отношения к окружающей среде (ученик определяет те правила, которым необходимо подчиняться в соответствии с экологической целесообразностью);
- формирование системы экологических умений и навыков (ученик должен определять необходимые навыки для сохранения природы, а также исключить все варианты нанесения ей вреда).

Экологическое воспитание в процессе изучения иностранного языка может быть эффективным при реализации следующих педагогических условий:

- учет возрастных особенностей обучающихся при организации экологического воспитания на занятиях иностранного языка;
- дидактически обоснованный выбор учебного материала;
- креативность, активность и творческий подход к использованию зарубежных учебно-методических комплексов и методик наряду с традиционными учебниками по иностранному языку;
- становление экологической воспитанности обучающихся через использование технологии формирования коммуникативной и интеллектуальной деятельности;
- объединение урочной и внеурочной деятельности в процессе изучения иностранного языка [8].

Таким образом, иностранный язык обладает всеми

компетенциями для развития этических и экологических норм поведения индивида. Почему немецкий язык как никакой другой язык в этом плане актуален? Начнем с того, что Германия эта та страна, которая одна из первых на законодательном уровне внесла поправки в закон о сохранности природных ресурсов. Именно эта страна тратит миллионы федеральных средств на защиту животных.

Проанализировав учебные пособия по немецкому языку на разных уровнях образования, мы пришли к выводу, что содержание всех тем наполнено экологическими проблемами. Тексты об экологическом кризисе и способах его разрешения, о животных и растительном мире, об элементарной (для немцев) сортировке мусора воспитывают в личности такие качества как бережливость, отзывчивость, гуманность. Всем известен тот факт, что немцы бережливо относятся к электричеству, воде, понимая, что природные ресурсы исчерпаемые [5]. Именно под влиянием содержания учебного материала происходит формирование экологического воспитания, а вместе с ним вырабатываются этические нормы. Происходит сравнительный анализ правильности своего поведения и отношения к природе. Кроме того, тексты такой направленности показывают практические приемы и методы рационального использования природных ресурсов. Особое значение в данной учебной дисциплине имеет страноведение, которое показывает особенности культуры, образования, экономики, а также нравы людей страны изучаемого языка [4].

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что немецкий язык как учебная дисциплина пронизан элементами экологической этики. Ведь именно экологическая этика является главным критерием во взаимоотношениях человека с природой, именно она является определяющей мерой человеческой и природной гармонии, которая в свою очередь является связующим звеном в социальных отношениях между людьми, их интересами, требованиями. Соблюдение ценностных ориентаций экологической этики формирует экологическую культуру, о которой в настоящее время ведется так много разговоров. Государство, СМИ так часто просвещают нас значимость экологической культуры, так как она играет важную роль в контексте человек-природа [2].

Немецкий язык в содружестве с экологической этикой вполне способен стать тем значимым элементом цепи в воспитании экологической культуры общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагарин А.В. Профессионально-экологическая культура будущего специалиста: особенности ее проявления и развития в условиях экологоориентированной деятельности // Акмеология. 2010. № 4. С. 28–33.
2. Гагарин А.В., Фокин А.И. Экологоориентированное мировоззрение личности как акмеологический феномен // Вестник Международной академии наук

- (Русская секция). 2010. № 51. С. 76–78.
3. Горбунов С.С. Благоговение перед жизнью А. Швейцера как принцип современной экологической этики Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 113-117
 4. Забурдаева Т.И. Роль учебно-методических пособий по немецкому языку в воспитании экологической культуры /Т.И. Забурдаева // Актуальные вопросы совершенствования учебно-воспитательного процесса в современных условиях: Межвузовский сборник научных статей. - Москва - Чебоксары: ЧТУ, 2004. - С.23-25.
 5. Забурдаева Т.И. Специфика экологического воспитания на уроках немецкого языка как родного в Германии /Т.И. Забурдаева // Актуальные вопросы совершенствования учебно-воспитательного процесса в современных условиях: Межвузовский сборник научных статей. - Москва - Чебоксары: Изд. ЧТУ, 2004. - С.21-23.
 6. Мудрак С. Развитие отношения человека к природе (о субъективации и субъектификации) //Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Социальноэкологические технологии. 2013. № 1. С. 36–40.
 7. Фетисова А.С. Психолого-акмеологические факторы потребительского отношения личности к природной среде // Акмеология. – 2012 – № 3 (Спец. выпуск) – с. 137–140.
 8. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанского // Благоговение перед жизнью / общ. ред. А.А. Гусейнова, М.Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992. С. 83-243.

© Калинина Виктория Олеговна (kalinina.v.o@pgau.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный аграрный университет

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ АТЕИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX В.

CULTURAL CRISIS THROUGH THE
PRISM OF ATHEISTIC CONSCIOUSNESS
PROBLEM IN THE RUSSIAN RELIGIOUS
PHILOSOPHY OF THE LATE
XIX-EARLY XX CENTURIES

*M. Kovaleva
A. Telegin*

Summary: In this article the author considers specifics of comprehension of crisis phenomena of culture in Russian religious philosophy of the turn of XIX-XX centuries. A distinctive feature of Russian philosophy of this period was the integration of cultural and religious ideas and concepts. The author states that in Russian religious philosophy the problem of culture was conceived in the context of the crisis of religious (Christian) consciousness. In this connection the question about the causes and essence of the crisis of culture was revealed by Russian thinkers through the prism of the problem of atheistic consciousness. Ways to transform as representatives of this trend saw differently: some ways to based on strengthening the undermined ties with Christianity, others relied on the achievements of scientific progress, others counted on the arrival of the revolution, which was to melt the previous worldview ideas in the new building material for future cultural construction.

Keywords: christianity, atheism, cultural crisis, Russian religious philosophy, Christian consciousness, atheistic consciousness.

Ковалева Марина Валерьевна

*к.ф.н., Курская академия государственной и
муниципальной службы
kmtv-46@yandex.ru*

Телегин Александр Александрович

*к.ф.н., Курский государственный университет
taa78@mail.ru*

Аннотация: В данной статье автор рассматривает специфику осмысления кризисных явлений культуры в русской религиозной философии рубежа XIX-XX в. Отличительной чертой русской философии данного периода являлась интеграция в ней культурных и религиозных идей и концептов. Автор констатирует, что в русской религиозной философии проблема культура мыслилась в контексте кризиса религиозного (христианского) сознания, в связи с чем, вопрос о причинах и сущности кризиса культуры раскрывался русскими мыслителями сквозь призму проблемы атеистического сознания. Способы преобразования виделись представителями данного направления по-разному: одни способы основывались на укреплении подорванных связей с христианством, другие опирались на достижения научного прогресса, третьи рассчитывали на приход революции, которая должна была переплавить предшествующие мировоззренческие идеи в новый строительный материал для будущих культурных конструкций.

Ключевые слова: христианство, атеизм, кризис культуры, русская религиозная философия, христианское сознание, атеистическое сознание.

Рубеж XIX-XX вв., отмеченный трагическими политическими и культурными событиями, породил такой уникальный феномен в мировой философской мысли, как русская религиозная философия, для которой характерна широта охвата философских и культурных проблем, тесная взаимосвязь с русской национальной моделью христианства и глубокая этичность. Русские философы предсказывали грядущие в судьбе европейской цивилизации катаклизмы и стремились найти путь, сохранявший культуру, которую необходимо было преобразовать, чтобы спасти от гибели.

Способы преобразования виделись мыслителями по-разному: одни способы основывались на укреплении подорванных связей с христианством, другие опирались на достижения научного прогресса, третьи рассчитывали на приход революции, которая должна была переплавить предшествующие мировоззренческие идеи в новый строительный материал для будущих культурных конструкций.

П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет писали о неизбежности разрушения «старого мира» и стремились выявить границы «мира нового» [7, с. 156]. Впоследствии это направление философствования оказало большое влияние на всю русскую философию, в связи с чем, изучение и систематизация данного наследия является актуальной задачей.

Отличительной чертой русской философии данного периода являлась слитость в ней культурных и религиозных идей и понятий: христианство мыслилось, как фундаментальное основание европейской и русской культуры, и ее кризис, соответственно, свидетельствовал, прежде всего, о кризисе сознания, связанного с процессами секуляризации [5, с. 134]. Закономерным продолжением стало обращение к важнейшей для русских мыслителей проблеме веры и неверия.

Критический подход к феномену атеизма получил вы-

ражение в ряде концепций, в которых происходит отход от «пассивного» понимания атеизма, как результата воздействия некой злой воли на человека и рассмотрение его, как внутреннего качества самой религии, проявившегося как симптом болезни обмирщения христианства.

Будучи ярким представителем русской религиозной философии, Н.А. Бердяев в своих философских размышлениях никогда окончательно не порывал с христианством. Для европейской общественности и в кругу русской интеллигенции Н.А. Бердяев стал носителем «русской идеи», которую сам определял, как идею эсхатологическую, и в тоже время направленную на поиск всеобщего спасения [2, с. 160].

«Новое средневековье» – одно из наиболее известных и вместе с тем, парадоксальных сочинений Н.А. Бердяева. Труд, изданный в 1924 г. как результат размышлений «последних полутора лет», представляет собой попытку осмыслить логику развития европейских событий, рассмотреть их в контексте ещё не окончательно утраченного самосознания культуры и надежды на «ритмичность» и осмысленность культурно-исторического процесса [1, с. 405]. В данном труде в развёрнутом виде представлена оригинальная версия теории культурных циклов, сформулированная Н.А. Бердяевым.

Социальные и экономические реформы радикального характера, произошедшие в России и Европе, Н.А. Бердяев ощущал как падение мира, полагая, что попытки построить на его основе благополучное идеальное общество обречены на неудачу.

Задача строения нового общества и его порядков, по мнению Н.А. Бердяева, должна пониматься в единстве всего космического хозяйства и мироустройства. Впоследствии его эсхатологические воззрения претерпят некоторые изменения – он отказывается от понимания Судного дня как конечности всякого бытия, а расценивает его как время выбора, когда от человека зависит возможность претворить идею всеобщего спасения [6, с. 10].

Н.А. Бердяев называл свое мировоззрение антропоцентризмом. Но понимал это не как вознесение человека над природой, а поставление человека в центр Вселенной, как её духовного сосредоточения и главного предмета философского осмысления. Разработанная в «Новом средневековье» теория культурных циклов дифференцирует эпохи на «дневные» и «ночные», которые условно соотносятся с философскими понятиями бытия и небытия, и позволяет выделить амбивалентность развития современного философу христианства.

«Новое средневековье» – это ночная эпоха, способная обеспечить рост как деструктивных духовных явлений (фанатичное деградирующее христианство и

неофеодальное «разваливающееся» государство), так и положительных аспектов (свободное сообщество свободных личностей).

При этом небытие относительно, оно не является противоположностью абсолютному бытию, как равное основание мира. Поскольку Н.А. Бердяев отрицает подлинное существование небытия, и рассматривает его как противоестественное искажение бытия, то в мире, где нет ничего кроме Бога и совершаемого им процесса творения, небытие также предстает как результат творения, но это путь творения.

Таким образом, зло – это результат свободного выбора мировой душой своего собственного пути. Но люди, свободно выбрав зло, сразу же свободу утратили, поскольку оказались под властью внешней необходимости. Свобода изначально присуща всему тварному бытию. Только свободной любовью к Богу и миру человек может достичь совершенства и слиться с абсолютным бытием. Каждый человек располагает возможностью свободным усилием духа воплотить божественную гармонию.

Таким образом, человек свободен более всего тогда, когда он соединен с Богом. Рассматривая историю человечества, Н.А. Бердяев видит ее исходной точкой отсчета отрыв мировой души от Бога. Смысл истории состоит в искуплении греха и возвращении творения к Богу, вытеснении зла и свободном слиянии творения с абсолютным бытием.

При этом христианство выполняет функцию «рамки», «границ» того должного, которое предоставляет место свободе через самоограничение; тогда как язычество есть стихийный произвол самоманифестации человека: «Метаистория», выражающая себя в грядущей «тьме Средневековья» и «хаосе», им порожденным, сопряжена с проблемой человека и его способностью к свободе и созиданию, как осмысленной самоорганизации [1, с. 418].

«Новое Средневековье» Бердяева интересно, прежде всего, уникальным синтезом концепции культурно-исторических циклов, развиваемых такими авторами, как А. Тойнби, О. Шпенглер, и философско-религиозных концептов христианства, которые, одновременно, выступают критерием дифференциации одного цикла от другого.

Проблемы, связанные предельными основами человеческого бытия и духовными основаниями культуры, волновали всех русских философов и писателей, однако у Л. Шестова они обретают характер экзальтированный и возвышенный, и поэтому его стиль философствования принято обозначать «экзистенциальным иррационализмом». Вопросы, связанные с верой и неверием, более

всего интересовали Л. Шестова в период его увлечения с философией С. Кьеркегора. С одной стороны, Л. Шестов выступает как интерпретатор идей датского философа, а с другой – можно видеть определенные различия во взглядах этих мыслителей [4, с. 106].

В С. Кьеркегоре Л. Шестов видел своего единомышленника, сражавшегося с рационалистической тенденцией в философии и религии. Обоих философов объединяет восприятие веры, лежащее по ту сторону ее рационалистических объяснений и конфессиональных толкований.

Вера, по Л. Шестову, – это путь от необходимости к свободе. Повторяя за Кьеркегором, Л. Шестов говорит: «Вера, только вера освобождает от греха человека: вера, только вера может вырвать человека из власти необходимых истин, которые овладели его сознанием после того, как он отведал плодов с запретного дерева. И только вера дает человеку мужество и силы, чтобы глядеть в глаза смерти и безумию и не склоняться безвольно пред ними» [9, с. 20].

Для Л. Шестова также, вера – это, в первую очередь, право верить, отсутствие которого и порождает отсутствие веры. Именно этому пониманию атеизма, как отсутствия права верить, посвящено сочинение Л. Шестова «Добро у гр. Толстого и Ницше».

По мысли Л. Шестова, атеизм Ф. Ницше – это попытки отыскания права верить. По мнению философа, неверие Ф. Ницше есть реакция на безуспешные попытки обрести веру. При этом, если «он ее не нашел, то, стало быть, условия таковы, что ему и найти ее нельзя было» [8].

Осмысление проблемы веры и неверия в рамках философского наследия С.Н. Булгакова представляет особый интерес, поскольку религиозные ориентиры, принятые философом еще в детстве, в дальнейшем не прошли проверку рационализмом и привели к его отрицанию религиозной веры. Вместе с тем, как отмечает С. Н. Булгаков, характер его неверия в данный период также отмечен своеобразной религиозностью, под которыми он понимает веру в прогресс. Атеизм С.Н. Булгаков рассматривает, как один из внутренних аспектов веры, исходно присущий сомневающемуся человеческому разуму, тогда как подлинным неверием является формальное исполнение предписаний [3, с. 32].

Таким образом, в русской религиозной философии начала XX в. атеистическое сознание представляет собой вторую сторону христианского сознания, понимаемого в принципах диалектики. Атеизм и неверие выступают, с одной стороны, своеобразной движущей силой, побуждающей к более глубокому осмыслению истин христианства, а с другой стороны, как неявный враж-

дебный элемент, до поры скрытый в недрах веры, но способный проявиться в условиях секуляризации общественного сознания.

Необходимо отметить, что в русской философии само понятие атеизма трактуется принципиально иначе, чем в европейской философии. Если для европейских философов атеизм есть цельное явление, основанное на принципах чистой рациональности, и соприкасающееся с верой только в том отношении, в котором он ее отвергает, то в философии русских мыслителей выделяется несколько форм, или стадий неверия, которое, однако, даже в своем пределе никогда не отрывается от веры.

Можно утверждать, что атеизм в русской религиозной философии – это своеобразный «упрек» Богу в невозможности ясно осмыслить его сущность, другими словами, атеизм в понимании русских философов принципиально не существует вне религии, а представляет ее часть.

Таким образом, обращение к проблеме атеистического сознания было общей реакцией передовой литературно-философской интеллигенции на сложные и трагические события начала века, спровоцировавших поиск новых духовных основ дальнейшего существования культуры.

Общим для воззрений таких философов, как В.В. Розанов, Л. Шестов, С.Н. Булгаков и др., является то, что в своих попытках критически осмыслить антиномию веры и неверия, они, фактически, никогда не покидали пределы религиозного сознания. Атеизм являлся для них не столько образом мышления, сколько инструментом, использующимся для «проверки» христианства сомнением, иронией, неизвестностью.

Также можно отметить трагическое, а порой и экзальтированное переживание русскими философами сомнений в вере, что обусловлено глубоко личным переживанием ими проблемы религии, мыслящейся духовной основой жизни.

Отличительной чертой критического осмысления атеистического сознания в русской философии является то, что атеизм мыслится как явление, укорененное в самой вере, а, следовательно, невозможное и несуществующее за ее пределами.

Специфика осмысления проблемы неверия в русской философии во многом обусловлена тесной слитостью в русской традиции культурных, философских и религиозных идей, вследствие чего, атеизм в его европейском понимании в рамках русской философии невозможен и представляет собой только аспект диалектического единства веры, а кризис культуры мыслится, как кризис религиозного (христианского) сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье / Н.А. Бердяев // Философия творчества, культуры и искусства: Т. 1. – М., 1994. – 544 с.
2. Ермишин О.Т. О философии русской эмиграции: проблемы, методы, перспективы изучения / О.Т. Ермишин // Вестник христианской гуманитарной академии. – 2008 – № 2. – С. 153-165.
3. Булгаков С.Н. Автобиографические заметки / С.Н. Булгаков – Париж: YMCA Press, 1991. – 166 с.
4. Гирицкий А.А. О различии в антропологических взглядах Л. Шестова и С. Кьеркегора / А.А. Гирицкий // Человек. – 2017. – № 6. – С. 104-112.
5. Евлампиев И.И. Русская философия в европейском контексте / И.И. Евлампиев – Санкт-Петербург: РХГА, 2017. – 468 с.
6. Корнилов С.В. Философия русского зарубежья: развитие понятийного аппарата / С.В. Корнилов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2009. – № 6. – С. 5-12.
7. Порус В. Феномен «Советской философии» / В. Порус // Высшее образование в России. – 2006. – № 11. – С. 154-166.
8. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше / Л. Шестов [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/shestov/dobro.html> (дата обращения: 28.02.2022).
9. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне) / Л. Шестов – М.: Прогресс, 1992. – 304 с.

© Ковалева Марина Валерьевна (kmv-46@yandex.ru), Телегин Александр Александрович (taa78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Курская академия государственной и муниципальной службы

ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ

Королева-Конопляная Галина Иосифовна*доктор политических наук, профессор
Московский экономический институт, г. Москва
koroleva-1944@mail.ru*

PROBLEMS OF TRUTH IN PHILOSOPHY

G. Koroleva- Konoplyanaya

Summary: The problem of the search for truth continues to be relevant for each of the sciences, individuals and within the framework of philosophy. The ambiguity of the concept of truth and the variety of approaches make it necessary to study the problem of truth in philosophy, both in its historical and ontological aspects.

The article discusses the main approaches to the essence of truth and the problems arising in its comprehension. An attempt is made to show that the most significant are the recognition of not only the objective, but also the subjective nature of truth in philosophy. Special importance is attached to existential truth, which most shows the immanence of truth, the complexity in its transmission and personal character. The article also emphasizes the importance of understanding the truth not only as a reflection of objectively existing reality, but as a creative act of cognition, which creates a new reality of a subjective nature.

Keywords: truth, the concept of truth, theories of truth, objective cognition, existential experience.

Аннотация: Проблема поиска истины продолжает оставаться актуальной для каждой из наук, отдельных людей и в рамках философии. Многозначность самого понятия истины и многообразие подходов делают необходимым изучение проблемы истины в философии, как в её историческом, так и онтологическом аспекте.

В статье рассматриваются основные подходы к сущности истины и проблемам, возникающим при её постижении. Предпринимается попытка показать, что наиболее значимым является признание не только объективного, но и субъективного характера истины в философии. Особое значение при этом придаётся экзистенциальной истине, которая в наибольшей степени показывает имманентность истины, сложность в её передаче и личностный характер. Также в статье подчёркивается важность понимания истины не только как отражения объективно существующей реальности, но как творческого акта познания, которым создаётся новая реальность, пускай и носящая субъективный характер.

Ключевые слова: истина, понятие истины, теории истины, объективное познание, экзистенциальный опыт.

Понятие истины является центральным для всех наук, как гуманитарных, так и естественно-научных. Одновременно с этим сохраняется сложность в определении истины как философского понятия. Утверждение об истинности некоего знания продолжает быть тесно связано с представлением о его объективности, то есть соответствия определённой реальности. Однако в философии невозможно отрицать значимость личностного момента в раскрытии истины, что приводит нас к необходимости учитывать возможность существования её субъективных аспектов.

Философское знание, в отличие от частных наук, не может восприниматься как нечто обязательное и всеобщее. Истину в философии невозможно свести лишь к отражению материальной реальности. Ведь каждый из мыслителей является не только исследователем истины, но и в определённом смысле её творцом. Соответственно, целью данной работы является попытка рассмотрения проблемы поиска истины в философии, отражающего не только объективный, но и субъективный характер истинности философского знания.

Начиная с Античности, возможно говорить о выявлении проблем в возможности достижения объективной истины. В рамках софистического подхода фактически была выявлена взаимосвязь между истиной и теми целями, которые стоят перед познающим субъектом. Такой подход, однако, подвергся критике, наиболее остро в

рамках философии Сократа, который стремился придать объективный характер не только знаниям о материи, но и ценностным идеалам.

Античные мыслители также задались вопросом о том, что в принципе можно считать истиной, достойной того, чтобы её познавать. При этом эмпирически познаваемая реальность не всегда соотносилась с истиной. По мнению Платона, объективным характером могла обладать истина, которая относилась к миру идей (эйдосов), а материальный мир являлся лишь несовершенным отражением этой высшей реальности [4, с. 198]. Такой подход подвергся критике со стороны Аристотеля, который считал возможным говорить об истине именно при познании материального мира. При этом случайное знание Аристотель считал необходимым отличать от эпистемологического, позволяющего выявить общие закономерности в отдельных объектах познания. Именно к философии Аристотеля можно отнести стремление отождествить онтологическое и гносеологическое содержание истины [12, с. 48].

Можно говорить о зарождении в античную эпоху и конвенциональной теории истины. Представители стоической философии делали акцент на необходимости совпадения собственного знания с позицией иных людей. В рамках философии скептицизма было сформулировано мнение о принципиальной невозможности познания объективной истины.

Представление об истине всегда носило социально обусловленный характер, могло быть тесно связано с господствующими в обществе религиозными представлениями. Для средневековой схоластики было характерно наряду с разумом и эмпирическим опытом опираться при поиске истины на божественное откровение. Фома Аквинский утверждал, что истинное и ложное существует не в вещах, а в разуме, что каждая вещь может быть названа истинной соразмерно соразмерно ее отношению к разуму, от которого она зависит. При таком подходе неизбежным становилось представление о существовании истины, которую человек не может рационально познать, но которую ему необходимо принять с помощью веры.

Говорить о возрастании субъективного начала в понимании истины можно в эпоху Возрождения. Именно в этот период философия становится максимально антропоцентричной. Хотя объективная истина и является отражением реальности, существующей вне человеческого разума, но само знание является результатом деятельности человека. Это означало признание человека как творца истины. При этом субъективное начало не отменяло объективный характер самих знаний.

Разрешить вопрос о сочетании объективности и субъективности истины пытался И. Кант. Он признавал, что в метафизической философии невозможно говорить об объективной истине, так как, опираясь лишь на опыт и его рациональное осмысление, мы не можем говорить о реальности не только идеи Бога, но и, например, концепции свободы [7, с. 50].

Г. Гегель указывал на то, что познание субъективных истин может привести к восхождению человеческого разума к познанию абсолютной идеи, которую также можно назвать и абсолютной истиной. Гегель также задавался вопросом не только о том, что мы можем считать истиной, с точки зрения философии, но и какую философию мы можем признать истиной. При этом критерием в данном случае выступало соответствие самой трактовке философии как любви к мудрости. То есть, философия признавалась истинной, только в том случае если её цель состояла в как можно более полном раскрытии истины [1, с. 84].

В рамках прагматического подхода предлагалось сосредоточиться не на вопросе о возможности объективного познания, а на приносимой этим знанием пользе. [6, с. 163]. Впрочем, представления о полезном и вредном также могут иметь субъективный характер.

Таким образом, анализируя развитие философских концепций на протяжении многих сотен лет, мы неизбежно приходим к выводу о том, что возможность признания существования единой и объективной истины в философии

возможно только в ситуации абсолютного единomyслия всех философов. Понятно, что подобная ситуация, даже если допустить её теоретическую возможность, означала бы прекращение существования философии как процесса непрерывного творческого поиска.

Альтернативой этому может быть только признание важности субъективного начала в представлениях об истине в философии. При этом необходимо отказаться от стереотипных представлений о том, что эта субъективность каким-либо образом принижает философию, ставит под вопрос её значимость для человечества.

Хотя проблему истины можно рассматривать как одну из многих философских проблем, всё же стоит указать на её особую значимость. Данную проблему можно рассматривать как имманентную по отношению к философскому знанию. Однако одновременно она и трансцендентна по отношению к нему, так как помещает философию в определённый хронологический и культурный контекст [5, с. 89].

Говоря о возможности нахождения истины в рамках философии, необходимо учитывать, что постановка данного вопроса зависит от многих дополнительных факторов. Объективность истины зависит от того, признаём ли мы в принципе существование объективной реальности как таковой. Не так уж трудно указать на философские направления (солипсизм), где подобное утверждение вовсе не принимается за аксиому [9, с. 58]. Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, насколько мы даже при признании объективности существования окружающей реальности, способны её адекватно познать – агностицизм также имеет собственную традицию в истории философии. Консенсус по вопросу о возможности познания истины не способен обеспечить согласие по поводу её конкретных критериев и наилучших методов познания.

Субъективный характер философского поиска проявляется уже в том, что, как и любая деятельность человека, философия направлена на воплощение в жизнь определённых интересов отдельных людей или даже достаточно больших групп. Эта субъективность продолжает зачастую и сегодня восприниматься исключительно как препятствие на пути объективного познания истины.

Однако в данном случае считаем необходимым согласиться с мнением И.Б. Лимонова, который предлагал выделять различные аспекты в субъективности философской истины [10, с. 14]. Негативным можно признать неизбежное при субъективном подходе искажение объективной картины существующего мира. Однако можно говорить и о позитивной субъективности истины в рамках философии. Эта субъективность позволяет философам выступать не только в качестве своеобразного отра-

жателя реальности, а творчески преображать её, видеть в материи и общественных отношениях, нечто выходящее за рамки их имманентности.

При этом и в частных науках можно говорить о том, что отказ от стремления к однозначности истины может не только не замедлять прогресс в познании, но, наоборот, способствовать прорывам в понимании закономерностей окружающего мира. Классическим примером можно считать в данном случае проблему корпускулярно-волнового дуализма. На протяжении нескольких столетий по умолчанию предполагалось, что ответ о том, чем же является свет, должен быть однозначным. Либо это поток частиц, либо волна. Отказ от такой упрощённой трактовки понимания истины позволил достигнуть немалого прогресса в физике, способствовал развитию квантовой механики.

Но даже и в классической механике нельзя забывать о субъективности истины. Движение по своей природе является относительным. Говоря о движении некоего тела, нам всегда необходимо уточнять, что это происходит в определённой системе отсчёта. Таким образом, одно и то же дело в один момент времени может быть признано и движущимся и покоящимся.

Если говорить о субъективности, как искажении истины, то необходимо признать, что эта проблема обусловлена, что при любом процессе познания люди воспринимают информацию с учётом имеющегося у них опыта. Причём речь идёт не только о специфических навыках или багаже знаний. Аксиологические предпочтения людей вполне могут заставить их отказываться воспринимать информацию, которые не соответствует их системе ценностей. Эти особенности восприятия были выделены уже Ф. Бэконом, который именовал их «идолами» человеческого познания. Преодоление подобных идиологов, по мнению Бэкона, было возможно с помощью экспериментального подхода. [8, с. 76]. В наибольшей степени такая субъективность воспринимается отрицательно в рамках научного подхода к изучению реальности. Однако и в науке отправной точкой продолжает оставаться индивидуальное знание.

Необходимо также учитывать, что никто не способен полностью получить знания самостоятельно. Большая часть знаний, которые мы оцениваем как истинные, приобретаются нами в процессе усвоения мыслей других людей. При этом непосредственно мысль мы познать не можем, она открывается нам через определённую знаковую систему. Представленная в этом виде истина может казаться полностью одинаковой и объективной для всех воспринимающих, но акт её познания продолжает оставаться глубоко индивидуальным.

Понимание чужой мысли предполагает необходи-

мость собственного мыслительного процесса. При этом его результаты вполне могут быть различны. Исходя из того, что в сознании людей неизбежно присутствует этот субъективно-личностный компонент, мы неизбежно приходим и к субъективному характеру познаваемой истины. Необходимо признать, что эта субъективность создаёт проблемы при выявлении объективных характеристик окружающей действительности. Процесс обмена информацией также сталкивается с препятствием. Необходимо в данном случае различать истину от информации. Процесс передачи второй может быть объективен, в современных условиях может даже не требовать участия человека. Однако познание истины всегда зависит от личности познающего. В дальнейшем подобные расхождения в оценке истинности определённых сведений могут служить причиной разобщённости людей, приводить к многочисленным конфликтам.

Речь может идти о двойственном восприятии отдельных событий в политической сфере. Так в конце 1990-х гг. конфликт в Косово традиционно описывался в СМИ США и стран Западной Европы как попытка югославского правительства воспрепятствовать праву косовских албанцев на национальное самоопределение. В общественном мнении России преобладало восприятие данного конфликта как стремление НАТО ускорить окончательный распад Югославии, ненависть к сербскому народу.

Однако сложность интерпретации фактов встречается и в политологических теориях. В конце XX – начале XXI вв. исследователи анализировали одни и те же изменения в глобальной политической системе, связанные с распадом СССР. При этом Ф. Фукуяма приходил к выводу о том, что в мире исчезли предпосылки для глобальных конфликтов по идеологическому признаку. Человечество создало истинность либерализма и демократии. Соответственно, можно говорить о своего рода «конце истории», движении всех стран и народов по одному пути и в тесном сотрудничестве.

Однако С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» указывал на то, что современные международные отношения будут развиваться именно как череда конфликтов на цивилизационной основе, вызванных невозможностью сгладить отличия в области культуры, религии, мировоззрения.

Здесь мы вновь можем отметить необходимость отказа от одностороннего понимания истины. Политическая реальность может оказаться сложнее теоретических построений. На практике и Ф. Фукуяма, и С. Хантингтон отмечали существование реальных тенденций в области международных отношений. Однако во многом игнорировали то, что не вписывалось в рамки представлений об истине в их концепциях.

У абсолютизации истины также могут быть свои недостатки. Этот тезис с осторожностью стоит относить к отдельным наукам, хотя и в них сомнение в истинности любого положения может послужить стимулом для прогресса. Более того, можно указать на мыслителей, например Т. Куна, которые полагали, что принятие новых теорий, происходящее в ходе научных революций, фактически означает отказ от истинности прежних положений науки, признание их ошибочности [2, с. 7]. Истина является не столько отражением объективного мира, а скорее просто указывает нам на существование «отношения сознания и мира» [3, с. 183].

Но в большей мере необходимость отказа от абсолютизации истины относится именно к истине в философии. В ней попытка извлечь истину от любого намёка на субъективность может привести лишь к обеднению картины мира. Индивидуальный опыт философа, являющийся результатом его познания, всегда будет богаче, чем содержащиеся в нём общие компоненты знаний.

При этом неизбежно встаёт вопрос о том, можно ли вообще применять термин истина в отношении индивидуального личностного опыта? Можно предположить, что нам необходимо отказаться от того, чтобы подобное знание считалось чем-то второстепенным по сравнению с объективной истиной. Это познание всегда является не только познающим, но и творческим началом и в этом смысле не столько открывает, сколько творит истину. Эта истина не всегда выражается с помощью языка науки или вообще рационального, она может находить воплощение в религиозных учениях, художественных образах.

Истина может предстать перед нами в различных формах. Их классификация может быть различной, но любая указывает на определённые гносеологические проблемы. Уже само существование таких понятий как религиозная истина, нравственная или экзистенциальная истина говорит о высокой значимости субъективного начала [11, с. 58]. Такой подход требует отказа от сциентистских иллюзий о том, что наука может дать однозначные ответы на все вопросы. Однако его нельзя рассматривать как повод для разочарования в науке или признание возможности опровергать научные постулаты только на основании индивидуальных предпочтений. Правильнее будет говорить о том, что наука не может претендовать на истину в тех сферах, которые непосредственно к ней не относятся.

Благодаря марксистской философии, к числу важнейших критериев истины принято относить практику. Вряд ли стоит отвергать этот критерий. Однако стоит указать, что его использование не означает признание за истинной абсолютной объективности. Субъективную истину также можно охарактеризовать как исполняющую практическую роль, то есть помогающую добиться решения

определённых задач, оставляя вопрос об объективности их оснований в качестве вторичного. Даже в том случае, когда наши представления о некоем объекте могут не совпадать с объективно существующей основой, сами эти знания не теряют обязательно своей значимости. То есть, большее значение в данном случае может играть уже не сам объект, а та истина, которой мы обладаем. Именно этот момент можно рассматривать как переход от объективной истины к субъективной. Между этими двумя истинами существует диалектическая взаимосвязь.

В наибольшей степени вышеизложенное относится к экзистенциальной истине открываемой каждому человеку в процессе его индивидуального существования. В данном случае стоит согласиться с М. Хайдеггером, который указывал на то, что путь познания истины неизбежно превращается в «постоянное блуждание». [15, с. 13]. Экзистенциальная истина хотя и может базироваться на основании рационального мышления, однако не меньшую значимость приобретает личностный компонент. Человек не столько познаёт, сколько «проживает» окружающий мир и себя в этом мире.

В наибольшей степени субъективность экзистенциальной истины проявляется в том, что мы не имеем инструментов, с помощью которых могли бы в полной мере передать её другим людям. Это знание в наибольшей степени носит имплицитный характер. Научный аппарат, традиционно используемый при рациональном познании, не может в полной мере быть применён к экзистенциальному опыту. Экзистенциальная истина важна не тем, насколько она может быть близка к объективной реальности, чьим отражением служит, а равно в той степени, насколько она способна передать мироощущение конкретного человека. Ещё одним базовым отличием экзистенциальной истины от совокупности рационально научных стоит признать её целостность, несводимость к набору отдельных фактов. Эта истина не даётся человеку как некая безальтернативная реальность, а во многом является результатом его свободного выбора.

Таким образом, можно констатировать, что проблема истины в рамках философии не имеет однозначного решения, о чём свидетельствует многообразие концепций и подходов к содержанию данного понятия и критериев истинности знания. Вряд ли можно рассчитывать, что любая из этих концепций будет признана безошибочной всеми мыслителями. Однако подобные разночтения не стоит трактовать как недостаток философии. Наоборот, признание субъективности истины как неотъемлемой черты философского знания указывает на её значимость, позволяет увидеть в философе не просто познающий субъект, но творца.

Диалектика относительной и абсолютной истины по-

казывает, что наше познание стремится к всестороннему охвату окружающего нас мира, двигаясь вперед, по-

стоянно разрешает противоречия, все полнее отражает объективную действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумницкий Г.Н. Истинная философия и истина в философии // Философия и общество. 2010. № 1. С. 84-97.
2. Ерахтин А.В. Истина в философии и научном познании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6.
3. Кимелев Ю.А. Теории истины // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2020. С. 182-190.
4. Колтунова Ю.В. Проблема истины в познании // Молодой ученый. 2018. № 12 (198). С. 197-199.
5. Копцева Н.П. Проблема истины в философском познании. Автореферат диссертации на соискание степени доктора философских наук. Иркутск, 2000. - 42 с.
6. Кочнев Р.Л. Теория истины в философии Фридриха Ницше // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 163-168.
7. Кузьмина Т.А. Истина знания и истина бытия // Философский журнал. 2009. С. 49-60.
8. Лебедев С.А. Природа научной истины // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 1. С. 75-83.
9. Левин Г.Д. Критерии истины // Философия науки и техники. 2010. С. 58-73.
10. Лимонов И.Б. Проблема субъективности истины. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук. Иваново, 2004. – 32 с.
11. Нестерова О.Ю. Философские проблемы интерпретации истины // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 55-59.
12. Хазиев В.С. О понятии «Объективная истина» // Философия и общество. 2013. № 2. С. 47-64.
13. Хайдеггер М. О сущности истины // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 8-27.

© Королева-Копляная Галина Иосифовна (koroleva-1944@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский экономический институт

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОНЯТИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Петренко Олеся Александровна

к.филол.н., Брянский государственный аграрный
университет
brodyga_2008@mail.ru

THE MAIN PROBLEMS AND CONCEPTS OF ANALYTICAL PHILOSOPHY OF LANGUAGE

O. Petrenko

Summary: Language is a necessary mediator of scientific knowledge. And this causes two problems. Firstly, the desire to make the language neutral, to polish it, to deprive it of individuality, so that it can become an accurate reflection of ontology. The ideal of such a system is fixed in the positivist dream of language as a copy of the world. Secondly, to discover the universality of the grammar-independent, so-called "deep logic" of the language. We are not talking about building a universal language, as it was supposed in the classical era, but about spreading out the forms and connections of thinking in general outside of any single language.

Keywords: language, positivism, analytical philosophy, monism, neopositivism, linguistic analysis, logic.

Аннотация: Язык является необходимым посредником научного познания. И это обуславливает две проблемы. Во-первых, стремление сделать язык нейтральным, отшлифовать его, лишить индивидуальности, чтобы он мог стать точным отражением онтологии. Идеал такой системы закреплен в позитивистской мечте о языке как копии мира. Во-вторых, обнаружить всеобщность независимой от грамматики, так называемой "глубинной логики" языка. Речь идет не о том, чтобы построить некий всеобщий язык, как то предполагалось в классическую эпоху, но о том, чтобы распределить формы и связи мышления вообще вне какого-либо единичного языка.

Ключевые слова: язык, позитивизм, аналитическая философия, монизм, неопозитивизм, лингвистический анализ, логика.

Язык — один из фундаментальных и универсальных аспектов человеческой культуры, предельное основание, условие всей человеческой жизни, всех структур сознания, а, следовательно, всей человеческой деятельности вообще, как сознательно регулируемой, целенаправленной. Философия на современном этапе подошла к созданию парадигмы, учитывающей многообразие языка, его деятельностную природу. Взаимодействие различных мыслительных потоков наиболее четко прослеживается в той сфере философствования, где предметом рефлексии выступает человек.

Особое внимание к философскому пониманию языка характерно для течения, которое называется аналитической философией. Можно утверждать, что философский анализ языка предполагает способы применения аналитических методов при решении разнообразных философских, бытовых проблем, через их четкую трактовку, соразмерное соотнесение языка и действительности, прояснение тайн сознания и преодоление возникающих в связи с этим трудностей. Следует отметить, что исторически исчерпанным анализ теорий языка и сознания считать нельзя. Это утверждение связано с тем, что в контексте своего собственного развития аналитическая философия не является целостной теорией, принятой всеми школами философского анализа. В ходе ее эволюции возникают новые истолкования и интерпретации этих проблем.

Это происходит из-за недостаточности исследова-

ний в отечественной науке по теории анализа языка в аналитической философии. Теории философов-аналитиков, составляющие ядро аналитической философии во второй половине XX-начале XXI веков, еще не получили осмысления в отечественной науке. Однако представители различных областей научного знания – как естественных, так и гуманитарных - показывают, что на современном этапе развития науки наиболее эффективными будут исследования, проводимые на границе различных областей и отраслей знания.

На фоне изучения множества концепций языка необходимо проследить и выявить общие направления и закономерности формирования аналитической философии. Именно поэтому постоянно поднимаемые вопросы о сущности языка продолжают звучать актуально там, где подобные исследования приобретают не умоглядный и абстрактный, а конкретный жизненный и практический смысл.

Аналитическая философия возникла на фоне всеобъемлющего интереса к формальной логике, которая, обогатившись новыми методами, с середины XIX века начинает бурно развиваться. Следует добавить, что влияние логики не ограничивалось аналитической философией; во второй половине XIX века представители всех философских течений от позитивистов до неогегельянцев писали «логические исследования», и феноменология Гуссерля появилась на той же волне. Исключительное внимание к логике на рубеже веков трудно объяснить,

ссылаясь только на то, что логика является чисто философской наукой. Скорее всего, объяснение этому следует искать в его взаимодействии с теми отраслями знания, которые вышли за пределы философского. Особую роль здесь играли психология и математика. Появление психологии стимулировало развитие логического мышления в том смысле, что с появлением позитивного естественнонаучного духа в философии, возникло заблуждение, что теория познания наконец обретет те прочные научные основания, которых ей не хватало, и в этом отношении психологическое объяснение логики, как основы теории познания, должно было играть ведущую роль.

Особое место среди известных философов и логиков конца XIX — начала XX века занимает Г. Фреге. Его роль в современной логике, которую он в значительной степени создал, можно сравнить только с ролью Аристотеля в традиционной логике. Он заложил основы той области знания, которая получила название основ математики, впервые четко связав проблему формального единства содержания математики с принятыми в ней методами рассуждения, и тем самым заложил основы теории формальных систем.

В 1918 году Бертраном Расселом (1872-1970) были прочитаны в Лондоне лекции, которые впоследствии были опубликованы в журнале «Монист» и впоследствии получили название «Философия логического атомизма». В них лекциях он представил первоначальный эскиз всеобъемлющей философской системы, в которой он сформулировал строгий параллелизм между языком и восприятием окружающего мира. Благодаря этому представлению он нашел возможным использовать методы логического анализа языка для того, чтобы попытаться раскрыть глубину структуры действительности.

Рассел жестко раскритиковал предыдущую метафизику, но «большая часть его критики заключалась в том, что метафизика давала неверное объяснение мира, и Рассел считал, что он был в состоянии выяснить, почему это произошло. Но он не отвергал саму задачу полного объяснения мира и приближения к тому, что он называл «окончательной метафизической истиной». По его мнению, все прежние метафизические системы опирались на аристотелевскую логику, а у Фреге он позаимствовал идею совершенно новаторской логики, которая вдохновила его на построение нового типа метафизики.

Большое влияние на возникновение логического позитивизма оказал «Логико-философский трактат» Витгенштейна. Это очень сложно воспринимаемое, хотя и небольшое произведение, написанное в форме афоризмов. Его содержание настолько спорно, что историки философии считают его автора одной из самых противоречивых фигур в истории современной философии.

Витгенштейн в своем трактате предлагает не монистическую, а плюралистическую картину мира. Витгенштейн утверждает, что мир, имеет атомарную структуру и состоит из фактов. «Мир - это все, что происходит».- «Мир-это совокупность фактов, а не вещей». Это значит, что связи присущи всему миру. Отсюда следует, что «мир делится на факты» [Витгенштейн 1958].

Философия неопозитивизма и лингвистический анализ доминировали в философской мысли Англии с 50-х годов XX века. Значительное влияние на формирование идей лингвистического анализа оказал Дж.Мур, а отдельными вопросами этого направления занимался Л. Витгенштейн. К представителям лингвистического анализа относятся Гилберт Райл, Дж. Остин.

Лингвистический анализ противопоставляет себя логическому позитивизму. Это выражается в принципиальном отказе лингвистических аналитиков от теории верификации, от утверждений о том, что научное рассуждение является идеальной моделью любого рационального рассуждения, от определения осмысленных и информативных высказываний, от упрощения смысла высказываний одного типа к смыслу высказываний другого типа.

В отличие от своих предшественников, аналитики подчеркивают, что используемый язык содержит множество различных разделов и областей. Можно отметить, что логика функционирования формально одних и тех же слов в каждом из этих языковых разделов и контекстов принципиально различна. Таким образом, слова и выражения, которые кажутся похожими на первый взгляд, существенно различаются по значению и используются в разных ситуациях в зависимости от контекста их употребления. В данном случае, контекст обобщает в себе как цель говорящего, так и отношение высказывания к данной ситуации. Иными словами, язык рассматривается как социальный институт и самостоятельная форма жизни. Значение, смысл - это скорее определенный способ употребления слова в определенном контексте, а не конкретная реальная сущность или абстрактный объект, определенный в языке формализованной семантики.

Принцип лингвистического анализа заключается не только в том, чтобы указать на существование различных слоев, контекстов и т.д., которые не совместимы друг с другом в повседневном языке, но признать, что число этих контекстов, на самом деле, неограниченно (поэтому было бы бессмысленно ставить задачу идентифицировать их все). Кроме того, хотя и существует определенный вид связи и перехода между различными слоями языка, эта связь в большинстве случаев исключает возможность выявления каких-либо признаков, общих для разных употреблений одного и того же слова. Это означает, что для большинства слов в используемом

языке не присущи общие определения. Однако это относится только к «живым», разговорным языкам, а не к искусственно сконструированным, используемым в науке для специальных целей.

Философы-аналитики считают, что философские проблемы возникают в результате непонимания процесса логики естественного языка. Поэтому они могут быть решены только путем анализа данного конкретного языка, тщательного выявления и кропотливого описания различных контекстов употребления слов.

Аналитические философы, как мы уже заметили, «пытались создать новый тип метафизики, который, по их замыслу, должен был основываться только на достоверных и ясно понимаемых основаниях и не содержать отвлеченных умозрительных рассуждений. Эту причину - они видели в своем языке, который с одной стороны служит выражением и реализацией нашего мышления о действительности, а с другой стороны, являясь социальным инструментом коммуникации и имея общественный характер, она допускает строгий и объективный анализ. Из-за этого связь между языком и миром стала носить ключевой, основополагающий характер. Эта проблема для философов -аналитиков была в центре внимания. Они стремились построить свою собственную версию аналитической метафизики, потому что ее решение служило оправданием для подобных суждений. Так же были и те, кто пытался развенчать метафизику во всех ее проявлениях. Философы-аналитики предлагали различные решения этой проблемы, из которых мы выделили наиболее важные, на наш взгляд, концепции взаимосвязи языка и действительности. Мы попытались выявить закономерности развития идей по этой проблеме в рамках рассматриваемого философского направления.

Мы показали, что решение проблемы соотношения языка и действительности предполагает решение целого ряда вопросов. В частности, решение этой задачи предполагает понимание природы языка, его функций и места в системе взаимодействия человека и мира, ответы на вопросы о сущности смысла, истины и референции,

понимание природы логики и выявление специфики логики, лежащей в основе естественного языка, установление критериев существования и определение того, что значит существовать. Учитывая множество вопросов, возникающих в связи с этой проблемой, мы представили основные ее решения, которые были предложены такими аналитическими философами, как Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн, Р. Карнап, У. У. О. Куайн, Д. Дэвидсон и М. Даммит, в виде определенных концепций, или «моделей», взаимодействий между языком и реальностью. Рассмотрение этих понятий в исторической перспективе как своеобразных этапов, или важных моментов, в понимании природы связи языка с миром - показало, что переход от теории значения языковых выражений как некоторой сущности сопровождался значительным усложнением связи картины языка и мира, а, следовательно, требовал более сложной и сбалансированной стратегии.

Хотя философам-аналитикам и не удалось положить конец спору между реалистами и их оппонентами, в своих усилиях они дали нам возможность по-новому взглянуть на природу и роль языка в познавательной и практической деятельности людей, а также на такие традиционные философские темы, как истина, бытие, объективность и т.д. Как мы видели, было много попыток защитить реализм, найдя ему адекватное выражение в аналитической философии, и этот факт еще раз подтверждает, что «в нашем столетии аналитическая философия наследует идеи и принципы классического философствования не более, чем любая другая философская традиция. Она становится связующим звеном, обеспечивающим непрерывность философского знания». Продолжая линию классической рационалистической философии, рассмотренные нами философы-аналитики каким-то образом продемонстрировали ключевую, неразрешимую роль понятия истины в наших поисках ответа на вопрос о том, какое же место занимает человек в мире? Откуда он знает мир? Как он строит свое представление о мире? Как устроен мир, в котором он живет? И это, на наш взгляд, главный результат их философских изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айер А. Философия и наука // Вопросы философии №6. 1962.
2. Аналитическая философия в XX веке. Вопросы философии. №8. 1988.
3. Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.
4. Аналитическая философия сегодня // Вопросы философии. №2. 1971.
5. Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Прогресс, 1998.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.
7. Боброва Л.А. Об изменении отношения аналитической философии к истории философии // Новейшие тенденции в современной аналитической философии. М.: АН Институт философии, 1985.
8. Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX в. М., 1974.

9. Витгенштейн Л Избранные философские произведения. М.,1992.
10. Витгенштейн Л Культура и ценности // Человек. 1991.№ 5-6.
11. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис. Ч. 1. 1994.
12. Вригт, фон Г.Х. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1987.
13. Вригт, фон Г.Х. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8.
14. Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. № 6. 1991.
15. Геллнер Э. Слова и вещи. М.: Ин. литература, 1962.
16. Гринцер Н. П. Языковое учение Платона в контексте идей Витгенштейна. // Вопросы философии №5. 1998.
17. Язык и познание. Вильнюс: АН Лит. ССР, 1986.
18. Язык Наука Философия. Вильнюс АН Лит. ССР Институт философии, социологии и права, 1986.

© Петренко Олеся Александровна (brodyga_2008@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ЦЕННОСТЕЙ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

THE SPECIFICS OF THE VALUES
OF THE TECHNOGENIC SOCIETY

A. Svidersky

Summary: The article deals with the problems of the influence of technogenic society on the processes of the genesis of culture. The author analyzes the manifestations of the crisis of value consciousness caused by the violation of the conditions of reproduction and translation of values. One of the key contradictions of the transformation of the values of a technogenic society is the giving of the properties of the subject of value relations to technology and the complete leveling of the value properties of the first nature.

Keywords: axiology, technical reality, technogenic society, technosphere, technical activity, value.

Свидерский Александр Александрович

Старший преподаватель, Брянский государственный
аграрный университет
filos.as@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы влияния техногенного общества на процессы генезиса культуры. Автор анализирует проявления кризиса ценностного сознания, вызванные нарушением условий воспроизводства и трансляции ценностей. Одним из ключевых противоречий трансформации ценностей техногенного общества является придание технике свойств субъекта ценностных отношений и полное нивелирование ценностных свойств первой природы.

Ключевые слова: аксиология, техническая реальность, техногенное общество, техносфера, техническая деятельность, ценность.

Влияние технической реальности на процесс трансформации ценностей происходит посредством имманентных механизмов культуры. Это подчеркивает относительную независимость генезиса культуры от техносферы, что проявляется в многообразии вариантов отражения технической реальности в различных формах духовной культуры. Так в философии, которая, как известно, способна глубоко рационализировать основания культуры, мы можем обнаружить широкий спектр образов технической реальности: от технофобных эсхатологических трактовок социо-технического развития, где присутствует жесткая антиномия технического и антропо-гуманистического начал мира до, идеи мегатехнократизма, как самого эффективного и всеобщего принципа организации и управления социумом.

Действительно, в технической деятельности человек легко обнаруживает два аксиологически противоречивых начала, так с одной стороны, он находит в технике нечто сообразное себе, свои опредмеченные цели, логику, интересы. Техническая реальность формирует в человеке уверенность в результате действия, чувство господства, прагматичность, иллюзию комфорта и безопасности [1, с. 58]. С другой стороны, техническая реальность, хотя и обладает определенной пластичностью и постоянно корректируется человеком, обладает определенными конституирующими её существование и развитие принципами, ритмами, внутренней логикой, которая требует от человека некоего подстраивания, ограничивая его свободный выбор [2, с.12]. В этой коллизии основа внутренних и внешних кризисов культуры техногенного общества.

Способом проявления культуры является деятель-

ность. Рассматривая деятельность как единственный и очевидный критерий ценности, мы, получаем возможность эмпирически, опираясь на исследования реальной исторической практики людей выявлять ценности и их иерархии.

Исторический опыт, отраженный мировой философской мыслью показывает, что культура направлена на изменение способа существования природы и формирование на её основе искусственной реальности, которая нужна людям не только для достижения прагматических целей, но и наполнения её идеальным смыслом, поклонения. Ценностно-смысловое освоение технической реальности это процесс духовной интеграции технического в различные типы отношений между людьми [3, с. 94]. Так в структуре культуры возникают техногенные компоненты, прежде всего техногенные ценности.

Но, что же такое ценности? Каков способ их порождения и актуального существования? Решение этих вопросов непременно столкнет исследователя с крайними объективизмом и субъективизмом в их понимании. Аксиологический объективизм, представленный, например, в различных формах религиозного идеализма, выносит мир ценностей за пределы эмпирической реальности, делая их всецело независимыми от субъективного индивидуального опыта. Поэтому ценности вечны и абсолютны, способны сохранять устойчивость, стабильность в изменчивом мире. По мнению сторонников этого подхода, ценности выполняют мироустроительную функцию, спасая от хаоса и разрушения, внося в мир упорядоченность и смысл.

Действительно, ценность – есть продукт совокупной

деятельности множества поколений, социальных общностей, а в конечном счете, они есть продукт истории, ее фундаментальное духовное основание. При всей подвижности духовно-практической структуры культуры, ценности выполняют в ней интегрирующую и сохраняющую функцию, воспроизводя необходимые для развития культуры элементы и этапы деятельности. В этом смысле ценности являются чем-то внешним, выходящим за пределы эмпирического опыта конкретного человека. Ценности, как смысловое и целе-ориентирующее ядро культуры, передаются от поколения поколению, как особый значимый дар, воспроизводящий посредством социализации человека как социального существо.

Аксиологический субъективизм проистекает из установки на неограниченную свободную активность человека, «творца самого себя», которая утверждалась в ходе разрушения традиционных обществ и становления буржуазных отношений, с присущими им индивидуализмом и стремлением к внешней реализации. Свободный выбор личности, продиктованный ее потребностями и интересами, и есть здесь причина ценности, которая, соответственно, является объектом всякого интереса и результатом индивидуального опыта субъекта. Поэтому ценности в рамках этого подхода изменчивы, индивидуальны, относительно. Действительно, ценности как элементы субъективной реальности человека доступны его воле, а значит конструктивному воздействию. Таким образом, ценности объективны по своей природе, но субъективны по способу актуального существования. Что делает возможным как отказ от ценностей, так и кризис, дисфункциональность индивидуального ценностного сознания.

Попытки обнаружения ценности в самих предметах или субъективно-объективных отношениях приведут к очевидным противоречиям, связанным с невозможностью обнаружения каких-либо верифицируемых ценностных свойств, либо нивелированием специфики ценности, в связи с неотличимостью ценности от потребности или оценки. Поэтому необходимо отказаться от обнаружения ценности в вещах и процессах, находя их в сфере межсубъективных отношений. На наш взгляд, ценности относительно автономны от предметной реальности, хотя и остро нуждаются в ней, так как ценность возникает в результате многократных синхронных и асинхронных оценок различными субъектами освоенного ими в результате практики. Затем, в процессе взаимодействия субъектов возникает ценность как интегральная целостность, отрицающая частность индивидуальных оценок. Так ценности превращаются в основу формирования социальных общностей. Межсубъективные отношения являются источником формирования и трансформации ценностей. Развивающиеся формы отчуждения между людьми, обусловленные спецификой социо-технической деятельности способны вызвать

кризис ценностной регуляции деятельности. Опосредование отношений между людьми технико-технологическими средствами, нарушение традиционного механизма трансляции ценностей от поколения поколению, лишает деятельность ценностно-смысловой составляющей. Поэтому теряется осмысленная, отрефлексированная направленность деятельности, которая превращается в систему коррелятивных, функциональных связей между техническими артефактами и отдельными проявлениями сознательной деятельности человека [5, с.106]. Мы можем сделать вывод, что деятельность в техногенном обществе теряет свою целостность, односторонность от предпосылок к цели, результатам и как следствие, фактически полностью теряет внутреннюю аксиологическую или этическую сторону, обеспечивающую соответствующую регуляцию.

Техническая деятельность и в индустриальном обществе и в постиндустриальном обществе предполагает многосубъектность, сложные цепочки организации многоуровневых социотехнических систем. Возникает ситуация отстранения непосредственного производителя от формирования целесообразной программы деятельности, которую он обязан выполнять. Поэтому культура техногенного общества развивается в направлении неуклонного совершенствования технологии деятельности, в то время, как ценностная составляющая практически не актуализируется. Аксиологическую сторону этой проблемы можно обнаружить в противоречии между преимущественно ценностными механизмами регуляции деятельности человека в современном обществе и жесткими, внешними стандартами – организационно-техническими нормами, продуцированными техносредой, постоянно растущей и накладывающей на поведение человека все большие ограничения.

Закономерностью развития современных социотехнических систем является поступательная интеграция атропного и технического до уровня, когда человек уже не способен выступать инициатором, актором, субъектом социально-технических процессов. Таким образом, в условиях социально-техногенного развития техника способна выступать в качестве субъекта ценностных отношений, способствуя замене ценностей квазиценностями. Речь идет о постепенном вытеснении ценностей информацией. Как замечает А.В. Бузгалин, «информация и информационные технологии (в отличие от культурных ценностей) могут быть использованы в процессе материального производства и утилитарного потребления» [6, с. 35]. Информация в отличие от знания не несет в себе аксиологической нагрузки, носит безличный характер, не требует творческого воспроизводства. Она необходима только в конкретной прагматической ситуации и моментально устаревает, обнаруживая свою бессмысленность, так как в ней отдан приоритет количеству, актуальности, но не содержательной стороне. Цен-

ности не востребованы техногенным обществом еще и потому, что их иррациональная природа и абсолютность не встраивается в рационально обоснованную и динамически развивающуюся структуру социотехнической системы.

Техническая реальность экранировала человека от естественной природы. Нужно отметить, что общей тенденцией развития человеческой практики в рамках инновационного общества является постоянное сокращение чувственно-эмоционального контакта с естественной природной средой, это обусловлено продолжающейся урбанизацией и поступальным расширением техносферы, автоматизацией и роботизацией производственных процессов.

Эмоциональное переживание является основой любого оценочного отношения, а значит, связано с процессом воссоздания ценности. Кроме того, значимость

эмоционального контакта с природой заключается также в том, что исчезает противоположность субъекта и объекта, человека и природы. Живое эмоциональное переживание естественной природы, отчужденной от человека технической реальностью, становится основой единения с самим собой, восприятия природы как «исконно своего». Что, на наш взгляд, является первичным условием бытия ценностей, формирующихся на основе соотнесения природного и социального. Исчезновение чувственно-эмоционального контакта с неизменённой человеком природой способствует её отчуждению и объективации. В культуре техногенного общества человек выступает сверхприродным существом, всецело самодостаточным. Закономерным следствием этого является социокультурная установка, позволяющая изменять природу произвольно, наполняя искусственными социотехнобиосистемами, служащими прагматическим целям человека, не обусловленным ценностями культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свидерский А.А. Техногенность ценностей современного общества // Проблемы современного антропосоциального познания. Брянск, 2019. - С. 55-60.
2. Свидерский А.А. Трансформация ценностей техногенного общества // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. - 2014. - № 6. - С. 9-13.3. Шустов А. Ф. Социальная составляющая в структуре технической деятельности как возможность контролируемого ее развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. - 2021. - №11. - С. 92-95
3. Свидерский А.А. Противоречивость ценностно-нормативной регуляции взаимодействия техногенного общества и природы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. - 2021. - № 11. - С. 78-80.
4. Суркова, Л.В. Парадигма техницизма в цивилизационном процессе / Л.В. Суркова. - М.: Наука, 1998. - 163 с.
5. Бузгалин, А.В. «Постиндустриальное общество» - тупиковая ветвь соци-ального развития? / А.В. Бузгалин // Вопросы философии. - 2002. - №5. - С. 26-43.

© Свидерский Александр Александрович (filos.as@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ФУКО

Тетенков Николай Борисович

кандидат философских наук, Северный (Арктический)
Федеральный университет имени М.В. Ломоносова
tenibo@yandex.ru

THE CONCEPT OF SUBJECTIVITY IN FOUCAULT'S PHILOSOPHY

N. Tetenkov

Summary: This article examines the concept of subjectivity in Foucault's philosophy. The characteristic of the subject and subjectivation is given. The formation of subjectivity is characterized by the practices of separation and the techniques of power that affect the individual from the outside. The process of subjectivation is substantiated, in which Foucault distinguishes two sides — external and internal. New forms of subjectivity constructed by language structures and various Foucault practices are analyzed. In Foucault's philosophy, it is demonstrated on a large material that the formation of subjectivity is not a reflexive-cognitive process, but is fundamentally practical, determined not so much by the power of the individual's own mind as by the social practice in which he is included.

Keywords: . subject, subjective, Foucault, subjective, lens-sectional techniques, sectional practices, sub-objectivity, subjection, other.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается понятие субъективности в философии Фуко. Дается характеристика субъекта и субъективации. Характеризуется становление субъективности благодаря практикам разделения и техникам власти, воздействующим на индивида извне. Обосновывается процесс субъективации, в котором Фуко выделяет две стороны – внешнюю и внутреннюю. Анализируются новые формы субъективности, конструируемые структурами языка, различными практиками Фуко. В философии Фуко на большом материале демонстрируется, что становления субъективности не есть процесс рефлексивно-познавательный, но в основе своей практический, детерминированный не столько силой собственного разума индивида, сколько той социальной практикой, в которую он включен.

Ключевые слова: субъект, субъективность, Фуко, субъективация, объективация, техники разделения, практики разделения, внутренняя субъективация, внешняя субъективация, другой.

Введение

Проблема субъекта и субъективности для творчества Фуко была главной темой. Так, в труде «Субъект и власть» [1, с. 161] он отмечает, что «...основной целью исследования является не феномен власти, а история разнообразных режимов субъективации личности в западноевропейской культуре, трансформирующих личностей в субъекты...» [1, с. 161]. Философ полагал, что необходимо уйти от сложившегося понимания субъекта, ввиду того, что «независимого и основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно обнаружить везде, нет в природе» [2, с.301].

Целью настоящей статьи является анализ понятия субъективности в философии Фуко.

Материал и методы исследования включают: теоретические методы (анализ литературы по теме исследования); эмпирические методы, метод сравнения, синтеза, экспертных оценок. В качестве материала по-

служили труды Фуко и других отечественных и зарубежных исследователей по рассматриваемой теме.

Результаты исследования и их обсуждение

По мнению Фуко субъект нельзя рассматривать как субстанцию и необходимо уйти от классического трактования данной категории. Суверенного, основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует. Более того, субъект выступает результатом реализации разнообразных практик подчинения или освобождения.

Фуко в своих трудах особо выделял категорию «субъективации», посредством которой он показывал эволюцию субъекта с позиции социальной субстанции. Субъективацией философ обозначал процесс, с помощью которого происходит складывание субъекта, субъективности. Она служит только одной из заданных возможностей организации определенного самосознания [3, с. 284].

– до этого процесса субъекта, субъективности не существует;

– непосредственно субъективность представляет собой «одну из заданных возможностей организации некоего самосознания».

Рис. 1. Субъективация [3, с. 286]

Итак, субъективация представляет собой складывание субъективности, субъекта, обуславливающие, в свою очередь, следующее (рисунок 1):

Фуко свои доводы относительно невозможности универсального трактования рассматриваемой категории изложил в докладе «Что такое автор?» [1, с. 173]. Философ дискутирует по поводу одной из сквозных и центральных тем собственных размышлений – тема «смерти человека», ядром которой выступает критика трансцендентального субъекта. Этому субъекту классической философии Нового времени Фуко противопоставляет исторического субъекта, идею которого высказал Кант.

Историчность субъекта, в свою очередь, обуславливает вопрос по условиям и основаниям образования субъекта. Философ данный вопрос рассматривает в конкретно-историческом плане. Он исследует не условия становления субъекта в целом, а субъекта как такового, субъекта как условия самотождественности определенной самостоятельной, основополагающей, универсальной формы разума. Фуко больше заинтересован факторами, при которых формируется субъект безумный, субъект желающий, субъект производящий, субъект сексуальности и т.д.

Философ обращает внимание, что устанавливается между собой не один и тот же тип отношений, когда личность формируется в качестве политического субъекта и когда, например, она хочет реализовать свое желание в половых отношениях. Между этими разными формами субъекта имеются взаимоотношения и интерференции, но говорить об одном и том же типе субъекта нельзя. В каждом случае происходит игра: личность формирует сама с собой разнообразные типы отношений. И Фуко анализировал непосредственно историческое складывание этих различных форм субъекта в их взаимоотношениях с играми истин [3, с.288].

Фуко обосновывал, что субъективность нельзя рассматривать как универсальную характеристику человеческого бытия. Однако, данный феномен выступает одной из исторически допустимых форм организации самосознания, реализованную в движении Реформации как демонстрации огромного кризиса западноевропейского опыта субъективности.

Данное положение нашло свое метафизическое воплощение в учении трансцендентального субъекта Нового времени. Обстоятельства, возникшие в середине XX в. (постмодерн) и обозначенные феноменом «смерти субъекта», демонстрируют, что субъект как историческая форма организации самосознания, как исторически определенный опыт субъективности перешел на новый уровень всеохватывающего кризиса.

По этому поводу Фуко отмечал, что «...частично в данной ситуации осуществляется возврат к точке зрения XVII века, с той лишь разницей, что не человек ставится на место бога, но анонимная мысль, знание без субъекта, теоретическое без идентифицируемой субъективности...» [4, с. 355].

Изложенное позволяет сказать, что субъективация представляет собой процесс формирования исторически определенной субъективности, исторически определенной формы организации самосознания. Однако, Фуко против использования универсального понимания субъективности. Он предлагает трактовать ее иначе. В частности, через призму историчности субъекта, показывая, что субъективность личности не задана изначально, а происходит ее становление.

«Складывание» субъективности (субъективация) не является одномерным процессом. В своих трудах Фуко отмечал, что «...пробовал написать историю разнообразных режимов субъективации личности в культуре. Применительно к этим позициям был проведено исследование 3-х режимов объективации, трансформирующих людей в субъекты» [1, с. 161].

Тем самым становление субъективности Фуко определяет как превращение личности в объект, т.е. как объективацию, происходящую в виде процесса, обладающего двумя гранями – внешней и внутренней. Внешнюю грань складывания субъективности формируют социальные процессы, в определенной степени воздействующие на индивида, и определяющие его в качестве субъекта. Это процессы познания, расценивающие личность как объект научного знания, и социальные практики разделения, являющиеся предметом исследования Фуко.

Внешняя субъективация происходит посредством практик разделения и объективирующих процедур в соответствующих исследованиях. Они, в свою очередь, также выступают практиками, используемыми в теоретическом знании.

Практики разделения как механизмы субъективации выступают практиками индивидуализирующими [5, с. 144].

Процесс формирования индивидуализирующего знания обуславливает идентифицирующую индивидуализацию. Философ в качестве примера формирования индивидуализирующих практик приводит становление субъекта преступления, безумного субъекта, субъекта сексуальности [5, с. 145], практик наказания [5, с. 187].

В качестве более эффективных техник Фуко рассматривает дисциплинарные техники (рисунок 2):

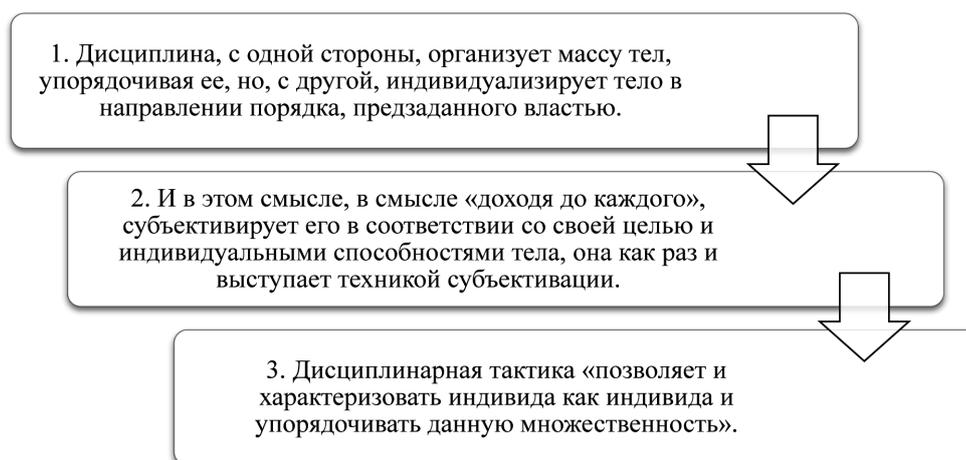

Рис. 2. Дисциплинарные техники по Фуко [5, с. 218]

Формирование индивидуализирующих техник разделения обуславливает наличие социальных институтов (школа, больница, казарма, тюрьма), базис которых составляет универсальный принцип разделения – паноптикум, который трактуется философом как «абстрактная формула... технологии производства индивидов» [5, с. 220].

«Замкнутое сегментированное пространство, где видна любая точка, где личности имеют свои определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, ... где личность локализована, где ее исследуют и относят к живым существам, больным или умершим» [5, 221]. Все это представляет собой пространство разума, где ничего не скрыто, где отсутствуют какие-либо тени, где все освещено светом разумности, порядка, дисциплины предписаний.

Вышеизложенное позволяет сказать, что становление субъективности посредством практик разделения и техник власти, влияющим на личность извне, является непростым и неоднородным процессом.

Внешняя субъективация своей идентифицирующей индивидуализацией обуславливает формирование гетерогенной субъективности. Указанные обстоятельства послужили причиной для Фуко отказаться рассматривать существование целостного и самождественного субъекта.

Внутренняя сторона становления субъективности представляет собой волевые, интеллектуальные, моральные, физические и. т.д. возможности субъекта. Они помогают личности систематизировать и упорядочить свои внутренние вызовы, потребности. Тем самым, личность посредством «внутренней» субъективации достигает гармонии между миром внутренним и внешним. Данную грань становления субъективности Фуко анализировал с помощью практик самообъ-

ективации личности.

Отличия внутренней субъективации от внешней представлены на рисунке 3.

Инструменты становления субъективности в античной морали Фуко демонстрирует через категорию «использование удовольствий». [7, с.75] В данной практике, как в личностной, так и в социальной, большое значение имеет познание себя. Также Фуко анализирует испытательные практики [7, с. 61], практики самоанализа [7, с.35], технику «работы мысли над собой» [7, с. 73].

Философ отмечает, что общая цель всех этих практик обосновывается единым ключевым принципом обращения к себе: «epistrophe eis heauton» (возвращение к себе, забота о себе) [7, с. 85].

Хотелось бы подчеркнуть, что внутренняя сторона процессов субъективации, представляет собой непосредственно сторону становления субъективности, аналогичную внешней субъективации. В реальной практике они плотно взаимосвязаны. В данном процессе становления субъективности главная роль отведена элементу Другой, который выступает границей, определяющей индивида в качестве субъекта.

Отличительные характеристики Другого по Фуко представлены на рисунке 4.

Исследование механизмов становления субъективности как властных практик производства субъективности значительно повлиял сначала на феминистскую, а затем и на гендерную теорию субъекта. В результате чего возник дискурс о гендерном механизме подчинения [8, с. 34].

Таким образом, понятие субъективности в соответствии с постструктуралистским анализом субъекта Фуко

1. Процессы внутренней субъективации протекают иначе, нежели внешнее объективирование: субъект выступает активным началом, тогда как в процессах внешней субъективации он представлял собой всего лишь точку приложения разнообразных практик власти.
2. Внутренняя субъективация представляет собой «техники себя», через которые «субъект конституирует себя в качестве такового». В них «речь идет об образовании себя через разного рода техники жизни».

Рис. 3. Отличия внутренней субъективации от внешней [6, с. 280]

1. Другие, определяющие индивида в качестве субъекта, представляют собой других индивидов. Но, у Фуко в качестве Других выступают кроме индивидов и социальные институции, такие, например, как государство.
2. Складывание субъекта у Фуко происходит в силу того, что другие определяют индивида в качестве определенного субъекта.
3. Элемент Другой присутствует и в практиках самоопределения, которые Фуко подробно проанализировал в работе *Забота о себе* на примере становления морального субъекта в сферах семейной, публичной и общеполитической жизни.

Рис. 4. Отличительные характеристики Другого по Фуко [1, с. 171; 7, с. 91]

представляет собой модус, преобразующийся вместе с объектами, и субъект-объектное различие становится локальным и симультанно-гетерогенным [9, с. 53]. Субъективность становится опорой практик и техник власти. В частности, структуре субъективности становятся безразличны как внутренние константы личности, образующие субъект, так и внешние – социальный и политический мир вокруг, входящий в интимную сферу переживаний субъекта через механизмы подчинения, безразличных непосредственно субъекту.

Выводы

Анализ, проведенный в настоящей статье позво-

ляет прийти к выводу, что категория субъективность предоставляет возможность Фуко рассматривать процесс становления субъекта, как свободного и ответственного индивида, в виде сложного механизма. Философ обосновывает, что становления субъективности нельзя рассматривать как процесс рефлексивно-познавательный.

Кроме того, субъективность можно рассматривать как точку приложения практик и техник власти. Субъективность присуща той личности, которая признает себя (через процедуры идентификации и самоотождествления) в качестве субъекта той или иной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Субъект и власть // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 161-191
2. Фуко М. Эстетика существования // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 297-305.
3. Фуко М. Возвращение морали // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 271-287.
4. Табачникова С. Комментарии // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальностью*. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 446 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2016. 383 с.

6. Фуко М. Использование удовольствий. Введение // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе. Киев: Дух и литера. М.: Грунт, 1998. – 282 с.
8. Жеребкина И.А. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алтейя, 2007. 307 с.
9. Колесников А.С., Ставцев С.Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 111 с.

© Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова

МОДУСНОСТЬ СТРАДАНИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ АЛЬБЕРА КАМЮ

Токарев Дмитрий Анатольевич

кандидат философских наук, Омский институт водного транспорта (филиал) Сибирский государственный университет водного транспорта, г. Омск
mityatokarev@mail.ru

THE MODULARITY OF SUFFERING IN THE EXISTENTIALISM OF ALBERT CAMUS

D. Tokarev

Summary: The article considers a modus model of the consideration of suffering based on the philosophical views of a prominent representative of the philosophical thought of the XX century, Albert Camus. Various sources and literature on Camus' philosophical views are analyzed, in which the problem of suffering with an existential version of its overcoming is touched upon. The key point of the concept of suffering in Camus is a person's awareness of his loneliness in constant human communication and giving authenticity to his existence through overcoming the negative in suffering. In the concept of Albert Camus, life is given to a person for the maximum disclosure of his capabilities before the fear of death and without hope for a transcendental reality. The egoism of a sane and kind individual, in the opinion, allows you to lead the world away from the destruction of a person's identity. The relevance of this research is characterized by the deep processes of the Western worldview of the first quarter of the XXI century – the extinction of religious understanding of human destiny, the departure from the morality of traditions and law to the all-consuming egoism of man, tearing himself away from the «taboo and totem».

Keywords: suffering, the modus model of suffering, the existentialism of A. Camus, existential communication, the absurdity of being and the authenticity of man.

Аннотация: В статье рассматривается модусная модель рассмотрения страдания на основе философских взглядов яркого представителя философской мысли XX века Альбера Камю. Проанализированы различные источники и литература о философских воззрениях Камю, в которых затрагивается проблема страдания с экзистенциальным вариантом его преодоления. Ключевым моментом концепции страдания у Камю является осознание человеком своего одиночества в постоянной людской коммуникации и придание подлинности своего существования через преодоление негативного в страдании. В концепции Альбера Камю жизнь дана человеку для максимального раскрытия своих возможностей перед страхом смерти и без надежды на трансцендентальную реальность. Эгоизм здравого и доброго индивида, по мнению, позволяет увести мир от разрушения идентичности человека. Актуальность данного исследования характеризуется глубинными процессами западного мировоззрения первой четверти XXI века – угасанием религиозного осмысления человеческого предназначения, отход от моральности традиций и права к всепоглощающему эгоизму человека, отрывающему себя от «табу и тотема».

Ключевые слова: страдание, модусная модель страдания, экзистенциализм А. Камю, экзистенциальная коммуникация, абсурдность бытия и подлинность человека.

Альберт Камю определяет религиозное мышление побуждающим верующего к смирению перед людскими страданиями, более того – возносящим поклонение вездесущему судье мира – Верховному Существо. Всевышний всеобъемлющ своим добром и карающим мечом для человека, а если он соединяет с радостью и блаженством горе, трагедии и печаль, то таков его высший смысл. Страдания очистят души. Божий бич отделит чистых от нечистых, праведных от грешных, он – зло, которое приведет в царство добра [3, с. 187]. Такое критическое отношение к религиозному догмату выводит на обозрение философии специфический вариант, определяющий причины появления, факторы проявления страдания, уже в основе на проблематике неподлинности существования человека.

Сюжетная линия творений А. Камю проходит сквозь взаимоотношения индивидуума с окружающим его миром общества и природы. Философия Камю развивается в период значительной утраты религиозных принципов

в западноевропейских странах и наступления преобладающего тезиса о конечности существования человека в категорическом измерении, что нет никакого продолжения после земной смерти, есть пустота и забвение. Одиночество человека перед фактором смерти делает его земную жизнь практически бессмысленной. Экзистенциальная философская трактовка существования продолжает играть большую роль в первой четверти XXI века, несмотря на всепоглощающий общественный гедонизм западной модели развития общества. Смерть человека заглушает, даже при любом оптимистичном раскладе, целеполагание жизненных принципов. Живи на «полную катушку», пока не умер, бери от жизни всё, что сможешь, ведь скоро тебя не станет навсегда. Зачем смотреть на других людей и их принципы, реализуй свои, даже если они кажутся другим вызывающими и наносящими вред традициям и нормам.

В экзистенциализме Камю на особом счету и особом пьедестале абсурд. Камю характеризует человека, как

познающего мир и себя полагающего не научными методами и философскими постулатами, а сенсорно-моралистического прагматика, которому скучно в этом мире, полного проблем, мешающих раскрыть все его способности к блаженству.

Добровольный уход из жизни человека может быть объяснен его пониманием бесцельности существования в агрессивном и противоречивом мире. Лишение иллюзий по отношению к идеальности мира приводит к осознанию чужеродности мирского существования, его холодности и грубости к человеку. Человек-посторонний становится героем жизненного спектакля, в котором абсурдность и есть ярчайшее проявление страдания. «Обычно в нашей жизни мы следуем привычной рутине – встать рано, позавтракать, сесть в общественный транспорт, проработать положенное время, прийти домой, и лечь спать – вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос «зачем?». Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки. Скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание. Скука пробуждает его и провоцирует дальнейшее: либо бессознательное возвращение в привычную колею, либо окончательное пробуждение. А за пробуждением рано или поздно идут следствия: либо самоубийство, либо восстановление хода жизни» [3, с. 57].

Религия по Камю мутное стекло, не позволяющее видеть ясность реальности, а значит, человек примиряется с бессмысленным существованием. Христианская вера пытается заставить человека принять естественными страдание и смерть, но перспектива другого мира, уходящего в трансцендентное, крайне сомнительна. Камю отвергает онтологический аргумент – из наличия у нас идеи Бога нам не вывести его существование [3, с. 50-51]. Важная ценность – прозрачность взгляда на мир и максимальная полнота чувств. Камю в «Бунтующем человеке» утверждает, что людей объединяет не Христос, не мистическое тело церкви, а реальные страдания и рождающиеся из страданий бунт и солидарность. Человеческая природа не имеет ничего общего с божественной, нужно ограничиться тем, что дано природой, а не изобретать богочеловечество или человекобожество [3, с. 279]. Родившись, мы становимся частичкой какого-либо социального объединения. Человек молекулярно вплетен в общественные отношения. При таком положении дел, он делает только то, что делают другие, думает в том же направлении как другие. Подлинность самого человека скрывается под мощным навесом внешнего общественного окружения. В экзистенциальном мироощущении взаимоотношения человека с социумом на первую позицию выходит свободное конструирование связей самодостаточных и оригинальных личностей.

Человек становится идентичным себе только в обще-

нии и связи с другими людьми. Важен и тот момент, что такое общение с другими будет эффективнее, если сам человек познает свое одиночество. Экзистенциальные коммуникативные процессы переплетены с постоянным риском и доброй борьбой, которые позволяют, как найти себя, так и познать другого. Риск и борьба неизбежны в связи с потребностью подлинного диалога, а не формального общения, только в этом случае будет наиболее глубокое самовыражение.

Спасение экзистенциального человека-индивида зависит напрямую от одиночества, которое, в свою очередь, неотрывно завязано на страдании и является его проявлением. Коммуникация в этом случае прерывается и главной проблемной задачей становится перетекание человеческого существования в подлинную плоскость из неподлинного бытия.

С самого рождения у человека формируется понимание, что он живет в страданиях ради самой жизни и своего индивидуального кода. На жизненном пути встречаются самые разные по сложности преграды, которые и есть страдания во всех проявлениях. Главная преграда это зависимость от других людей, включая родителей, идет борьба за выживание через индивидуализацию и персонификацию. Существование в обществе и помогает и губит человека, но без социальности нет смысла жизни человека. Страдание испытывает нашу нравственность на прочность, ведет человека к самому себе – идеальному и добродетельному, разумному и пытливому. Страдание это преодоление негативности мира, раскрытие потенциала человека, провозглашение свободы как цели жизни. Окружающий мир не свободен и губит человека, в том числе и общественный мир. Человек через страдания должен преодолеть негатив мира и идти к своей свободе. Страдание дано для его преодоления, как гора для Сизифа, как мельница для Дон Кихота. Даже если страдание не преодолено, но у человека получилось найти именно свою индивидуальность, это уже прорыв в нахождении подлинности бытия человека.

Камю выдвигает важный тезис о человеке-знаменосце, пытающимся прорваться через рутину жизни, через религиозные догматы и общественное порицание. Главным ориентиром здесь является построение своего «Я». В абсурдном мире тоже можно выжить и победить неподлинность бытия. Человек не должен бояться абсурда, не должен стремиться от него избавиться, тем более что это просто невозможно, поскольку абсурдный мир пронизывает всю человеческую жизнь. Скорее, человек должен действовать и жить так, чтобы чувствовать себя счастливым в этом абсурдном мире [3, с. 185].

В человеческом духе от самого начала присутствует довольно серьезное противоречие между внутренними и внешними обстоятельствами жизни. Человеку свой-

ственно быть самим собой по отношению к окружающему миру, но одновременно он реализуется во внешнем мире. Такое противоречие усугубляет страдание. Человек старается быть полезным другим, должен нести благо и сострадание, но в то же самое время он должен осознать свои собственные страдания. Только поняв по настоящему свои страдания, человек может в полной мере переключиться на страдания других людей в форме сострадательных действий и помыслов. Подлинное существование конкретного человека именно так и проявится. Разобраться в себе и затем определить свою связь с окружающим миром и другими страдающими субъектами мира.

При строительстве рациональных картин мира и своего поведения, человек попал в сети своего же рационализма. Слишком много правил и норм, которые ограничивают самого человека. Инстинкты ушли на второй план, мораль догм и предрассудков, максимально рационально обоснованных, стали поглощать человека. Для Камю нынешний человек, обретя свободный путь к творению будущего, воздвиг себя на пьедестал божества, сформировал свой разум максимально превосходящим инстинктивную природу человека.

Серьезным характерным признаком новой эпохи является то, что в сравнении страдания и счастья в жизни человека именно страдательная база явно масштабнее проявлений счастья и блага. Отрицательные эмоции и умозаключения превалируют над положительными аспектами, а страдание становится атрибутивностью бытия. Необходимо не избегать страдания, а напротив, столкнуться со всей его полнотой, пережить его в максимально насыщенном, концентрированном и нагнетенном объеме. Это означает состояние, по болезненности и мучительности сопоставимое с глубоким и тяжелым душевным расстройством, с самым настоящим безумием [2, с. 286].

Страдание провоцирует человека на выбор между компромиссным отношением к миру страданий и радикальным преодолением страдания. Хотя однозначного преодоления страдания, а точнее ухода от него фактически невозможно. Для модусности страдания по Камю важнее пройти через горнило самого страшного страдания, добившись почти мазохизма через самобичевание. Нахождение подлинности своего существования в этом случае будет максимально обеспечено. Уважение и даже любовь к другим страдающим людям, отсутствие осуждения тех, кто нарушил рациональные принципы, интуитивное и инстинктивное движение к гармонии с самим собой и миром.

Любовь и понимание, щедрость и жертвенность по отношению к другим страдающим – гуманизм озарения собственного я. Нельзя замыкаться только на себе,

но и от себя нельзя ни в коем случае уходить. Разрушение своей личности происходит от непонимания своего страдания, от не признания смертности и конечности своего пути в этом мире, от отрицания страдания других людей и пренебрежения их проблемами. Чем больше страдал человек и при этом понимал суть своих и чужих страданий, тем быстрее он выйдет на осознание подлинности существования в этом мире.

Проявлениями страдания человека в неподлинной жизни являются переживания по поводу своей идентичности, оценки своего соотношения с внешним миром, отрицание универсализма в оценке человека. В период глобальных процессов универсализации есть сильное желание проявить как можно больше отличительных и самобытных характеристик. Первые десятилетия XXI века привели к тому, что страдающий человек стремится к поиску своего отличительного бытия, ищет пути освобождения от атрибутивности жизни, поддерживает таких же, как он сам, но при этом не стремится сколотить новые нормы и институты для продвижения своих идей. Человек осознает, что страдание показатель внутренней борьбы с общепринятыми законами, нарушение которых может привести к серьезному порицанию. Но важно освободиться от тех законов, которые превращают человеческую жизнь в неподлинную. Страдание реальная попытка принять и осознать ошибочность пройденного пути.

Внутренний выбор человека не может опираться только на имманентность своего существования, крайне важно осознавать свое индивидуальное существование в общественном пространстве и в мире в целом. Неподлинность жизни, вызывающее страдания, приводит к проявлениям негодования по отношению к себе, неприятие к окружающему миру. Именно страдание вдохновляет дух человека на преодоление всех противоречий. Страдание исцеляет человека от негатива жизни и отрицательной оценки окружающего мира. Появление надежды на подлинность делает человека сильнее и перспективнее, он открывает в себе новые возможности.

Страдание позитивно в своей связи с подлинным смыслом существования в этом мире, в гармонии с внутренним миром человека, который видит в страдании нормальный процесс исцеления от глубинных поражений неподлинности. Танатальность перетекает в витальность, человек отрекается от идей самоубийства и обреченности. Страдание освобождается от трагичности и бесперспективности, становясь рычагом к возрождению человека.

Человек, освобождаясь от традиционных предрассудков, религиозных догматов и общественных границ, не желает понимать страдание как плату за грехи, или как путь к иному мирозданию, просветлению и очищению. Современный человек, в экзистенциальной кон-

цепции, идет к поиску себя в огромном и крайне сложном мире, выводит себя из слишком обусловленного и зацикленного на существующих постулатах общества. Страдание не орудие для наказания, оно как лекарство

от многих болезней. Важно во время его применить и не забывать, что мир слишком многолик, а значит, что нет единого рецепта для лечения человека от его сомнений и переживаний, боли и потери ориентира в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарнцев, М.А. Проблема самосознания в западноевропейской философии / М.А. Гарнцев. – М.: Мысль, 1987. – 215 с.
2. Дугин, А. Русская вещь / Мазохизм и инициация / А. Дугин. – М.: Арктогея, 2001. – 354 с.
3. Камю, А. Миф о Сизифе; Бунтарь / А. Камю – Минск: Попурри, 1998. – 554 с.
4. Руткевич А. Философия А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. – 415с.
5. Токарев, Д.А. Жизненные смыслы страдания. Модели причин, проявлений и преодоления страдания / Д.А. Токарев. – Saarbrucken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 128, с.

© Токарев Дмитрий Анатольевич (mityatokarev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский институт водного транспорта (филиал) Сибирский государственный университет водного транспорта

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТА АКАДЕМИИ ГРАЖДАНСКОЙ ЗАЩИТЫ МЧС РОССИИ

VALUE PRIORITIES OF THE CADET'S HUMANITARIAN CULTURE ACADEMY OF CIVIL PROTECTION OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

**P. Chizhik
I. Chernih
Z. Makatov**

Summary: The article presents a socio-philosophical analysis of the humanitarian culture of a cadet of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, its place and role in his spiritual world, an understanding of the most common value priorities and requirements for its qualitative state and formation in modern conditions.

Keywords: culture, spiritual culture, humanitarian culture, professional culture, military professional activity.

Чижик Петр Иванович

доктор философских наук, профессор,
Академия гражданской защиты МЧС России
pi.chizhik@yandex.ru

Черных Иван Иванович

кандидат исторических наук, доцент,
Академия гражданской защиты МЧС России
ivan19551@yandex.ru

Макаатов Зураб Валерьевич

кандидат философских наук, старший преподаватель,
Академия гражданской защиты МЧС России
makatov85@mail.ru

Аннотация: В статье представлен социально-философский анализ гуманитарной культуры курсанта Академии гражданской защиты МЧС России, ее места и роли в его духовном мире, осуществлено осмысление наиболее общих ценностных приоритетов и требований, предъявляемых к ее качественному состоянию и формированию в современных условиях.

Ключевые слова: культура, духовная культура, гуманитарная культура, профессиональная культура, военно-профессиональная деятельность.

Профессия спасателя всегда занимала свое особое место в российском обществе и государстве, социальная значимость которой отчетливо проявляется в достаточно высоких нравственных требованиях к носителям данной профессии. В системе структурных подразделений МЧС России сегодня остро ощущается потребность в специалистах, обладающих высоким уровнем общей культуры, ответственности, разносторонними профессиональными знаниями, навыками и умениями, широким кругозором и эрудицией, способностью творчески и самостоятельно решать самые сложные управленческие задачи. В этой связи, существенно вырос социальный запрос на формирование нового духовного облика выпускника военного вуза – высококультурного, образованного, профессионально подготовленного и патриотичного, остро чувствующего свою личную сопричастность к судьбе своей страны и государства.

Для Академии гражданской защиты МЧС России, готовящих будущих офицеров, особое значение приобретает формирование у них высокого уровня общей и профессиональной культуры. Важно подчеркнуть, что гуманитарной культуре с ее набором позитивных смыслов и ценностей, отводится доминантная роль в общей культуре выпускника академии. Объясняется это во многом тем, что глубокое и прочное закрепление в духовном мире курсанта базовых ценностей гуманитарной культуры позволяет ему определять устойчиво позитивную стратегию жизни и воинской службы, выстраивать вы-

соконравственные отношения со своими командирами и сослуживцами. Практическая реализация усвоенных гуманитарных ценностей позволяет также обеспечивать необходимый баланс общественных, военно-профессиональных и личных интересов.

Военно-профессиональная деятельность курсантов как будущих офицеров МЧС России во многом выстраивается на духовных ценностях, определяющими среди которых являются войсковая дружба и товарищество, доверие, уважение, коллективизм и взаимная поддержка, взаимовыручка и взаимопомощь в самых сложных жизненных ситуациях. Без данной системы ценностей невозможно успешно осуществлять военно-профессиональную деятельность, связанную со спасением жизни и сохранением здоровья граждан. Накопленный опыт воинской службы свидетельствует о том, что успешная деятельность современного выпускника Академии гражданской защиты МЧС России в войсках во многом определяется не только его высоким уровнем профессиональной подготовки, но и ценностными приоритетами освоенной им в вузе гуманитарной культуры.

В духовном мире современного курсанта МЧС России ценности гуманитарной культуры занимают особое место, по существу являясь ядром его общей культуры. К гуманитарным ценностям по праву можно отнести гуманизм, справедливость, милосердие, уважение, сострадание, порядочность, с позиций которых челове-

ская жизнь неизменно рассматривается как высшая социокультурная ценность. Именно на данных ценностных основаниях и приоритетах и выстраивается вся профессиональная деятельность, как офицерского состава, так и гражданских специалистов в структурных подразделениях МЧС России.

Совокупность гуманитарных духовных ценностей во многом определяет позитивное состояние и направленность сознания, мировоззрения и социальных качеств курсанта, формируемых в процессе изучения наук об обществе и человеке и реализуемых в ходе его повседневной военно-профессиональной деятельности. С позиций освоенных и переведенных в свой духовный мир ценностей гуманитарной культуры курсант способен встать на защиту добра и справедливости, а также активно противостоять злу в различных формах его проявления.

Необходимо отметить, что гуманитарные ценности являются результатом напряженной интеллектуальной, творческой деятельности курсанта как будущего офицера. На базе усвоенных гуманитарных ценностей у курсанта формируется активная гражданская позиция, осуществляется реализация сущностного смысла его жизни и воинской службы. Важно отметить, что процесс формирования гуманитарной культуры у курсантов в период всего цикла их обучения в вузе должен носить целенаправленный, устойчиво-позитивный характер, а не проявляться от случая к случаю. В свое время известный античный философ Платон (427–347 до н.э.) высказал весьма глубокую по своей сути идею о том, что «невозможно стать хорошим человеком случайно» [1, с. 90].

Следует отметить, что гуманитарная культура определяется той особой ролью, которую играют социально-гуманитарные науки в формировании духовного мира современного курсанта, ориентирующие его на постоянное развитие и самосовершенствование как личности. Гуманитарная культура с ее набором смыслов и ценностей, к которой в академии приобщается курсант, помогают ему понять важнейшие аспекты жизни современного российского общества, обусловленные единством, взаимосвязью и взаимным влиянием в нем материального и духовного бытия. Важно отметить, что на основе ценностных оснований гуманитарной культуры у каждого курсанта вырабатывается свое вполне адекватное представление о себе и других людях, о военно-социальных явлениях и процессах далекого исторического прошлого, современного и будущего развития российского общества и государства.

Гуманитарная культура способна вооружить своего носителя вполне надежной ценностной основой для определения устойчивых служебных и жизненных перспектив. Позитивно ориентированная в ценностном отношении гуманитарная культура курсанта служит не-

обходимой основой для добросовестного выполнения им своего служебного долга, строгого соблюдения важнейшего нравственного требования – всегда и везде поступать, по совести. Представляется, что реализация позитивных возможностей духовного мира того или иного курсанта возможна лишь на основе приверженности ценностям гуманизма, справедливости, честности, высокой личной ответственности.

Сегодня в духовном мире большинства курсантов как будущих офицеров особое место занимают такие ценности как справедливость, долг, честь, совесть, порядочность, достоинство, ответственность, дисциплинированность, инициативность, которые рассматриваются ими в качестве наиболее значимых приоритетов жизни и воинской службы. При всем своем желании, данные духовно-нравственные качества не могут появиться сами по себе, их невозможно заимствовать у кого-то, их необходимо выработать в себе каждому курсанту за период своей учебы и службы в стенах академии.

Важно отметить, что позитивно ориентированное содержание гуманитарной культуры курсанта невозможно сформировать по особой команде или по приказу сверху. Это объясняется тем, что формирование позитивного содержания духовного мира человека всегда носит ярко выраженный индивидуальный характер. Как справедливо отмечает В. Франкл (1907-1995), «невозможно заставить того или иного человека верить в кого-то или во что-то, так же, как любить кого-то или дружить с кем-то» [2, с. 39]. По его мнению, каждый человек в процессе своей жизни в социуме должен вполне самостоятельно определить, «что для него является существенным, а что нет, что имеет смысл, а что нет, за что отвечать, а за что нет» [3, с. 336].

В результате изучения в академии таких социально-гуманитарных дисциплин как философия, история, политология, социология, культурология, психология, педагогика, экономика, этика, религиоведение, основы православной культуры в духовном мире курсантов формируется необходимая совокупность социально-значимых «ценностных ориентаций и установок, норм и принципов жизни, убеждений и верований» [4, с. 44–45], способствующих выработке у них своего особого взгляда на мир военно-социальных явлений, а также положительной мотивации к учебе и военной службе. По своей теоретической и практической значимости социально-гуманитарное знание – это совокупная мудрость многих поколений людей, характеризующая их интеллектуальную, мировоззренческую и методологическую зрелость.

Сформированная в период обучения в вузе позитивно ориентированная духовность курсанта предполагает четкую ориентацию на общезначимые ценности и смыслы социальной жизни, а также цели и задачи военно-

профессиональной деятельности. Важнейшим элементом духовного мира современного курсанта выступает мировоззрение со своей познавательной, ценностной и поведенческой подсистемами. Именно мировоззрение внутренне мотивирует и ориентирует общекультурную и военно-профессиональную активность современного курсанта, его поведение, общение и деятельность. Оно фокусирует внимание курсанта на позитивном отношении к жизни и воинской службе, интегрируя в себе базовые ценности гуманитарной культуры.

Важно отметить, что элементы гуманитарной культуры в мировоззрении и во всем духовном мире личности курсанта объединяет и интегрирует философия, которой отводится решающая роль в понимании, объяснении и интерпретации важнейших аспектов социального бытия общества и человека. Философское мировоззрение курсанта позволяет ему осуществлять системное осмысление мира социальных и военных явлений и процессов в соотношении с тем, кто осмысливает, с его местом и ролью в обществе, потребностями и интересами, правами и свободами, обязанностями и ответственностью, идеалами и возможностью их достижения. Переосмысленные философские знания общего и всеобщего характера оказывают активное влияние на формирование общекультурной мировоззренческой позиции курсанта, образуя ядро его гуманитарной культуры.

Важную роль в формировании гуманитарной культуры современного курсанта играют исторические знания. Глубокое знание героической истории своего государства, общества и народа позволяют сформировать истинного гражданина и патриота своей Родины, вооружают объективным пониманием места Российской Федерации в мировом сообществе. Представляется, что, не зная прошлого, невозможно осмыслить и понять настоящее, заглянуть в будущее. Только через историю можно постичь духовный мир своего народа, понять его язык и культуру.

Современному курсанту как будущему офицеру крайне необходимы основательные знания в области психологии и педагогики, включающие в себя знания о методах обучения и воспитания различных категорий военнослужащих, эффективного морального и материального стимулирования их военно-профессиональной деятельности, о многообразных способах и формах создания в воинских коллективах здоровой духовно-нравственной атмосферы, разрешения конфликтных ситуаций.

По существу, каждая из преподаваемых в академии социально-гуманитарных дисциплин вносит свой весомый вклад в формирование гуманитарной культуры курсанта. Какой бы неосознанной на первый взгляд ни казалось содержание гуманитарной культуры курсанта, она способствует формированию в его духовном мире

необходимой совокупности переосмысленных мировоззренческих знаний, идеалов и убеждений, ценностных установок и ориентаций, позволяя ему сформироваться как высоконравственная, ответственная и творческая личность. Английский философ Дж. Локк (1632–1704) в свое время вполне справедливо утверждал, что «духовно неразвитые люди вряд ли в состоянии высоко подняться и очень редко чего-нибудь достигают» [6, с. 59]. Многочисленные примеры выпускников академии свидетельствуют о том, что реальные перспективы в жизни и выбранной воинской профессии открываются только перед духовно развитыми, честными, образованными, целеустремленными, трудолюбивыми, инициативными, творческими и ответственными курсантами, по-настоящему любящими избранную воинскую профессию.

Изучение курсантами социально-гуманитарных наук в академии оказывает им существенную помощь в определении своего места и роли в культуре общества и его военной организации, в осознании социальной значимости профессии спасателя. Именно в рамках гуманитарной культуры осуществляется осознанный «сплав» позитивно-ориентированных идеалов и убеждений, интересов и потребностей, ценностных ориентаций и установок. В конечном итоге, это позволяет курсанту проявлять свои лучшие человеческие качества, как в процессе повседневной воинской службы, так и в самых сложных жизненных ситуациях.

Социально-гуманитарные знания призваны оказать действенную помощь курсанту в его духовном становлении, развитии и совершенствовании. Сегодня особую востребованность приобретает не столько объем получаемых тем или иным курсантом социально-гуманитарных знаний, сколько способность успешно применять их для решения общесоциальных и военно-профессиональных задач. Следует отметить, что возможность для проявления своих способностей, предпочтений, ценностных ориентаций и установок у курсантов младших и старших курсов весьма существенно различается между собой. Далеко не все обладают высокой мотивацией, направленной на получение в процессе обучения глубоких и прочных социально-гуманитарных знаний. Часть курсантов вполне сознательно отдает предпочтение более углубленному изучению специальных (технических и военных) дисциплин. Это наглядно свидетельствует о том, что степень развитости гуманитарной культуры у разных категорий курсантов может быть, как достаточно высокой, так и находиться на относительно низком уровне. И это при том, что по итогам освоения содержания социально-гуманитарных дисциплин в академии все курсанты получают в основном положительные аттестации.

Следует отметить, что гуманитарная культура курсанта академии выступает одним из важнейших элементов и признаков его духовной культуры. Ценностные осно-

вания и приоритеты гуманитарной культуры курсанта начинают быть для него социально-значимыми, когда они вполне осознанно переводятся в содержание его духовного мира. По своему содержанию и направленности гуманитарная культура курсанта выражает меру и качество его духовного освоения состояния и динамики развития общественных явлений и процессов, места и роли в них человека. По существу, гуманитарная культура выступает качественной характеристикой «содержания сознания, особенностей и направленности мировоззрения, гуманистической деятельности на основе позитивно-ориентированных духовно-нравственных качеств личности» [5, с. 81-82]. На наш взгляд, высокий уровень духовной культуры с ее совокупностью смыслов и ценностей во многом позволяет исключить (или заметно снизить) негативные стремления отдельных курсантов решать свои служебные и внеслужебные вопросы нарушая требования правовых, нравственных и религиозных норм и принципов, игнорируя права и свободы своих товарищей и сослуживцев.

Представляется, что формирование позитивного содержания гуманитарной культуры напрямую зависит от слаженной работы профессорско-преподавательского состава и командного состава академии, а также непосредственно самих курсантов, их высокой мотивации и ответственности. В этом плане, академия неизменно рассматривается в качестве основного центра обучения и воспитания молодых специалистов, их качественной подготовки к предстоящей военно-профессиональной деятельности, к занятию ими активной гражданской позиции. Отсюда, образовательный процесс и вся повседневная жизнедеятельность академии во многом сориентированы на наполнение их гуманистическим ценностным смыслом.

Важно отметить, что чем многообразнее в количественном и качественном отношении запас общекультурных гуманитарных знаний у того или иного курсанта, тем более серьезную мировоззренческую опору в понимании и оценке происходящих в российском обществе и военном деле явлений и процессов он получает. В этой связи, хотелось бы обратить внимание на ряд важных обобщений и выводов. *Во-первых*, овладение высоким уровнем гуманитарной культуры возможно только на пути личностной мировоззренческой целеустремленности и колоссальной работоспособности каждого курсанта. Достижение ощутимых позитивных результатов в жизни и военно-профессиональной деятельности с помощью минимальных духовных и физических затрат в принципе невозможно. *Во-вторых*, недостаточно высокий уровень гуманитарной культуры у того или иного курсанта не компенсируется за счет большей степени развитости его профессионализма и компетентности.

Хотелось бы обратить внимание на проблему нераз-

рывного единства гуманитарной и военно-профессиональной культуры современного курсанта. Отдельные представители технических и военных кафедр академии предпринимают настойчивые попытки обосновать тезис о приоритетности узкопрофессиональной подготовки всех категорий обучаемых. По их мнению, главной задачей образовательной деятельности должно быть повышение уровня и качества овладения курсантами необходимой совокупности военно-профессиональных знаний, формирование умений и навыков их практического применения. В представленной позиции формированию гуманитарной культуры курсанта отводится явно второстепенная роль.

На наш взгляд, сторонники данного похода сознательно (или несознательно) игнорируют базовое положение о том, что гуманитарная культура объективно нацелена на формирование духовно богатой и развитой личности. Если военно-профессиональная культура курсанта академии проявляется в его знаниях по профессии и специальности, в соответствующих навыках и умениях, то гуманитарная культура характеризует его как современного человека, чье мировоззрение и духовно-нравственные качества соответствуют самым высоким требованиям и стандартам жизни в российском обществе и государстве. С позиций усвоенной гуманитарной культуры перед курсантом как будущим офицером открываются реальные перспективы проявить свои самые лучшие духовно-нравственные качества в избранной профессии спасателя, стать настоящим патриотом и гражданином своей великой страны.

В свое время немецкий педагог-новатор А. Дистервег (1790-1866) вполне справедливо отмечал: «как никто не может дать другому того, что не имеет сам, так не может развивать, воспитывать и образовывать других тот, кто не является сам развитым, воспитанным и образованным» [7, с. 74]. Действительно, успешно обучать и воспитывать подчиненных, формировать высоконравственную атмосферу в воинском коллективе сможет только тот, кто добровольно и сознательно избрал офицерскую профессию и, кто сам по-настоящему является примером высокой культуры, образования и воспитания.

Практикой воинской службы подтверждается тот факт, что технико-специальные знания у курсантов академии в обязательном порядке должны быть обогащены (дополнены) общекультурной, гуманитарной ценностной составляющей. На наш взгляд, наиболее успешному решению данной задачи в масштабе вуза может способствовать: а) повышение статуса преподаваемых в академии социально-гуманитарных дисциплин и их роли в формировании духовной культуры курсанта; б) более тщательный отбор и назначение на вакантные должности наиболее подготовленных в профессиональном плане и духовно зрелых педагогов; в) создание наиболее

благоприятной духовной атмосферы (условий) в академии для самореализации внутреннего духовного потенциала профессорско-преподавательского состава и всех категорий обучаемых; г) совершенствование системы морального и материального стимулирования труда профессорско-преподавательского состава и отлично успевающих обучаемых; д) существенное повышение качества профессиональной переподготовки профессорско-преподавательского состава в лучших вузах России и г. Москвы.

Сегодня современному российскому государству необходимы не только высококлассные и ответственные специалисты, но и просто честные, порядочные и со-

вестливые граждане во всем своем духовном богатстве. Конечно, хороший гражданин может оказаться плохим офицером без соответствующей военно-профессиональной специальной подготовки - в том нет ничего удивительного, «но горе той стране, где офицеры - плохие граждане...» [8, с. 155].

В качестве общего вывода можно констатировать, что без глубокого и прочного усвоения курсантом ценностей гуманитарной культуры военно-профессиональные знания, навыки и умения, какими бы обширными и развитыми они не были бы, не могут дать ему заметно высоких результатов в формировании прочных основ военно-профессиональной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 90.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. С. 39.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. С. 336.
4. Каверин Б.И., Чижик П.И. Методологические основы формирования гуманитарной культуры в вузе. – М.: Вестник военного университета, 2012. – №2. – С. 44-50.
5. Каверин Б.И., Чижик П.И., Духовная культура личности офицера российской армии. – М.: Вестник военного университета, 2012. – №1. – С.81-86.
6. Локк Дж. Мысли о воспитании //Величие здравого смысла: Человек эпохи Просвещения /Сост. С.Я. Карп. – М.: Просвещение, 1992. С. 59.
7. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. С. 74.
8. Юрьев Л. К реформе нашей военной школы //Офицерская жизнь. – 1907. – № 60. – С. 155.

© Чижик Петр Иванович (pi.chizhik@yandex.ru), Черных Иван Иванович (ivan19551@yandex.ru),
Макатов Зураб Валерьевич (makatov85@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

INTERNAL PATTERNS AND SOCIAL FACTORS OF TECHNICAL ACTIVITY DEVELOPMENT

A. Shustov

Summary: The article reveals internal and external patterns of development of technical activities. The role of social needs in its development is shown. It also analyzes technical contradictions as an internal mechanism for the development of technical activities.

Keywords: technology, technical activities, technical patterns, technical expertise, technical requirements, technical contradiction.

Шустов Александр Федорович

Д. филос. н., профессор, Брянский государственный аграрный университет
shustovaf@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются закономерности развития технической деятельности. Показана роль социальных факторов в ее развитии, а также анализируются технические противоречия как внутренний механизм развития технической деятельности.

Ключевые слова: техника, техническая деятельность, технические закономерности, технические науки, технические потребности, технические противоречия.

Целью данной статьи является попытка выявить внутренние закономерности и социальные факторы развития технической деятельности на современном этапе ее развития. Поскольку с бурным развитием научного знания ее предмет постоянно усложняется приобретает новые свойства и характеристики, что выражается в модификации уже имеющихся технических средств и создании новых. Соответственно, меняется их детерминация, и к уже известным механизмам добавляются новые. Становление технической деятельности сложный механизм включающий в себя изменения как в материальной основе, создания новых искусственных материалов, так и в функциональной структуре технических устройств и механизмов. Появляются новые.

В процессе ее функционирования обнаруживаются новые, еще не реализованные технические возможности, возникают новые проблемные ситуации, выход из которых влечет за собой изменение технического устройства или его замену, т.е. осуществляется качественный переход к новому уровню развития и функционирования технических систем.

Диалектика технического развития, анализ внутренних противоречий в развитии техники, с одной стороны показывает процесс сокращения возможностей данной техники, с другой позволяет искать выход для их расширения и необходимость на определенном этапе переходить к качественно новым техническим решениям. Поэтому необходимо четко разграничивать понятия «развитие» и «изменение». Понятие «изменение» характеризует преобразование деталей, узлов, отдельных элементов технических средств, которые сами по себе еще не ведут к преобразованию функций технических средств как цело-

го. Развитие представляет собой не всякое изменение в структуре объекта, а его качественное изменение. Поэтому о качественном развитии в технической деятельности можно говорить лишь в том случае, если новое техническое средство опредмечивает ту или иную функцию человека или качественно ее преобразует.

Выделяются две группы факторов, детерминирующих развитие технической деятельности. Первая группа – это внутренняя логика развития технической деятельности, связанная с развитием технического знания. Понятие внутренней логики развития технической деятельности затрагивает ее субстанциональную сторону, ее элементы и структуру, позволяет вычлнить многие технические закономерности, которые выражаются в смене вещественного субстрата, структуры, функции. Причем внутренней эта связь называется не из-за пространственного расположения, а потому, что эта связь играет важную роль в процессе возникновения и развития данного явления. Внутренняя логика развития технической деятельности раскрывает ее внутреннюю технологическую необходимость, выраженную в закономерностях ее развития.

Под закономерностями развития техники понимаются устойчивые, выступающие в ее развитии, или существенные связи, прослеживаемые между этапами, стадиями и фазами этого развития. Техническая закономерность представляет собой своеобразный вектор движения технической системы, она раскрывает пределы ее устойчивости, принципы организации и функционирования. Техника развивается не только в историческом времени и пространстве, но и во всем богатстве и многообразии своих форм, опираясь на внутреннюю

логику и закономерности, которые присущи ей. Обращение к проблеме закономерностей неизбежно ставит вопрос: существуют ли собственно технические закономерности или признание таковых ведет к отрыву техники от человека, его целесообразной деятельности? Определяется ли переход от одних технических средств к другим внутренней логикой развития техники или этот переход обусловлен комплексом естественнонаучных, технических и социальных закономерностей? Многие ученые по-разному отвечают на этот вопрос, анализируя прямо или косвенно закономерности технического развития. В своем анализе мы будем опираться на таких известных авторов, как А.А. Зворыкин, Ю.С. Мелещенко, И. А. Негодаев, Г.Н. Волков, А.И. Половинкин, А.Ф. Эсаулов, Ж. Эллюль и другие.[1]

Некоторые из них технику рассматривают как некоторую самодовлеющую систему, которая не подчинена человеку, а существует автономно, развиваясь по своим принципам и законам. Так, Ж. Эллюль категорически объявляет технику независимой от внешней необходимости, выраженной в социальных потребностях общественного развития и приписывает технике совершенно самостоятельную и главенствующую роль в определении механизмов развития. Собственные внутренние закономерности, по его мнению, являются определяющими, так как техническая деятельность обладает самостоятельной реальностью, развивающейся по своим собственным законам. Подобный подход разделяет и американский философ Г.Л. Парсонс; он считает, что «с тех пор как человек социализировался, техника выступает как род социальной деятельности»[2, С.89], которая подчинена объективным специфическим закономерностям развития. Становится совершенно непонятно, как обеспечивается действие этих закономерностей. Ведь техника сама по себе не развивается. Чтобы обеспечить ее развитие, необходима соответствующая деятельность людей.

Другие авторы при анализе развития техники, технического знания и технической деятельности отрицают их собственные закономерности. Так как техника занимает промежуточное положение между природой и обществом, то и ее развитие, по их мнению, подчиняется только природным и общественным закономерностям. Действительно, техника занимает промежуточное положение и включает в себя естественную и общественную природу. Рассматривая такой подход, стоило бы отметить, что здесь не учитывается принципиальное отличие технических закономерностей от природных. В связи с этим мы не можем не поставить следующие вопросы: вопросы, сохраняются ли естественнонаучные теории в структуре технической деятельности как нечто неизменное, или же они постоянно трансформируются? Способны ли технические науки расширенно воспроизводить техническое знание, или же они довольствуются толь-

ко результатами естественнонаучных теорий и знаний? Необходимо отметить, что естествознание вскрывает только наиболее общие законы природы, объясняя при этом, почему мир таков, а не другой. Техническая деятельность творит новую природу по своим специфическим законам, и явления второй природы существенно отличаются от естественных природных процессов, поскольку это элементы другой искусственной системы, действующей по своим специфическим законам.

Если бы техника представляла собой всего-навсего совокупность явлений, порожденных природой, то не могло бы быть и речи о какой-то иной детерминации технических явлений. Все технические объекты есть нечто новое, то, чего раньше не было в природе, чего природа не создавала и не может создать. И это новое не может быть исчерпано и объяснено лишь законами природы, хотя они, безусловно, действуют в любой созданной людьми технике.

Кроме того, в процессе использования законов природы человек по-разному может комбинировать устройства для использования этих законов, создавая такие их сочетания действия, которые не встречаются в природе. Но если при всем своеобразии технические процессы включают в себя законы природы, то переход от одной формы техники к другой уже никак не может быть вызван законами природы. Если силы природы, поставленные на службу человеку, сами без его вмешательства могут осуществлять в течении определенного периода времени движение созданной техники, то эти силы сами по себе не могут без вмешательства человека осуществлять усовершенствование техники.

Более того, современная техническая наука во многих случаях опережает развитие естествознания и приобретает технические знания, которые не могут быть обеспечены с помощью уже познанных законов природы. И тем самым техника дает импульс на поиски новых природных законов. «Таким путем, - отмечает, например, Э. Штрекерт, - не только укрепляется взаимосвязь естественнонаучного и технического развития: в этом, в общих чертах, вырисовывается отношения условий познания законов природы и технических закономерностей. Ибо открытые естествознанием законы природы создают условия для технического исследования... В противоположность этому технология вполне может вести к открытию новых естественных законов»[3, с. 64].

В пользу того, что техника обладает собственными не сводимыми к характеристикам естественнонаучного знания, закономерностями говорит подмеченный Г.И. Шемелевым факт, что «при неизменных естественнонаучных характеристиках технических объектов применение собственно технических знаний и закономерностей ведет к самым разнообразным техническим

эффектам»[4, с.57]. При этом следует заметить, что «технологическая необходимость, какой бы строгой она ни была, всегда в то же время представляет собой способ проявления общественной необходимости, например, таким образом, каким лейбницская монада «репрезентирует» целое»[5, с. 337].

Вторая группа - внешние закономерности, обусловленные результатом социальных потребностей и культурных особенностей, которые выражаются в социальных потребностях и оказывают большое влияние на формирование целей и задач в технической области. Совокупность этих факторов образуют социальные, экономические, этические, эстетические регуляторы технической деятельности.[6]

Говоря о внешних факторах и закономерностях развития технической деятельности, мы должны подчеркнуть, что понятие «внешняя закономерность» носит условный характер, так как нельзя считать внешними для явления те закономерности, которые порождают эти явления и определяют их развитие. В частности это касается социальных закономерностей, т.е. тех закономерностей, которые определяют уровень технической деятельности как социального явления. Поэтому разделение на внешние и внутренние носит методологический характер отражающий специфику природы технической деятельности. При этом следует учитывать, что внутренние и внешние детерминирующие факторы не только взаимосвязаны, но и активно взаимодействуют, а процесс этого взаимодействия обуславливает реальный процесс развития технической деятельности.

Основной движущей силой развития технической деятельности является противоречие между постоянно растущими техническими потребностями общества и возможностями удовлетворения этих потребностей имеющейся техникой, т.е. противоречие между техническими задачами и техническими возможностями их разрешения, которые в наибольшей степени были бы благоприятны для природы, общества и культуры.

Специфика противоречий, присущих технике, заключается не в самопротиворечивости, внутренней активности, самодвижении. В конечном счете это свойство всех диалектических противоречий. Но процесс возникновения и разрешения технических противоречий предполагает сознательную деятельность людей, социального субъекта, познающего и формирующего

эти противоречия. Сознательный генезис технических противоречий не означает отрицания их объективной природы. Их суть - противоречия искусственного и естественного в технической деятельности, опредмечивающей в технических объектах. Техническое противоречие это не природное, а социальное противоречие. В природном противоречии нет ни субъекта, ни объекта. В природе нет технических противоречий. Но технические противоречия - это не противоречия собственно техники, а противоречия технической деятельности, которые разрешает субъект в процессе создания техники. Когда же техника создана, то противоречия разрешены.

Если технические противоречия не разрешены, техника оказывается неработоспособной. Многие авторы, опираясь на понимание противоречий как внутреннего источника развития явлений, стремятся решить вопрос о причинах развития техники и технической деятельности как проблему ее самодвижения, в значительной степени определенной внутренними техническими противоречиями.

Техническая деятельность – это сложное социальное явление, в котором всегда синтезируется целая совокупность социальных и технических противоречий, которые специфически выступают на разных этапах ее развития. Социально-технические противоречия, определяя конкретное содержание технических проблем, в процессе их преодоления, в свою очередь порождают совокупность новых технических проблем, что и обеспечивает механизм развития технической деятельности.

Совокупность социальных факторов и внутренних закономерностей определяют условия развития технической деятельности, общую логику развития техники. Удовлетворение непрерывно растущих общественных технических потребностей путем передачи все большего числа трудовых функций техническим средствам тем самым определяют направление и содержание развития технической деятельности. Поэтому общие закономерности и направление развития технической деятельности обусловлены логикой социальных потребностей в технике, что означает историко-логическое развитие технической деятельности детерминируется социокультурными закономерностями развития. В этом контексте важно понимать противоречивость социокультурной регуляции технической деятельности [7,8]. Значит правомерно признание и учет закономерностей этой группы и недопустима их недооценка и игнорирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шустов А.Ф. Техническая деятельность: социокультурный анализ: монография. Брянск: Изд-во Брянской ГСХА, 2000. 204с.
2. Парсонс Г.Л. Человек в современном мире. - М., 1985, С. 89.
3. Штрекер Э. Философия техники: трудности одной философской дисциплины // Философия техники в ФРГ. - М., 1989. С. 64

4. Шеменев Г.И. Методологические вопросы технического знания // Вопросы философии. - 1976, №11. С. 57
5. Адорно Т.В. О технике и гуманизме //Философия техники в ФРГ. - М., 1989, с.337
6. Шустов А.Ф. Социальная составляющая в структуре технической деятельности как возможность контролируемого ее развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. -2021. -№11. -С. 92-95
7. Свидерский А.А. Противоречивость ценностно-нормативной регуляции взаимодействия техногенного общества и природы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. - 2021. - № 11. - С. 78-80.
8. Свидерский А.А. Кризис ценностного мира человека в техногенном обществе // Состояние, проблемы и перспективы развития современной науки. Сборник научных трудов национальной научно-практической конференции. 2021. - С. 280-284.

© Шустов Александр Федорович (shustovaf@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Брянский государственный аграрный университет

Наши авторы

Arkhangelskaya N. – Graduate student, Russian State Social University, Moscow

Bogdanov V. – Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky; Director of Limited Liability Company "Quality of Life Management" (Krasnoyarsk)

Bolmusov P. – post-graduate student, National Research Mordovian State University. N.P. Ogareva, Saransk

Chernih I. – Ph.D (Historical Sc.), Civil Defence Academy EMERCOM of Russia

Chizhik P. – Ph.D (Philosophical Sc.), Civil Defence Academy EMERCOM of Russia

Eldin M. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, National Research Mordovian State University. N.P. Ogareva, Saransk

Fesenko S. – Master's student Voronezh State Pedagogical University, Voronezh

Ignatov K. – graduate student, Moscow City Pedagogical University Institute of Special Education and Psychology

Ivanov D. – Samara State University of Social Sciences and Education

Kalinina V. – Teacher, Penza State Agrarian University

Khaidov S. – PhD in psychology, associate professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Khokhrina A. – Samara State University of Social Sciences and Education

Our authors

Koroleva- Konoplyanaya G. – Doctor of Political Sciences, Professor, Moscow Economic Institute, Moscow

Kovaleva M. – Candidate of Philosophical Sciences, Kursk Academy of State and Municipal Service

Makatov Z. – Ph.D (Philosophical Sc.), Senior Lecturer, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia

Mazhinsky S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Tyumen State University (Subdivision: School of Environmental and Society Studies)

Nozdrachev K. – Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Head of Educational Centre, Limited Liability Company "Quality of Life Management" (Krasnoyarsk)

Petrenko O. – candidate of Philological Sciences, Bryansk GAU

Shustov A. – doctor of philosophy, Professor, Bryansk State Agrarian University

Svidersky A. – Senior Lecturer, Bryansk State Agrarian University

Telegin A. – Candidate of Philosophical Sciences, Kursk state University

Tetenkov N. – Ph.D., Northern (Arctic) Lomonosov Federal University

Tokarev D. – candidate of philosophy, Omsk Institute of water transport-branch of Siberian State University of Water Transport, Omsk

Ulanova A. – Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Zabolotskaya E. – PhD in Technology, docent, Russian State University named A.N. Kosygin (TECHNOLOGIES. DESIGN.ART)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).